

Колосёр

9

СЕНТЯБРЬ

1967

УЧЕНИЦА

ИДЕТ

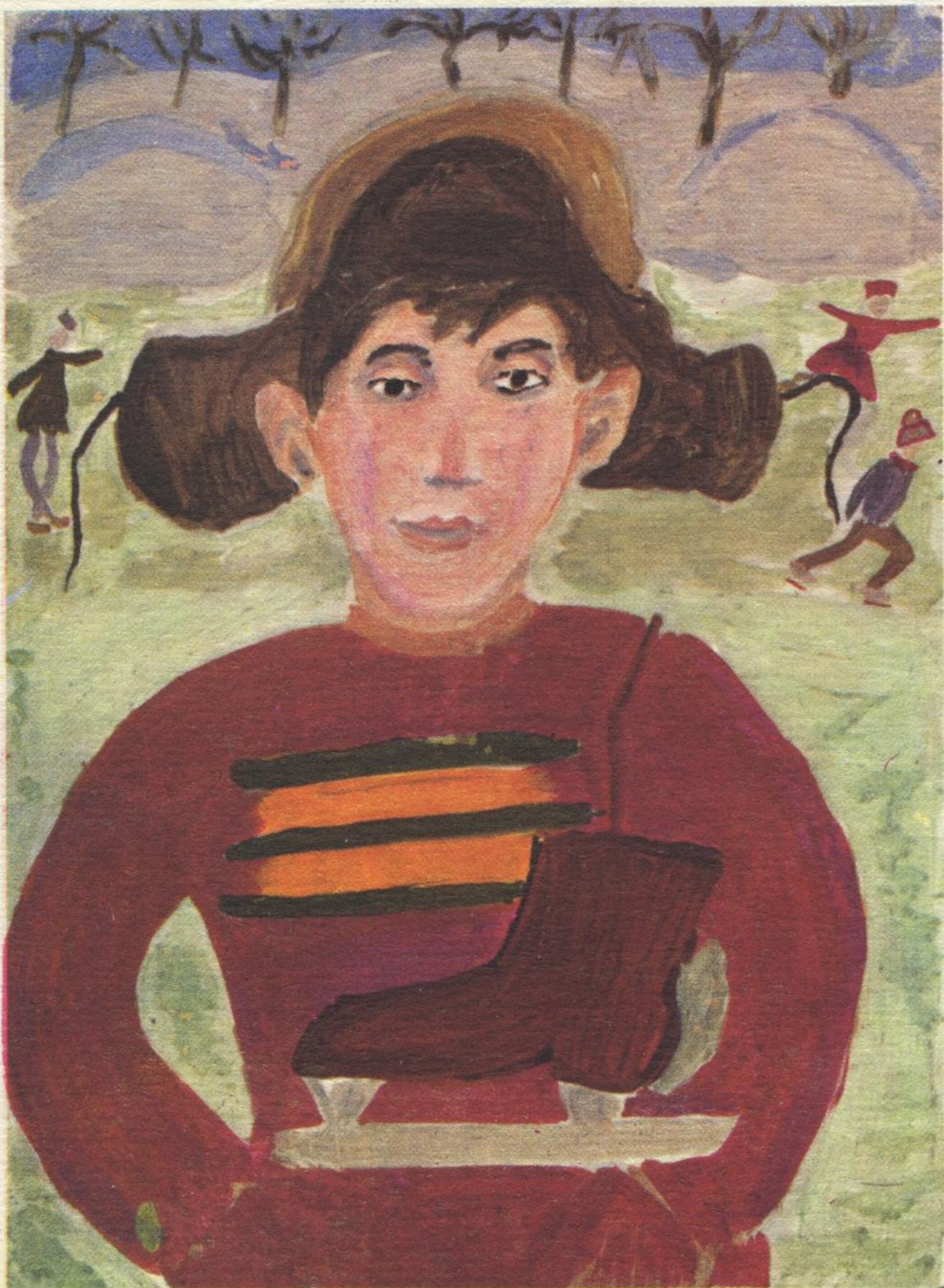
К ДОСКЕ

*Вера Белякова, 10 лет,
пионерский лагерь „Светоч“*

ПАРОХОД

Юра Купцов, 11 лет, Дворец пионеров

С КАТКА Лена Галухина, 7 лет, Дом пионеров Смольнинского района

**В ЭТОМ НОМЕРЕ
ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ РАБОТЫ
ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ
ЛЕНИНГРАДА
С ВЫСТАВКИ
„ЮНЫЙ ХУДОЖНИК“
В ГОСУДАРСТВЕННОМ
РУССКОМ МУЗЕЕ
1967 ГОДА**

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Встречи с Зорге

воспоминания Л. РИММ 2

Портрет Кати Е.

повесть В. ВОСКОВОЙНИКОВА 6

Здравствуй, Памир!

путевые зарисовки О. ЗЕМЦОВА 25

Черная бомба

стихотворение А. КРЕСТИНСКОГО 27

**Приключения Васи Булкина
в революционном Петрограде 28**

Клуб Жака Паганеля 30

Торговцы смертью

обзор Г. АЛЕКСАНДРОВИЧА 34

Пионерская школа „Костра“ 36

Стихи о природе

Г. СЕМЕНОВА 38

Своими руками

репортаж Н. НЕУЙМИНОЙ 39

Стол загадок-67 41

Репетиция

глава из книги О. РЕМЕЗА 41

Обрывок газеты

рассказ В. ГРУСЛАНОВА и М. ЛОБОДИНА 45

Что? Где? Когда? Почему? 46

Небесный торт

повесть-сказка ДЖАННИ РОДАРИ 47

„Уголён“

журнал для малышей 55

Школа „Спринт“ 57

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА 58

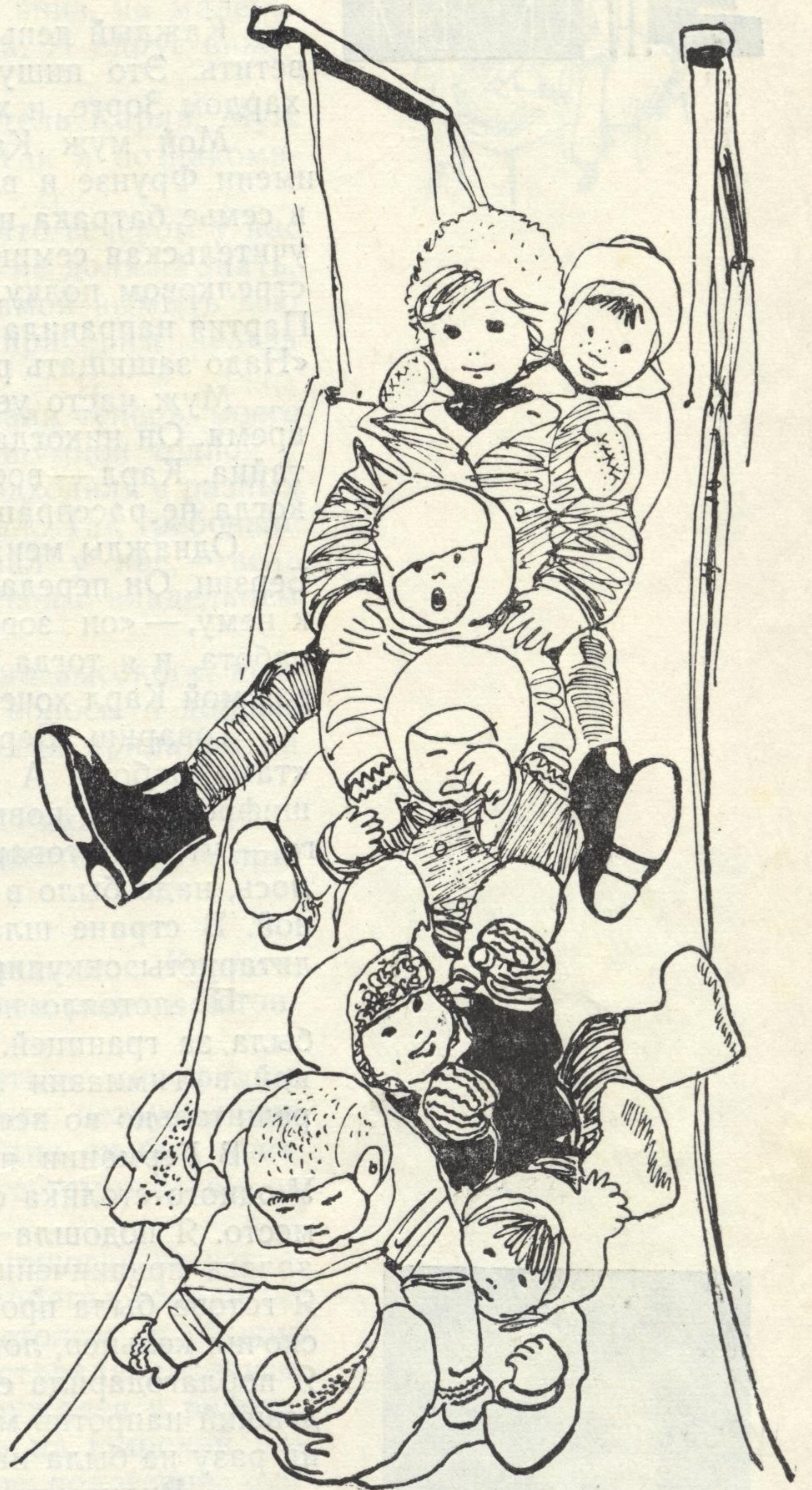
Тритон-Харитон

рассказ Л. СТЕКОЛЬНИКОВА 59

Уголок веселого архивариуса 61

Морская газета 62

Операция „64“!!! 64

Катя предложила кататься вагончиками. Все цеплялись друг за друга и ехали вниз.

Читайте повесть В. Воскобойникова «Портрет Кати Е.»

ВСТРЕЧИ С ЗОРГЕ

Рассказывает Любовь Ивановна Римм

Каждый день я получаю целую пачку писем. Даже не успеваю ответить. Это пишут пионеры. Они узнали, что я работала вместе с Рихардом Зорге, и хотят знать, как это происходило. А было это так.

Мой муж Карл Мартынович Римм окончил военную академию имени Фрунзе и владел шестью иностранными языками, хотя родился в семье батрака и до 1917 года за его плечами была только Тартуская учительская семинария. В гражданскую войну он служил в латышском стрелковом полку, в восемнадцатом году вступил в ряды большевиков. Партия направила его работать в ряды чекистов, и Карл гордился этим. «Надо защищать революцию», — говорил он.

Муж часто уезжал в командировки, на короткий срок и на долгое время. Он никогда не говорил, куда едет. И я понимала, что тайна есть тайна. Карл — военный и коммунист, дисциплина для него свята. Я никогда не расспрашивала его ни о чем.

Однажды меня вызвал к себе начальник моего мужа Ян Карлович Берзин. Он передал письмо от мужа и спросил, не хотела бы я поехать к нему, — «он зовет вас». У меня были в Москве друзья и любимая работа, и я тогда поступила в медицинский институт, — но я подумала: раз мой Карл хочет, чтобы я приехала к нему, значит, так надо.

Товарищ Берзин спросил меня, не соглашусь ли я выполнять «там» работу. А что надо делать? Зашифровывать донесения и расшифровывать новые указания Центра. Справлюсь ли? — «Ничего-ничего, — утешил товарищ Берзин, — мы вас научим». А ехать, как оказалось, надо было в Китай. В то время обстановка в Китае была тревожной. В стране шла гражданская война, а тем временем японские милитаристы оккупировали Манчжурию и мечтали захватить весь Китай.

Предстояло почти кругосветное путешествие, а ведь я ни разу не была за границей. Правда, меня выручало знание языка, — еще девочкой в гимназии я брала частные уроки немецкого, отказывая себе решительно во всем.

В Германии я села на пароход. Вечером спустилась в ресторан. У одного столика сидела парочка, и рядом с ними еще было свободное место. Я подошла и хотела, чтобы сесть, отодвинуть кресло, но оно оказалось привинченным к полу. Парочка удивленно уставилась на меня. Я готова была провалиться сквозь землю — так была сконфужена. Подскочил кельнер, ловко повернул злополучное кресло, помог мне усесться. Я поблагодарила его по-немецки и заказала ужин. Тогда господин, сидевший напротив меня, поинтересовался, из какой я провинции, неужели ни разу не была на море? Он решил, что я из Германии.

— Видите ли, я из Эстонии и на таком большом пароходе впервые.

— Но почему же вы так хорошо говорите по-немецки?

— Мать моей матери была немкой, она научила меня, — высокомерно ответила я ему. Хотя моя бабушка на самом деле была простой эстонской крестьянкой, даже малограмотной.

А когда наш пароход остановился в Бомбее, ко мне подошли вдруг две дамы и поздоровались по-эстонски. Конечно, я ответила тоже по-эстонски. Видимо, думаю, прочли мою фамилию в списке пассажиров. Сразу отойти от них нельзя: невежливо. Дамы спросили, откуда я, из какого города. Что ответить? Почему они спрашивают — просто так или проверяют? Родилась я в Вильянди, училась в Пярну, но с семнадцати лет мой родной город Москва...

Любовь Ивановна Римм

— Я долго жила за границей, — так я ответила дамам с самой любезной улыбкой.

А куда же я еду? Ах, в Шанхай, к мужу? Ах, он коммерсант? Какое приятное знакомство!

Наконец, Шанхай. Пароход долго не принимали. Пассажиры толпились на палубе. Я тоже стояла у борта и смотрела вниз, на маленькие суда, копошившиеся у нашего огромного парохода. И вдруг вижу: в джонке стоит мой Карл. Он встречал меня.

Домой мы ехали в машине. За рулем сидел приятель Карла. Муж представил его: «Сеппель, хозяин радиомастерской». Так я познакомилась с нашим радистом Максом Клаузенем.

Уже по дороге из порта Карл предупредил меня, что вечером у нас соберутся друзья. Надо отпустить прислугу. Прислуга не должна знать, кто бывает у нас. Потом, после приема, надо будет самой вымыть всю посуду и выбросить окурки, чтобы по оставшимся приборам нельзя было узнать, сколько приходило людей.

Вечером у коммерсанта Пауля Зальмана — так звали теперь моего Карла — стали собираться гости. Они не теснились шумной толпой у подъезда. На нашу лестницу вело четыре хода. Гости подходили с разных сторон и незаметно проскальзывали к нам на второй этаж. Так требовала конспирация. Впоследствии только Макс открыто бывал у нас, — ведь никого не могла удивить дружба хозяина радиомастерской с владельцем магазина фототоваров.

Среди гостей нельзя было не обратить внимания на высокого, красивого мужчину. У него были вьющиеся каштановые волосы и добрые голубые глаза. Двигался он легко и энергично, но слегка припадал на правую ногу.

— Луиза, познакомься, — сказал Карл, — это наш Рихард.

Рихард осведомился, хорошо ли я перенесла путешествие и не привезла ли за собой «хвоста».

— Нет, как будто все в порядке, — ответила я.

Разговор шел по-немецки. И потом даже дома, наедине с Карлом, мы разговаривали только по-немецки, а о русском и моем родном эстонском пришлось надолго забыть.

О Рихарде Зорге написано уже много книг, есть и кинофильм. Но мне бы хотелось сказать вот что: да, Рихард был незаурядным, умным и волевым человеком. И в вопросах конспирации он был чрезвычайно строг. Но это не мешало ему с друзьями — с теми, с кем он работал, — быть чутким, внимательным, деликатным...

Я видела его каждый день. Вне нашего дома мы никогда не встречались. Он посещал нас, разумеется, тайно. Иногда прибежал голодным. «Луиза, — говорил он с порога, — накорми меня». За столом он обычно был весел, рассказывал анекдоты, шутил. Я даже уставала смеяться.

Но обычно Рихард, едва войдя в дом, сразу погружался в работу. Он сбрасывал пиджак, и они с Карлом усаживались на широкий диван — разбирать бумаги. Я давала каждому махровое полотенце, они вешали их на шею, потому что пот поминутно заливал лицо. От изнурительной жары не спасали ни вентилятор, который непрерывно шумел на столе, ни прохладительные напитки.

Разобрав корреспонденцию, Рихард и Карл составляли из полученной информации краткое сообщение в Центр и передавали его мне.

Я тотчас уходила в соседнюю комнату, чтобы тщательно зашифровать текст. Это надо было делать в полной тишине, так как малейшая ошибка недопустима.

После деловых разговоров Рихард очень любил посидеть с моим мужем за шахматами, это у них была общая страсть. У них вообще были близкие вкусы. Сидя за шахматами, они часто заводили патефон. Слушали серьезную музыку: Баха, Моцарта, Шопена. Очень любил

Рихард Зорге

Рихард торжественную увертюру «1812» Чайковского. Из вокальных записей у нас были пластинки Карузо, Галли Курчи, Шаляпина. Иногда Рихард просил Карла спеть вполголоса «Бродягу». Ему почему-то нравилась эта грустная песня.

Так мы работали вместе с Рихардом около года. Мое участие было скромным: обработка телеграмм и иной раз получение почты. Как это делалось? Расскажу один случай.

Однажды я отправилась на обычную встречу. В парке на знакомой скамье должна была ждать меня женщина в плаще. И вдруг, когда я подошла к условленному месту, оказалось, что на нас обеих надеты одинаковые ярко-красные плащи. Это смутило меня, — такое совпадение не могло не броситься в глаза прохожим. Но уже ничего не изменишь. Я присела на скамью и положила свою пачку газет рядом с приготовленной для меня. Развернув одну газету, я сделала вид, что углубилась в чтение. Тем временем моя соседка ушла. Посидев немного, я взяла предназначенный мне сверток газет и направилась к выходу из парка. И тут заметила, что следом за мной, не приближаясь и не отставая, едут велосипедисты.

Самое главное — не спешить, не прибавить шагу, надо даже идти чуть медленнее. Это было очень трудно. У ворот парка велосипедисты обогнали меня и остановились на перекрестке у полицейского поста.

Так и есть! Шпики! Хотелось повернуть направо, мой дом был рядом, но я перешла улицу наискось, резко свернув влево. Едва я скрылась от своих преследователей за углом, как силы оставили меня. Я подозвала такси и, дав большой крюк, сменив две машины, поехала — нет, не домой, а к друзьям, в американский сектор. Весь Шанхай делился тогда на сектора — так называемые «концессии». Мы, например, жили в английской, а Рихард Зорге — во французской.

Когда мы вскрыли полученную почту, она оказалась чрезвычайно важной. А красный плащ с тех пор был исключен из моего гардероба.

Я уже говорила, что климат в Шанхае очень тяжел. Так вот, стоял жаркий душный день, когда я отправилась на очередную прогулку — опять за почтой. Я надела белую шляпу и взяла зонт и все-таки вернулась домой едва жива.

— Ванапойс, вызови врача, — сказала я. Так я называла мужа; «ванапойс» по-эстонски — старый мальчик, это шутливое прозвище дала ему его мать.

Приехал врач, и меня увезли в больницу. Там сестра должна была взять у меня кровь и никак не могла найти вену. Тогда я сказала:

— Наложите жгут.

— Вот как, вы знаете про жгут? — удивилась сестра.

Но у меня еще хватило сил объяснить. Я дала понять, что я дежурила в госпитале как дама-патронесса «в эту ужасную войну», — вот откуда мои медицинские познания.

Дальше помню все неясно. Мне делали какие-то уколы, вливали лекарства. А рядом был Карл. Он дежурил около меня. Ему разрешили.

— Ну, скажи мне что-нибудь, — говорил он, когда я приходила в себя.

А я думала только об одном: как передать ключ шифра. Ведь его знала только я. Теперь я умру, и вся работа прервется.

Надо сказать, что случай в парке и болезнь — это исключение, их нельзя было предусмотреть. Обычно дни проходили спокойно.

Самое плохое — поддаться пустым страхам. Вот однажды Карл сказал мне:

— Луиза, завтра мы идем в церковь.

— Зачем? — удивилась я. — Ведь ни ты, ни я не верим в бога.

— А Пауль Зальман верит. — ответил Карл. — И он не взял бы в жены какую-нибудь легкомысленную девушку без бога в сердце.

Макс Христианзен-Клаузен

— Ну, если этого требует конспирация, хорошо, пойдём.

На другой день мы встретились с мужем на улице перед входом в лютеранскую церковь. Карл был очень торжественный, весь в черном. Только борт его сюртука топорщился. Так некрасиво!

Я хотела поправить, но поняла: там что-то спрятано. Неужели почта?

Больше я ни о чем не могла думать. Мы вошли в церковь. Карл раскрыл молитвенник и запел вместе с прихожанами. А я стояла как истукан. Мне все представлялось, что вот Карл как-то неловко повернулся и выронил все бумаги. Я уже видела их рассыпанными на каменном полу.

Наконец служба окончилась.

— Ну, как тебе понравилась церковь? — весело спросил Карл, когда мы вернулись домой.

— Я не видела церкви и не знаю, какая она, — ответила я. Я была очень сердита. — Почему ты пришел туда с почтой? Я ведь вижу, что у тебя под сюртуком.

Карл засмеялся: «Ах, вот ты о чем!» Он расстегнул сюртук и достал оттуда... пфефферкухен! Такой большой пряник. И на нем сахарной глазурью было выведено: «Пауль».

Оказывается, Пауль Зальман получил от кого-то из знакомых рождественский подарок.

Я тогда была очень неопытна, и мои нервы были напряжены. Особенно, когда Карл уезжал по делам, а я оставалась одна. В огромной квартире — у нас было семь комнат, как и полагается состоятельным людям, — ни звука. Радио у нас не было. Я очень страдала от этой тишины, не могла спать. И решила купить канареек, — все-таки что-то живое будет рядом.

Как же рассердился мой Карл, когда вернулся домой!

— И тебе не стыдно? — сказал он. — Ты стала мещанкой, развела канареек! Отдай их кому-нибудь.

Но отдавать канареек не пришлось. Когда я сама уехала с поручением в другой город, наша кошка съела одну канарейку, а другая улетела. Правда, потом Карл понял, зачем мне нужны были птицы, и сам купил мне клетку с канарейками.

А позже нам пришлось обзавестись и собакой, чтобы был предлог лишний раз отправиться на прогулку, то есть за почтой. Только кошка появилась у нас в доме не для дела, — просто Карл очень любил кошек.

Канарейки, кошка, собака — обычный мещанский уют. Для постороннего глаза мы жили как богатые и беспечные люди.

Так прошёл год моего пребывания в Китае.

В 1933 году Рихарда Зорге вызвали в Москву. Скоро уехал и Макс Клаузен. Расставаться было грустно, хотя мы старались быть веселыми и шутили.

Больше я не видела Рихарда Зорге, но вёсти о работе его в Японии (группа Рамзай) доходили до нас.

**Карл Мартынович
Римм**

Литературная запись Л. Кокориной

ПОРТРЕТ КАТИ Е.

ПОВЕСТЬ

Валерий Воскобойников
Рисунки Т. Капустинной

— Есть девочки, которых никогда не называют мальчиком. А Катю называют часто.

— Хулиган противный, слезай с забора сейчас же! — кричат дворники Кате.

И Катя слезает.

— Мальчик, ты не там переходишь улицу, — говорит, проезжая, милицейская машина.

И Катя переходит там.

Ночью маме снятся кошмары. Ее дочь сидит на паруснике, на самой вершине Адмиралтейской иглы и помахивает ногами. Внизу свистят дворники и милиционеры, но Катя слезать не хочет.

— Почему ты не обращаешь внимания на записи в дневнике? — говорит Катина мама Катиному папе наутро.

А папа вздыхает и по-прежнему не обращает внимания.

Наконец мама не выдерживает. На родительском собрании она берет слово.

Собрание решает: Катю пересадить к Дорину.

— Такая хорошая девочка, а болтушка, — говорит Василиса Аркадьевна, классный воспитатель, — это последний шанс.

— Дорин из тебя человека делает, — говорит мама вечером после собрания.

А Катя молчит. Она расчесывает волосы на ночь и все равно молчит. А обычно она в это время разговаривает со скворцом Петькой или сама себе напевает.

«Кто же будет сидеть с Ниной?» — думает Катя. Нина — любимая Катина подруга. Сейчас ее в школе нет. Сейчас Нина болеет свинкой.

Дорин с первого дня первого класса был отличником. Он получал всегда одни пятерки. Даже четверки у него появлялись редко.

Если в школе устраивали торжественный митинг — Дорин на нем выступал. Если дарили цветы уважаемому человеку перед строем дружины — это делал Дорин.

Однажды класс в полном составе сбежал с уроков на фильм «Шпиона лови в себе». Дорин сбежал тоже. Он добежал до кино со

всеми, а у касс незаметно скрылся и побежал в обратную сторону, то есть в школу.

Другому за это попало бы от класса. Но к Дорину все привыкли, от него этого ждали. И ему было хорошо, хотя всему классу потом было, конечно, плохо.

* * *

Такого тумана Катя не видела ни разу в жизни. Как будто это и не туман вовсе, а военная дымовая завеса, пущенная кем-то специально, чтобы люди не могли попасть на свою работу, опоздали в школу, чтобы автобусы останавливались толпой на каждом перекрестке, а потом неуверенно переезжали улицу. Туман бродил вокруг светофоров, слепил фары машинам.

Катя понюхала туман. Он, оказывается, имел запах. Он пах старыми мокрыми щепками.

Можно было заблудиться и прийти в школу на второй урок, но тут попался на дороге Дорин. Вернее, Катя попала к нему и Дорин ее обогнал.

У них в классе мальчишки не здороваются при встрече на улице, если встреча не специальная. Отводят глаза, будто не узнают. А Дорин здоровается. Он и с учителями здоровается со всеми. И дверь им открывает, оставаясь сам позади.

— Здравствуй, Ермолова, — сказал Дорин и обогнал ее на несколько шагов.

— Дорин, а Дорин! — крикнула ему Катя. — А меня на твою парту сажают.

— Как на мою? — удивился Дорин.

Он забыл, что до звонка всего чуть-чуть, и дал догнать себя Кате.

— А так, на твою. Василиса Аркадьевна моей маме вчера сказала.

— А кто это попросил?

— Очень нужно, конечно, не я.

— Куда же меня пересадят? — расстроился Дорин.

— Тебя никуда. Ты рядом со мной будешь сидеть, чтобы исправлять меня. Это все Василиса Аркадьевна сказала.

— Раз сказала, значит, нужно, — вздохнул Дорин и снова пошел быстрыми шагами.

Катя еле успевала за ним. А бежать не хотелось. Что она, физкультурник, что ли? Он будет идти по улице, а она рядом с ним бежать. И она отстала. Но в школу все-таки успела. И пальто сдала до звонка, и в класс вошла, и только тогда зазвенел звонок.

Первый урок был легкий — рисование.

— Дорин, а Дорин, — сказала Катя.

— Молчи, — сказал Дорин.

Если в перемену шумели, спорили о футболе, Дорин молчал за своей партой. Говорили о космонавтах, Дорин тоже молчал. Девчонки обсуждали одежду учителей, Дорин, конечно, молчал. Он был самым тихим в свободной от уроков жизни класса, этот Дорин.

— Смотри, кто-то по стене ползет.

Дорин не отвечал и на стену не смотрел.

— Дорин, убери с моей половины локоть.

— Не болтай.

Он писал сегодняшнее число, облизывая нижнюю губу, и очень старался. А Катя уже написала.

— Привык один всю парту занимать.

Дорин молчал.

Катя провела пальцем по парте.

— Эта половина моя, эта — твоя.

— Я и так на своей сижу.

— Вот это ты видел? Вот этот мой кулак?

— Катерина Ермолова! — крикнул учитель. — А я слышал, ты исправляешься.

В дневнике Кати он написал замечание: «Показывала кулак на уроке рисования».

Вечером Катя вышла во двор. Во дворе гуляли малыши. Они ходили вокруг деревянной горки и не могли на нее забраться. Родители малышей скалывали детскими лопатками лед с лесенки. Наконец лед весь скололи и родители по разу съехали вниз. Некоторым понравилось, и они прокатились еще по разу. Потом стали кататься малыши. Но малыши были неорганизованными. Один стоит на горке и кричит вниз, чтоб ему освободили дорогу, а потом съедет и сам становится на этой дороге.

Катя предложила кататься вагончиками. Все цеплялись друг за друга и ехали вниз. Внизу у конца ледяной дорожки получалась куча мала. Когда Катя в третий раз вылезла из этой кучи вся белая, в ледяной трухе, ее оставила женщина в красивой шубе.

— Вероятно, ты Катя Ермолова?

— Я. А как вы узнали?

— Да так вот, по рассказам, — усмехнулась женщина.

Катя привела ее к своей квартире.

Дверь открыл Катин папа с ножом в руке. Он, если что делал, то всегда забывал положить вещь, которой работал, на место, когда звонили, и шел с этой вещью открывать.

Женщина в шубе странно посмотрела на большой кухонный нож в папиной руке и сказала:

— Я мама Левы Дорина.

Папа засмутился и спрятал нож за спину.

Женщина еще раз странно посмотрела на папу и вошла в квартиру.

А Катя вернулась на горку. Но там стало ей неинтересно, потому что интересней было бы послушать разговор папы с доринской матерью.

— У тебя опять замечание, — сказала Катина мама вечером за чаем. — Ну зачем ты показывала кулак Леве Дорину?

Катя молчала.

— Разве я показываю папе кулак? Что ты молчишь? Скажи, я показываю?

Папа вынул платок и стал в него сморкаться. Было похоже, что он в этот платок смеется.

— Ты не молчи. Ты скажи, я показываю кулак кому-нибудь на улице? — настаивала мама.

— Нет, — сказала Катя тихо.

— А ты вот показываешь. Человеку, который тебя исправляет.

— Я больше не буду в следующий раз.

— Ты каждый день говоришь свое «больше не буду».

— И нет. Про кулак не говорила. Про плоты и про рваное платье говорила, а про кулак — ни разу.

— Ладно, — сказал папа, — пошли играть в шашки.

— Нет, ты подожди. Ты видишь, я ее воспитываю.

Но папа уже ушел в комнату.

Про разговор с матерью Дорина он ничего не сказал. Или разговор был такой секретный?

* * *

В комнате у Кати жил говорящий скворец Петька. Этот скворец раньше принадлежал тунеядцу Ляпину с первого этажа. Про Ляпина все говорили, что у него светлая голова, но он сбился с пути. И терпели его художества, пока не кончилось терпение.

Ляпин ловил птиц и торговал ими на рынках. А дома у него постоянно жил в своей клетке скворец Петька. И Ляпин научил его говорить. Когда у Ляпина было хорошее настроение — Петька учился хорошим словам, когда настроение было разное — Петька учился словам разным.

Однажды была выставка птиц, и Петька занял там первое место среди скворцов по чистоте выговора. Его пригласили участвовать в телевизионной передаче. Ляпин к этой передаче купил себе белую рубашку и занял галстук у Катиного отца.

Передача называлась «Привет вам, птицы». Сначала артистка прочитала рассказ писателя Виктора Голявкина, который тоже так назывался — «Привет вам, птицы», а потом выступал скворец Петька. Его клетка стояла на высокой круглой тумбе под яркими прожекторами, от которых шел жар. И когда к Петькиной клетке оператор подвез камеру, а с другой стороны подсунули микрофон, Петь-

ка вдруг вместо «доброе утра» или «ну-ка, ну-ка» закричал: «Привет дуракам! Привет дуракам!»

— Ой-ой! — испугался оператор и сел около камеры на пол.

— Ох, — зажал уши режиссер, а потом стал пить воду большими глотками прямо из графина.

А тунеядец Ляпин бегал вокруг клетки, стучал кулаком по решетке и грозил разными словами.

После этой передачи некоторые телезрители написали коллективное письмо в газету о том, что их несправедливо презирают.

А тунеядца Ляпина судили общественным судом жильцы дома.

И теперь Ляпин исправляется на заготовках леса, а скворец Петька исправляется в комнате у Кати.

Птицы быстро забывают разные слова, если при них не повторяют эти слова люди. Но Петька еще не все забыл, зато тунеядец Ляпин уже исправился и пишет в домовый комитет письма, в которых обещает поступить на завод учеником пожарного, а по телевизору никогда больше не выступать, сколько бы его ни звали.

* * *

На следующий урок рисования учитель принес фарфоровый кувшин и деревянную подставку. Подставку он поставил на стол, кувшин на подставку.

— Всем видно? — спросил он.

— Всем! — ответили все.

— Тогда рисуйте. Не забудьте о светотени.

Катя рисовала плохо. Она смотрела, как проводит прямые линии Дорин, и удивлялась, как это у него правильно получается. Даже ручка изгибается так же плавно, как у кувшина.

Она протерла бумагу до дырки в одном месте, и наконец у нее получилось что-то похожее. А время еще оставалось.

И Катя нарисовала цветы. Сначала колокольчик. Тонкий стебель и головка наклонились вниз, потом ромашку. Ромашка получилась широкая, как парашют. Еще одну ромашку.

— Что ты делаешь? — удивился Дорин. — Мы же с натуры рисуем.

— С какой еще натуры?

— С простой. Нельзя рисовать лишнего. Сотри цветы.

— Подумаешь, воспитатель! Не хочу я их стирать.

И учитель ее услышал. Дорина не слышал, а ее так сразу.

— Ермолова, — сказал учитель, — сейчас я к тебе подойду.

И подошел.

— Кувшин нарисован почти верно. Вижу, ты исправляешься. Зато цветы, придуманные тобой, протыкают кувшин насквозь. Представь: разве это возможно? В следующий раз поставлю за такую фантазию два.

И он показал, как должны стоять в кувшине эти цветы.

* * *

На сбор отряда Катя ехала в автобус. Она сидела у окна и смотрела на улицу.

Впереди ехал тоже автобус, и Катин стал догонять его. Вот они поехали уже рядом. Из того автобуса на Катю смотрел парень. Он тоже сидел у окна. Он посмотрел на Катю и подмигнул ей. Тут Катин автобус стал обгонять парня, и Катя помахала рукой: «До свидания». А парень покачал головой и снова подмигнул. Они поехали вровень и продолжали друг другу подмигивать и улыбаться.

Парень снова подмигнул, но Катин автобус рванулся вперед изо всех сил, Катя показала парню язык и скоро забыла про него. Но на перекрестке их автобусы снова поравнялись, и парень сделал Кате нос: приставил к своему носу большой палец, а остальными пальцами подрыгал в воздухе.

Тут он начал отставать уже окончательно, и Катя сделала нос сразу двумя руками: «Вот тебе, получай».

А потом начался сбор отряда. Вернее, он никак не мог начаться, потому что все ждали нового пионервожатого.

— Ваш вожатый — рабочий с шефского завода, — сказала Василиса Аркадьевна.

Все его ждали, и он наконец вбежал. Это был тот самый парень, который отстал от Кати в своем автобусе.

— Извините, проехал лишнюю остановку, — сказал он, тяжело дыша.

— Это ваш новый пионервожатый, — сказала Василиса Аркадьевна, — он с вами будет знакомиться, а я пока выйду.

И знакомство началось.

Все зашумели, кто как захотел, а пионервожатый стоял у стола и открывал рот, но сказать ничего не мог.

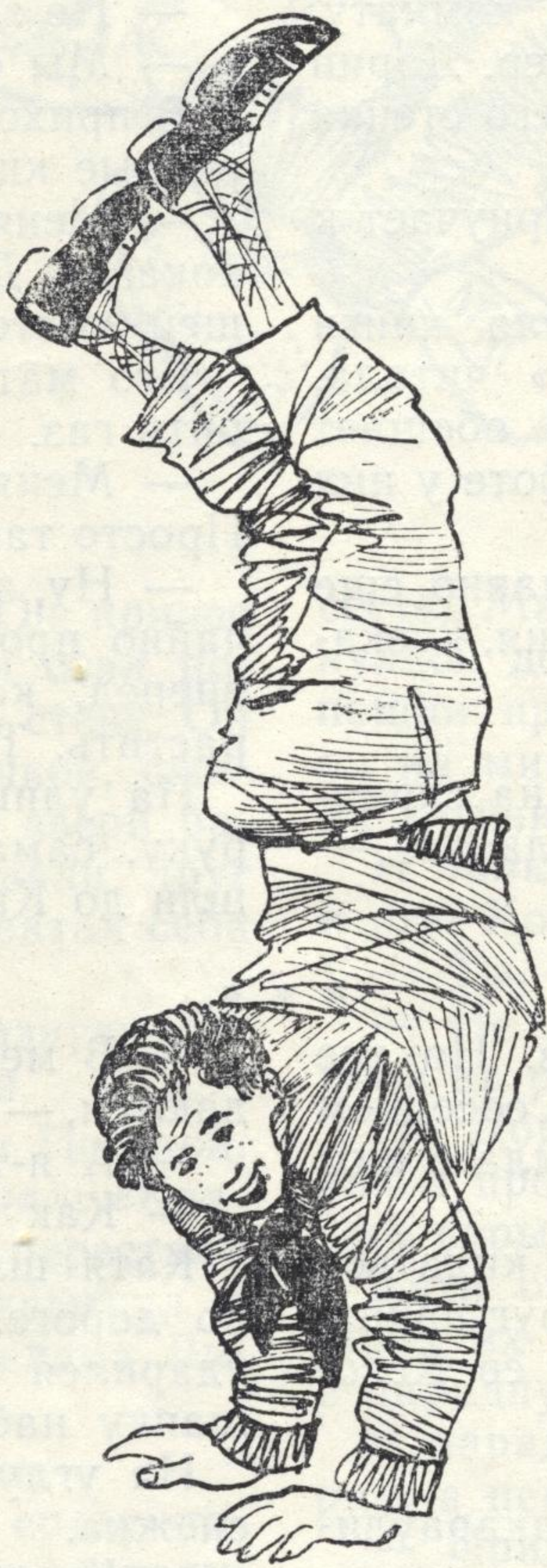
Все кашляли, чихали, мяукали, смеялись. Молчали только Катя и Дорин. Дорин молчал, потому что он был командиром отряда, и потому, что он молчал всегда. А Катя молчала, потому что пионервожатый получался ей как бы хорошим знакомым, знакомей, чем многие люди.

Вдруг пионервожатый отошел от стола, остановился посреди класса и сделал стойку на руках. Он стоял так, на руках, долго. Ноги у него покачивались вперед-назад, и сам он изогнул шею и смотрел в потолок.

Все сразу стихли. Но в это время дверь открыли завуч с директором. Завуч вошел в класс, говоря директору что-то через плечо назад и не видя стоящего на руках посреди класса пионервожатого. А директор открыл рот, прислонился к двери и полез в карман за таблетками. От сердечной боли. И завуч, наконец, тоже увидел, тихо сказал: «Извините» — и стал пятиться в коридор. Они оба, директор и завуч, захлопнули за собой дверь и

куда-то быстро побежали по коридору. Тут пионервожатый вскочил на ноги, тоже выбежал в коридор и тоже побежал куда-то, наверно, догонять их.

Больше в класс он уже не вернулся. Зато вернулась Василиса Аркадьевна. Она сказала, что сбора не будет, и чтобы все без разговоров быстро шли по домам.

* * *

— Моя мама и я приглашаем тебя в гости, — сказал Кате Дорин.

— Зачем?

— Как зачем? Ей ведь нужно узнать, с кем я сижу на уроках.

И Дорин сказал адрес.

— Ты должна тщательно причесаться, — сказала Катина мама дома, — и уши проверь, и ногти.

— А вот и Катя. Левушка, это Катя! — сказала мать Дорина очень радостным голосом, когда Катя пришла к ним.

И Дорин вышел в прихожую.

— Раздевайся, Катя. Шапку на этот столик, — говорила мать Дорина.

И Катя разделась, положила шапку на столик.

Потом они с Дориным пошли в комнату. В комнате у Дорина был свой секретер. Дорин показал, как ловко откидывается у него стенка и делается столом.

— Места занимает не много и приучает к порядку, — сказал он.

— Это Жюль Верн, да? — увидела книги Катя. — Я «Дети капитана Гранта» читала. А «Таинственный остров» мама все обещает принести, а не несет. Говорит, на работе у них очередь.

— Я тоже еще не читал. Мне недавно еще подарили. Для развития воображения, — сказал Дорин.

Пришла мама из кухни.

— Сейчас Левушка нам поиграет на скрипке, а потом будем пить чай, — сказала она, — ты, Катенька, не возражаешь?

* * *

Фамилия Козодоя была Козодоев. Но все ребята звали его Козодой. Он жил в соседнем с Катиным дворе. И Катя раньше была с ним в детском саду в одной группе.

В эту зиму Козодой вдруг начал кидаться снежками. Никогда не кидался и вдруг начал. Идет Катя в булочную — уже ждет ее Козодой с готовым снежком.

— Дурак! — кричит ему Катя.

А на обратном пути Козодой подкарауливает снова.

Однажды увидел Катю в форточке и тоже кинул. Катя спряталась за окно, а снежок влетел в комнату и разбился на паркете. От него растеклась грязная вода.

* * *

— А теперь ты должна пригласить Леву к себе, — сказала Катина мама.

— Почему должна?

Катя не возражала.

Дорин вынул скрипку из футляра, который лежал за секретером, и прижал ее подбородком к плечу.

— Может быть, ты, Катенька, хочешь исполнить что-нибудь? — спросила доринская мама.

— На скрипке? — удивилась Катя. — Я не умею. Я вообще ни на чем не умею. У нас наверху сосед — артист, он целый день играет на пианино — все слышно.

— Тебе, Катя, очень пошла бы скрипка, — сказала доринская мама, и Дорин заиграл.

Потом они пили чай с круглым печеньем «Мария», говорили про погоду, а Дорин говорил про уроки.

— Тебя до которого часа отпустили? — спросила доринская мама.

— Не знаю, — сказала Катя.

— Мы слевой тебя проводим.

В прихожей на полках под потолком стояли разные книги.

— Меня вот по этой книге воспитывают, — показал Дорин на самую толстую в блестящей желтой обложке, — а тебя по какой?

Его мать как раз вышла на кухню проверить газ.

— Меня? — удивилась Катя. — Не знаю. Просто так, наверно, без книг.

— Ну, значит, они от тебя скрывают. Я случайно прочитал ту книгу. Теперь знаю даже вперед, как в следующем году будут меня растить. Там все по годам размечено.

На улице доринская мама взяла Катю за руку, сама пошла посередине, и так они дошли до Катиного дома.

— В меня, между прочим, снежками не кидаются, — сказала тогда мама.

— А я-то при чем! — обиделась Катя.

— Как знать, — улыбнулся папа.

Катя шла с Дориным из школы. Им ведь по дороге. И вдруг прямо о Катину шапку ударился крепкий снежок. Ударился и сбил шапку набок.

На углу стоял Козодой и готовил еще два снежка.

— Козодоище! — хотела крикнуть Катя.

Но Дорин вдруг втянул голову в плечи, будто в него, а не в Катю целился Козодой, и сказал:

— Пошли быстрее, лучше не связываться.

* * *

— Это долг вежливости. Если ты была в гостях, то обязательно должна пригласить к себе хозяев,

В субботу был Катин день рождения.

На день рождения пришли Катины двоюродные сестры Маша и Даша. И пришел Дорин.

Дорин подарил большую книгу «Искусство вышивки».

Катя повела всех к себе в комнату и показала камни, которые ей подарил дядя, геолог.

— Смотрите, смотрите, — говорила она, — это ирризирующий шпат. Повернешь так — камень как камень, а вот так, — во, видите, как он сразу внутри засветился.

Дорин взял этот ирризирующий шпат, покрутил его, положил на место.

— На картине художника Куинджи «Лунная ночь на Днепре», — сказал он, — вот там вода светится по-настоящему.

И девочки все замолчали, потому что они еще не видели этой картины Куинджи.

Потом в комнату пришел папа. Он принес керосиновую лампу, погасил свет и стал показывать разных зверей и людей на стене. Он держал руки перед горящей лампочкой, сжимал и разводил пальцы, а на стене звери разевали пасть, два петуха наскakивали друг на друга, а старик Мокей смешно хватал себя за бороду и кланялся зрителям.

Потом все пили лимонад и ели разную еду, которую целый день готовила мама.

Потом разговаривали со скворцом Петькой. Он был в хорошем настроении и кричал: «Красота! Красота!» Но когда на него перестали обращать внимание, он вдруг подпрыгнул в клетке и сказал ясным голосом тунейдца Ляпина:

— Морда, дай порубать скворушке.

И все смутились, а Катин папа сразу накрыл клетку покрывалом, чтобы Петька подумал, что наступила ночь и заснул.

Все стали играть в игру «хлоп-хлоп, топ-топ». И Катин папа играл, и мама тоже. А Дорин вдруг сказал, что сделает сейчас стойку на руках, как тот пионервожатый.

Его отговаривали, но он все равно пытался встать на руки у стены, но не встал, а растянулся поперек комнаты и стал изображать умирающего, и все смеялись, и он тоже.

Потом пошли на улицу. Сначала посадили

сестер Машу и Дашу в троллейбус. Мама вернулась домой мыть посуду. А Катя с папой пошли провожать Дорина. Папа сказал, что он на минутку отлучится в магазин, а потом их догонит.

И только он отошел, как сразу подскочил к ним Козодой.

— Ты, — сказал он Дорину, — иди сюда.

— Не ходи — испугалась Катя и взяла Дорина за руку.

Но Дорин сжался, втянул голову в плечи, как в прошлый раз, и поплелся за Козодоем. Они скрылись в парадной.

Катя оглянулась, не догоняет ли их папа. Папа их не догонял. Тогда она тоже вошла в парадную.

В парадной, прижавшись в угол, стоял Дорин, а перед ним махал кулаками Козодой.

— Придешь сюда? — спрашивал Козодой и замахивался.

Дорин каждый раз вздрагивал, но молчал. Вдруг он увидел Катю и сказал тихо:

— Больше не приду.

Козодой тоже увидел Катю и закричал обрадованно:

— Только приди! Приди попробуй!

И сбил с Дорина шапку.

Дорин молча нагнулся за шапкой. Козодой вдруг обхватил его голову и начал пригибать к полу.

А Катя подскочила к ним, схватила доринскую шапку и стала колотить этой шапкой Козодоя по спине. Но Козодоем это было не больно, он все больше пригибал Дорина за голову к полу, и они оба громко кричали.

И тут вдруг Катя увидела красное большое ухо, которое торчало у Козодоя из-под шапки. Она вцепилась в это ухо изо всех сил и стала его дергать в разные стороны.

Козодой завизжал диким голосом, шапка его тоже упала на пол, он выпустил Дорина и все визжал и дергал головой вслед за ухом. Катя от этого визга никак не могла выпустить ухо, а все тянула его, тянула, и сама тоже кричала. А Дорин вдруг громко заплакал, хотя ему-то теперь уж плакать было поздно.

В парадной стоял страшный крик, но никто

по-прежнему не входил. Потом вбежал человек, и оказалось, что это Катин отец.

Катя сразу выпустила Козодоево ухо. Козодой схватил свою шапку и выскочил на улицу. А Дорин продолжал еще всхлипывать.

— Ну что, в милицию идти или домой? — спросил Катин папа.

— Домой, — сказала Катя. Дорин ничего не сказал. Он отряхивал свою шапку.

Папа поправил на Дорине пальто, и они вышли на улицу.

— Молчать будете или рассказывать? — спросил папа на улице.

— Молчать, — сказал Дорин.

И так они молча дошли до его дома.

Только папа иногда улыбался своим мыслям, но такая уж была у него привычка.

* * *

Лучшая Катина подруга Нина болела свинкой. Она недавно начала болеть, а Катя слышала, что свинкой болеют долго. Катя решила не говорить ей о переселении к Дорину. Зачем ее волновать, пусть скорее поправляется.

Встречаться с Ниной не разрешали — ведь свинка заразная. Катя звонила, и дверь открывала Нинина мама. Катя передавала привет от себя и от класса, а Нинина мама — от Нины.

Иногда Кате с Ниной удавалось поговорить через окно.

— Здравствуй, — махала Нина рукой за двумя стеклами на своем третьем этаже.

— Здравствуй, — отвечала ей Катя, приминая снег.

Потом они смотрели друг на друга и улыбались.

Потом они расходились.

Нина махала рукой, Катя ей отвечала. Нина ложилась в постель выздоравливать, а Катя шла домой.

* * *

— Пойдемте в Русский музей картины смотреть, — сказала Катя в воскресенье утром.

— Очень хорошо, — сказала мама, — давно хотела вам предложить.

Папа быстро побрился, и они поехали в музей.

В музейной раздевалке было много людей. Все они торопились раздеваться и уходили вдаль по коридору. А некоторые сразу бежали в зал с вывеской «Буфет».

Музей начинался со второго этажа, и Катя с родителями поднялась по широкой лестнице.

На всех стенах висели картины. Некоторые картины были даже нарисованы на потолке.

Люди останавливались у разных картин, — кому на какую нравилось смотреть, а некоторые рассматривали картины, сидя посредине зала на диванчиках с бархатным верхом.

Катя не знала, какая картина ей нравится больше, и поэтому крутила головой во все стороны.

Вдруг в одном зале она даже вздрогнула,

такая это была большая картина и столько людей на ней переживало разные ужасы. Все бежали куда-то в одну сторону, со страхом озираясь, а сзади, над всеми, над падающими домами и статуями, даже над небом, светило ужасное пламя. Картина называлась «Последний день Помпеи».

— Это город, который погиб от извержения вулкана, — шепнула мама.

В центре картины, в толпе, стоял художник. Этот художник, оказывается, и был автором картины — художником Брюлловым. Он хотя и жил через сотни лет после того бедствия, но так сильно представлял себе ужас тех людей, что поместил себя среди них.

Рядом висели разные портреты, и Катя несколько раз хотела к ним подойти, но снова возвращалась к Помпее.

Вдруг она увидела Дорина.

Дорин писал что-то в блокноте. Вот он отошел от очередной картины, подошел к другой, прочитал внизу надпись, что хотел изобразить художник, полистал блокнот, поставил птичку

в каком-то списке, мимоходом взглянул на картину и пошел к следующей.

Следующей была Помпея. Про нее он тоже прочитал, тоже взглянул мельком, тоже поставил птичку и пошел дальше.

Так он обошел все картины в этом зале и увидел Катю.

— Здравствуй, — сказал он ей. — Здравствуйте, — сказал он Катиным родителям.

— Смотри, какая картина — показала Катя на Помпею.

— Картина художника Брюллова, написана маслом, — Дорин взглянул в блокнот, — в тысяча восемьсот тридцать третьем году. Изображает...

— Все точно, — сказал Катин папа и улыбнулся.

— Выставка детских рисунков. Когда же мы пойдем на выставку детских рисунков? — спросила мама.

На многих дверях висели стрелки «К выставке детских рисунков».

И они пошли по этим стрелкам, как летом в игре на местности.

— Я тоже пойду с вами, — сказал Дорин, — сегодняшнее задание я выполнил.

— Какое задание? — спросила Катя.

— Как какое? По знакомству с русской живописью. Культурному человеку необходимо знать живопись.

В длинном коридоре висели детские рисунки. Сначала художники были совсем маленькие — младшего детского возраста. Такие

рисунки Катя тоже могла бы нарисовать, только не знала, что их можно отдать на выставку.

На одном рисунке два человечка, составленные из кружков и палочек, вели за руку третьего. Рисунок назывался «Мы идем в детский сад».

Дорин не стал смотреть на эти детсадовские рисунки, он вообще ни на что смотреть не стал, а сел на стул и начал проверять список в блокноте.

Дальше по коридору висели рисунки школьников: «Первое мая», «Мы — космонавты» и разные другие.

И вдруг один рисунок показался Кате очень знакомым. Она и не видела его никогда, а все равно девочка, которая была там нарисована, кого-то напоминала. На рисунке было только одно девочкино лицо — и больше ничего.

Папа посмотрел на этот рисунок, потом на Катю, потом на надпись и сказал:

— Ого!

Мама тоже прочитала и тихо сказала:

— Ойдем, люди увидят.

И взяла Катю за руку.

И тут Катя рассмотрела подпись под этим рисунком: «Иван Козодоев. Портрет Кати Е.».

Она даже в сторону отбежала и стала оглядываться, не заметил ли кто. Никто не замечал. И еще ей показалось, что обязательно где-нибудь здесь за людьми прячется Козодой. Но Козодоя тоже не было видно.

Рядом с ее портретом висели два рисунка, тоже козодоевских, она боялась теперь подойти туда близко и смотрела издалека. На одном был нарисован их двор. Катя даже свое окно нашла на втором этаже, а на другом рисунке — герои книжки писателя Сахарнова Рам и Рум — смешные механические человечки.

Кате все казалось, что Козодой где-то здесь

прячется за людьми, и она не переставала оглядываться.

А Дорин сидел по-прежнему на стуле и проверял список в блокноте.

Они шли из музея и молчали. Потом мама заговорила про тучи на небе, Дорин про школу, а Катя боялась, вдруг начнется разговор про ее портрет. Но разговор такой не начался.

* * *

Катя любила читать стихи. Стихотворение про осень и про вечер она еще в начале года прочитала, когда выдали учебники. А теперь Василиса Аркадьевна задала это стихотворение выучить. Но не полностью, а только ту половину, где про осень. А Кате больше нравилась другая половина — про вечер. Она решила выучить обе половины вместе и долго учила дома.

— Все уроки сделала? — спросил Дорин на другой день перед занятиями, — сейчас проверим.

И Катя рассказала ему стихотворение.

— Зачем ты про вечер учила? Не задавали ведь? — удивился Дорин.

— Понравилось, и выучила. Я про вечер больше люблю.

— Это ты рассмешила! Учить нужно то, что задано. Думаешь, почему я отличник? Я делаю только что задано. А ты говоришь — люблю. Одно любишь, значит, другое — не любишь, одно, значит, выучишь, а другое — нет. Так отличником никогда не станешь. Мало ли что кому нравится.

Катя ему ничего не ответила.

Потом пришла Василиса Аркадьевна.

— Кузьмичев, — вызвала она.

Кузьмичев спутал все строчки, и Василиса Аркадьевна начала хмуриться.

— Зеленова, — вызвала она.

Зеленова сказала, что стихотворение она читала, и ей все ясно, что хотел выразить в нем автор, а выучить она не успела, потому что мама забыла ключ от квартиры.

Василиса Аркадьевна посадила ее, не дослушав, и стала искать в классном журнале, кого бы еще вызвать.

Катя всегда чувствовала, когда ее хотят спросить. То ли сердце не так начинало биться, или еще что происходило неясное, но она всегда знала: вот сейчас скажут: «Ермолова».

— Ермолова, — сказала Василиса Аркадьевна.

Катя вышла к столу и начала стихотворение. И вдруг забыла строчку про осень.

Ей подсказывали, ей рисовали пальцами в воздухе, но она никак не могла вспомнить эту строчку, и без нее стихотворение не говорилось, не могло продолжаться дальше, забывалось все.

— Медленно ты, Ермолова, исправляешься, — сказала Василиса Аркадьевна. И поглядела на Катю и на Дорина одновременно.

— Я дальше знаю, про вечер. Я учила, — сказала Катя.

— Не оправдывайся, — поморщилась Василиса Аркадьевна, — придется поставить тебе двойку.

— Она учила, я ее проверял, — вступился Дорин.

— Значит, плохо проверял.

И только Катя взяла свой дневник со свежей еще двойкой, только села на свое место, как сразу вспомнила ту строчку про осень и дальше все вспомнила. Но было уже поздно. Василиса Аркадьевна стала рассказывать новый материал, а стихотворение задала повторить к следующему разу. И на Катю больше она не глядела.

* * *

На улице Катя увидела спину. Спин, конечно, на улице много, как и животов, и голов, но эта спина при виде Кати сразу спряталась в подворотню.

Катя прошла мимо подворотни — спины уже не было. Потом Кате захотелось оглянуться. Сама не могла объяснить почему, а очень по-

тянуло ее оглянуться. Оглянулась и сразу наткнулась глазами на Козодоя. Козодой стоял на краю панели у столба и смотрел прямо на Катю. Увидел, что она тоже смотрит, вздрогнул, будто хотел спрятаться за столб, но не спрятался, а остался стоять на месте, не отводя от Кати глаз.

И Катя убежала от него в ателье «Шейте сами». В ателье было пусто — одни закройщицы у столика, и Катя, постояв рядом

* * *

Кате пришла посылка из Ферганы. На извещении сначала стояли имя и отчество Катиного папы, а потом в скобках ясно было написано: «для Кати».

В Фергане жил сейчас Катин дядя, геолог. Наверно, это от него посылка.

— Не нужно ей никаких посылок, — сказала Катина мама, — пусть исправляет двойку.

Но потом мама сжалилась или папа ее уговорил, и она отпустила Катю на почту вместе с папой.

Это был маленький фанерный ящичек. Катя взяла его осторожно — вдруг тяжелый.

Но ящик оказался неожиданно легким. В верхней крышке были просверлены четыре дырки.

Катин папа принес клещи с кухни, и через минуту крышка была откинута.

— Зачем нам вата? — удивилась мама, взглянув в посылку.

Она сняла один слой ваты, потом еще слой, и вдруг показалось что-то костяное, круглое, темное.

— Черепаха! Черепаха! — крикнула Катя.

Черепаху положили на стол. Это была маленькая черепашка с твердым красивым пан-

* * *

В этот день Дорин не пришел в школу. Зато пришла Нина. Нина села за последнюю парту, где сидела раньше с ней вместе Катя, и оглянулась. И увидела Катю. Катя шла как раз к ней. Шла между колонок, улыбалась. Нина тоже заулыбалась.

— А я сижу теперь там, — сказала Катя и махнула рукой куда-то в потолок.

— Где? — сразу насторожилась Нина.

— Она теперь с Дориным сидит, — хихикнули сзади, — исправляется.

— Нин, это не я, это меня посадили.

— Ну и что, сиди, если хочешь, — пожалала плечами Нина.

— Нин, у меня черепаха.

— Сиди со своей черепахой на здоровье, — и Нина снова пожалала плечами.

— Подумаешь, — тоже дернула плечами Катя и пошла назад к доринской парте.

Так получилась ссора.

Всю перемену Нина болтала с Люськой Бриш. А потом ходила с ней по коридору, обнявшись, и глядела на Катю. А Катя сразу отворачивалась.

с телефоном-автоматом две минуты, вышла на улицу. Козодоя она больше не увидела.

цирем. Головы и ног у нее не было видно. Вероятно, она спала.

Но вдруг панцирь вздрогнул, приподнялся, и из-под него показалась нога, обтянутая коричневой кожей, потом еще нога, потом голова на длинной, тоже коричневой шее.

Голова стала поворачиваться в разные стороны.

Мама налила в столовую ложку молока и поднесла к черепахиной голове. Молоко стало убывать.

— Пьет! — обрадовалась Катя.

— Где же мы ее поместим? — сказала мама.

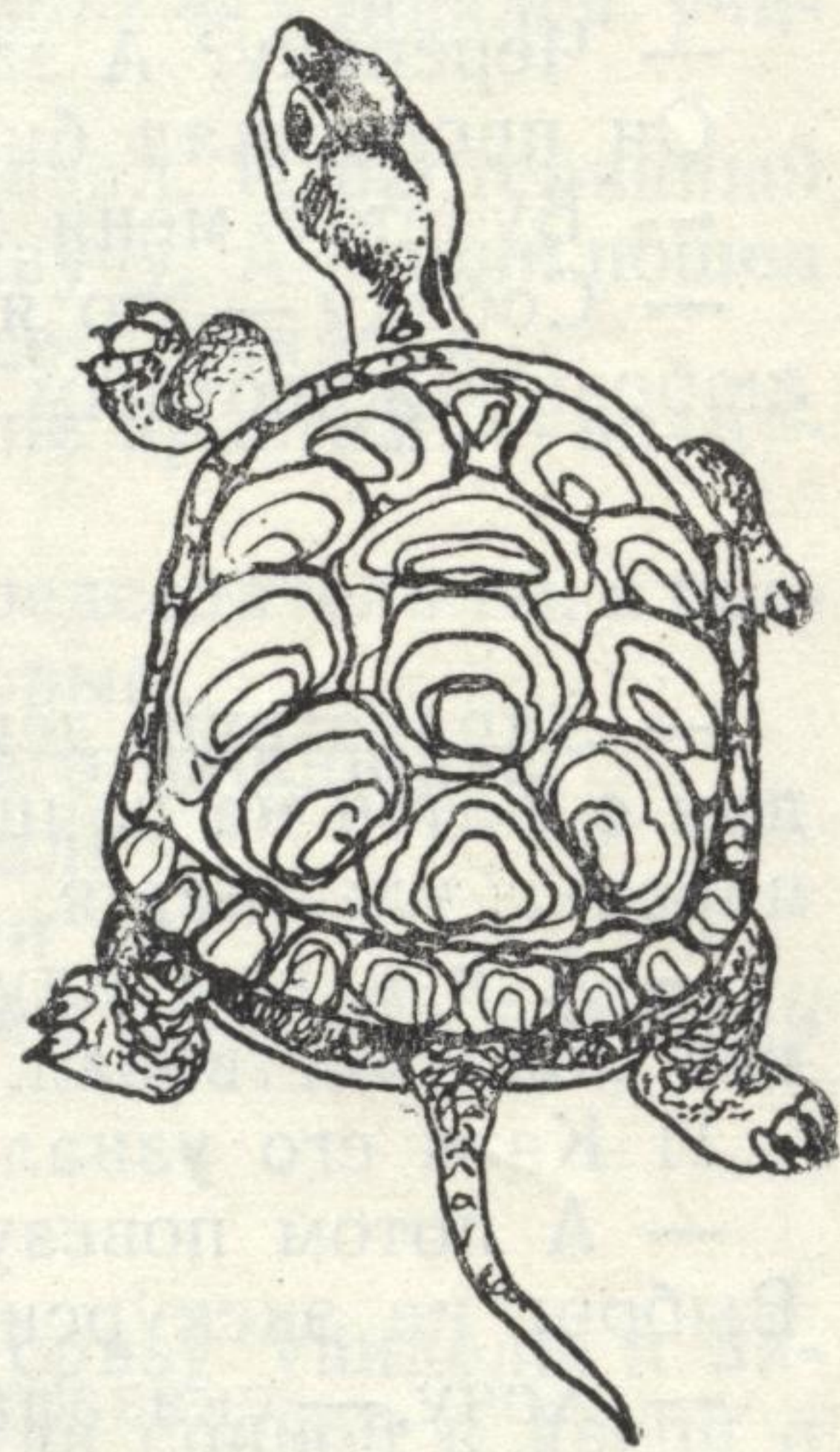
Черепаху поселили в Катиной комнате в коробке из-под обуви.

— Вот тебе, Петька, подруга, — сказала Катя скворцу Петьке.

— Благодарю! Благодарю! — прокричал Петька.

Весь вечер черепаха спала и утром спала тоже.

— Скоро у нас дома будет зверинец, — сказала Катина мама за завтраком.

Катя и в самом деле принесла с собой черепаху. Черепашка тихо жила в портфеле. На большой перемене Катя стала кормить ее крошками булки, и черепаха их съела. Все стояли вокруг Кати и смотрели, даже Люська Бриш. Только Нина ушла в коридор.

На последнем уроке Василиса Аркадьевна объявила, что Дорин болен.

— Звонила его мама. Леву нужно навестить, — сказала Василиса Аркадьевна.

Класс молчал.

— Кто хочет навестить Леву сегодня?

Все продолжали молчать.

— Неужели всем некогда?

И Катя вдруг почувствовала, что все смотрят на нее. Оглянулась — никто на нее не смотрит. Все заняты своими делами: кто перо у ручки чистит, кто пальцем рисует по парте.

— Я хочу, — подняла она руку, — можно мне пойти к Дорину?

— Очень хорошо, — сказала Василиса Аркадьевна, — у него не опасная простуда.

* * *

— Хорошо, что ты пришла, — встретил Катю Дорин, — а я думал, вдруг другой кто-нибудь.

И сразу закашлял и постучал себя по груди:

— Простудился, видишь. Мама не пустила.

В комнате Дорин открыл секретер, и Катя увидела две синие гантели. Такие, только побольше, всегда возил в своем чемодане Катин дядя.

— Вчера купил их. Мама мне денег дала, а еще вот этот эспандер купил.

— А он зачем?

— Чтоб рука была сильная. Сожмешь камень — пыль посыплется. Я теперь ежедневно занимаюсь спортом.

И он начал бить кулаками подушку.

— А мне черепаху дядя из Ферганы прислал, — сказала Катя.

— Черепаху? А зачем тебе черепаха?

Он продолжал бить подушку.

— Будет у меня жить.

— Собаку — это я понимаю. Воспитывается любовь к животным. И собака — она друг, если

* * *

— Здравствуй, девочка, — сказал кто-то рядом с Катей на улице. Катя оглянулась: стоит парень, улыбается, и лицо у него знакомое.

— А я к вам иду все-таки вожатым. Весь цех ходатайствовал.

И Катя его узнала.

— А потом повезу вас в Выборг. Хотите в Выборг на экскурсию?

— Хочу, — сказала Катя, — я люблю в поездах ездить.

— На автобусе поедem. На нашем заводском автобусе.

— На автобусе я тоже люблю. А у меня черепаха есть. Хотите, покажу? Она из Ферганы.

— Да ну? — удивился парень. — Она не простудится?

* * *

Через несколько дней Дорин выздоровел.

Он пришел в класс рано, посидел рядом с Катей просто так, ничего не делая, потом начал доставать учебники. И вдруг вместе с учебниками он вынул какой-то футляр, очевидно, с очками.

Вынул и сразу спрятал назад в портфель.

— Что это у тебя? Очки, да? — спросила Катя.

— Так, ничего особенного, — сказал Дорин и стал затапливать портфель в парту.

Потом он спросил:

большая, конечно. — Он положил подушку на место. — А мне скоро никто не будет страшен. Некоторым, знаешь, во сколько раз удавалось увеличить силу? В пять и две десятых.

Тут вошла мама Дорина. Она, оказывается, давно уже пришла, раздевалась в прихожей и все слышала.

— Культурный человек, — сказала она, — не должен применять силу. Он должен действовать методом убеждения. Правильно я говорю?

— Правильно, — покраснел Дорин и убрал гантели в секретер, а подушку поправил еще раз.

— Катя, вам давно дали квартиру в новом доме? — спросила доринская мама.

— Давно. Три года назад.

— А мы скоро уедем.

— Да-да. Нас переселяют.

— Почему?

— По плану реконструкции микрорайона, — выговорил Дорин важно.

— По крайней мере, у нас будет ванна, — сказала его мама.

— Не знаю, — испугалась Катя.

Она все-таки открыла портфель и вынула черепаху. Черепаха или спала, или просто съежилась от холода. Один панцирь, ни головы, ни ног.

— Талантливая у вас черепаха, — сказал парень и пальцем погладил черепаху по спине, — знает, когда выглядывать.

— А мы вас часто вспоминаем.

— Вспоминаете? — обрадовался парень, — меня друг отговаривал, а я — нет, говорю, пойду.

Тут подъехал автобус, и парень побежал к нему. Он встал на подножку, помахал Катей рукой, и автобус тронулся.

* * *

— А если бы я надел очки, что бы тогда было?

— Не знаю, — удивилась Катя.

— Может быть, у меня в самом деле очки?

— Ну и что?

— Может, мне их носить теперь нужно? Для исправления зрения.

— Носи на здоровье. Конечно, носи.

— Я тебе их покажу сейчас, только ты молчи.

Дорин снова достал футляр и раскрыл его под партой.

— Ой, какие интересные. Можно я примерю?

— Тихо, — оглянулся Дорин, — увидят.

На уроке он один раз надел эти очки, но сразу снял и оглянулся на класс. Никто на него не смотрел. Он надел снова. Снова снял.

— Лева Дорин, ты хочешь что-нибудь сказать? — спросила Василиса Аркадьевна.

— Ничего. Я ничего не хочу сказать, — испугался Дорин.

— Тогда не скрипи партой.

— Это я скриплю. Я нечаянно, — сказала Катя.

* * *

В классе давно просили Катю, чтобы она принесла скворца Петьку. И Катя решила принести. Она несла клетку осторожно, клетка была завернута в мамин вязаный платок, чтоб Петька внутри не замерз.

Петька все-таки замерз. Или настроение было у него плохое. Он ничего не говорил, сколько ни просила его Катя. И все ребята просили. Кричали вместо него друг другу «здравствуйте» заводными механическими голосами, а Петька молчал. Он сидел в клетке, съездившись, ни на кого не глядел и лишь иногда переступал ногами.

— Наврала ты все, — говорили некоторые ребята Кате.

Но другие еще верили.

И тут вбежал Симоновский. Тот самый Симоновский, который однажды увел класс на «Шпиона лови в себе».

— Ух и фильм! Такой фильм! — закричал он прямо у двери.

— Где? Какой?

— Шведско-итало-немецко-американский.

— Про что? — шумели ребята. — Как называется?

— Называется «Никто, нигде, никогда». Я его летом видел с родителями на просмотре.

— Когда идет, сегодня?

— Сегодня. Только сегодня и идет. На два и на четыре билетика уже проданы. Вчера успели.

И тут все забыли, как плохо было в тот раз, после того фильма. Снова все решили сбежать с четвертого урока, с пеня.

Молчал, как всегда, один Дорин, да Катя. Она все еще уговаривала скворца сказать что-нибудь. Но скворец молчал.

А перед третьим уроком к Дорину в коридоре подошел учитель пеня.

— Дорин, я хочу тебя попросить. Ты приведешь на урок всех в зал? — спросил учитель.

Дорин молчал.

— Вот как? — удивилась Василиса Аркадьевна и повернулась к доске.

— Ты теперь как этот... — сказала Катя. Она никак не могла вспомнить какого-нибудь великого человека в очках.

— Как кто?

— Как Лобачевский, — сказала она, хотя ни разу не видела, как выглядит Лобачевский на портрете. Она только слышала о нем по радио вчера вечером.

На следующем уроке Дорин надел очки и больше уже не снимал. Но в коридоре и по улице он ходил без очков.

— Ты слышал? Ты приведешь? — спросил снова учитель.

— Не знаю, — сказал Дорин.

— Как это ты не знаешь? — удивился учитель.

И Дорин все ему рассказал. И растерянный учитель пошел сразу к завучу. А Дорин пошел в класс. В классе тоже все рассказал.

— В этот раз мы тебе не простим! — возмутились ребята.

— Председатель! Не председатель ты, а предатель! — кричали некоторые.

И только Катя стала его защищать.

— Он же правду сказал?

— Ну и что? — кричали ей.

— Что, он врать должен был, что ли? Ведь правду же?

— Ах правду, ах так?

— Да, так!

Вошел завуч. Все его сразу увидели и замолчали. Одна Катя стояла спиной к двери и продолжала кричать.

— Ермолова, — сказал ей завуч.

Но она не слышала, а все кричала:

— Да, так! Да, так! — И даже показывала язык.

— Ермолова! — сказал завуч громко.

Катя наконец услышала и замолчала.

— Вот кто главный закоперщик, оказывается, — показал завуч рукой на Катю, — а мне говорили, что она исправляется. Ты хотела пойти в кино вместо уроков? Сходи. А вечером часов в пять приведешь ко мне родителей.

Катя молчала. Все молчали тоже.

— Ну, что ты стоишь? Марш из класса! — крикнул завуч неожиданно тонким голосом.

И Катя в тишине стала убирать учебники в портфель. И все получалось у нее очень громко и неуклюже. Потом она закутала платком клетку. А все стояли у парт и молчали. Прозвенел звонок. А все стояли, не сходя с мест, и завуч стоял и молчал.

Катя вышла в коридор. Пошла по лестнице. Вверх, навстречу ей бежали в свои классы опоздавшие ученики, вероятно, из буфета.

Катя медленно одевалась. Потом ей было никак не открыть дверь, потому что мешала клетка. Потом дверь все-таки открылась. Катя вышла на улицу, а дверь громко хлопнула. И хлопнула еще раз. Катя оглянулась. Ее догонял Дорин.

— Я тоже с тобой, — сказал он и засмеялся.

— Ты? — удивилась Катя, — а тебя за что?

— Ни за что. Я сам.

— Как так сам?

— Я чихнул специально шестнадцать раз подряд, и Василиса Аркадьевна отпустила. Чтоб другие не заразились. Нос до сих пор болит. Так я себя чихать заставлял.

— Зачем? — удивилась Катя.

— Мы вместе к твоим родителям пойдем, чтобы они поверили.

И они пошли домой к Кате. Дорин нес Катин портфель, а Катя несла Петьку.

Родители, конечно, работали, и дома никого не было.

Катя повесила клетку на место, а потом сказала:

— Пошли на санках кататься.

Они катались с деревянной горки сначала по очереди, потом вместе, потом снова по очереди. А на улице было так светло, и небо вокруг все синее. И яркое солнце. Оно было очень ярким, но чтобы почувствовать тепло от него, нужно было долго стоять, замерев, и только тогда солнце начинало греть щеку.

На санках кататься им скоро надоело, — каждый раз поднимать за собой. И они стали кататься стоя, держась за руки. Катя не упала ни разу, а Дорин часто падал, но сразу вскакивал и смеялся.

Потом они грелись у Кати дома, кормили черепаху простоквашей, а потом Катя повела Дорина в зоомагазин. В зоомагазине было тепло, и Катя долго стояла около разноцветных рыбок, плавающих между водорослями в аквариумах.

Дорин все удивлялся, как плохо здесь в зоомагазине пахнет. А Кате наоборот этот запах нравился, и она постояла бы еще около змей, если бы не Дорин.

Они вышли на улицу, и Дорин вдруг хлопнул себя по лбу.

— Ну, я! Эх, я! И как я сразу не сообразил! — стал удивляться он. — Как же я сразу не пошел к завучу.

— Так он тебе бы и поверил.

— Поверил бы, точно поверил. Он всегда говорит: «Справедливость — главное в воспитании детей». Это я сам слышал.

И они пошли в школу без Катиных родителей.

— Нет, не поверит. Хуже еще будет, — говорила Катя дорогой, — и ябедать придется.

— Про кого ябедать-то, — говорил Дорин, — весь класс захотел. А ты — нет.

— Вообще-то я тоже хотела.

Завуча они встретили на лестничной площадке. Он нес куда-то связку указок.

— Ермолова, — сказал завуч, упревшись указками в Катю, — прости, Ермолова, я ошибся. Твой класс понял ошибку и все мне рассказал.

Он протянул Кате свободную от указок левую руку.

— Ты — справедливая девочка, Ермолова. Справедливость — это главное.

А Кате вдруг захотелось заплакать. Слезы потекли сами. Она отвернулась, достала платок из рукава и громко всхлипнула. Всклипнула и побежала вниз под лестницу, где плачут всегда девчонки, девчонки всей школы.

— Вот ведь как, — сказал завуч и рассыпал указки. И они вместе с Дориным долго их собирали на полу, складывали.

А потом Дорин ждал Катю у лестницы. Мимо проходили какие-то девчонки, косились на Дорина, потому что это ведь было девчачье место — под лестницей, но Дорин терпеливо ждал.

Наконец Катя вышла, она прошла мимо, как будто и не заметила его.

— Катя, — сказал Дорин.

— Подумаешь, справедливость, — сказала Катя.

— Пойти к твоим родителям? — спросил снова Дорин, хотя идти к родителям было теперь уже ни к чему.

— К каким еще родителям? Я сейчас и не домой совсем иду. Я к одной девочке иду.

И Катя повернулась к Дорину спиной.

А Дорин вздохнул и пошел домой. Он шел по улице один и все вздыхал.

Самый несправедливый конец в этой истории был для Дорина.

* * *

Катя нашла три рубля. Шла из школы и перед самым домом нашла. Видит — бумажка, хотела наступить, а это были деньги.

Впереди на улице было два человека. «Наверно, они потеряли», — подумала Катя и побежала их догонять.

— Дяденька, вы потеряли три рубля? — подбежала она к одному человеку.

— Нет, я потерял тридцать рублей. Тридцать рублей я потерял сегодня на этом деле, — сказал человек, не оглядываясь на Катю.

вывернул карманы брюк. Во всех карманах было пусто.

— Значит, вы потеряли?

— Потерял? Нет, ничего я не терял. У меня их и не было, денег. Говоришь, много нашла?

— Три рубля.

— А три рубля вы не теряли?

Человек остановился.

— Какие еще три рубля! Какие тебе нужно три рубля, я спрашиваю? — закричал он неожиданно.

— Я не знаю, — сказала Катя, испугавшись.

— Ну и иди от меня.

И Катя пошла. Она догнала второго человека.

— Вы не теряли деньги? — спросила она, догнав.

— Деньги? Много денег? — остановился сразу второй человек.

— Много, — сказала Катя, потому что три рубля было для нее в самом деле много.

— Сейчас посмотрим, — и человек стал рыться в карманах.

Сначала он вывернул карманы из пальто. Там не было ничего, кроме пыли и мятого трамвайного билета. Потом он расстегнул пальто и вывернул карманы пиджака. А Катя все смотрела. Потом он расстегнул пиджак и

— Мне нужен весь мир, — сказал человек, застегиваясь, — или ничего. А на деньги, ты знаешь, купи знакомым подарки.

И Катя решила купить.

Никогда в жизни у нее не было столько денег. Мама ей давала на праздники тридцать копеек — и все.

Катя зашла в магазин «Галантерея». Можно купить папе бритвенный прибор — вон как сверкает. Но папа бреется электробритвой. Ему прибор ни к чему.

А маме можно купить духи. Или нет, духи дорого стоят, лучше одеколон — огромная бутылка, а всего рубль.

Катя ничего не купила и пошла на базар. По дороге был еще книжный магазин. На витринах лежала книга «Будьте здоровы». И Катя решила подарить эту книгу Дорину, если останутся деньги. А если еще деньги останутся, то купить для скворца Петьки специальные семечки и что-нибудь для черепахи.

На рынке Катя тоже не нашла ничего подходящего.

А на улице к ней подбежала собака. И стала нюхать Катину ногу.

Катя нагнулась к собаке и погладила ее спину. А собака вдруг потянулась к деньгам и схватила половину трех рублей.

— Отдай, — сказала Катя и потянула на себя.

Собака зарычала на Катю и перехватила деньги до самой Катиной руки. Потом вдруг дернула, и у Кати остался один только уголок от денег.

Собака отбежала в сторону.

— Отдай деньги, я на них подарки куплю, — шагнула Катя к собаке.

Но собака отбежала еще дальше, косо оглядываясь на Катю.

Тут мимо проехала машина. В машине бились и грохали пустые бидоны. От этого грохота собака побежала по улице большими прыжками.

Так Катя и не купила ни одного подарка.

Она даже не сказала про эти деньги ни дома, ни Дорину на другой день. Еще не поверили бы.

* * *

Пионервожатый пришел вовремя.

На заднюю парту рядом с Ниной, с бывшей Катиной подругой, села Василиса Аркадьевна. А в другом углу, на стульях — завуч и старшая пионервожатая.

Затем Дорин прочитал план, написанный Василисой Аркадьевной. Спросил кто «за». «За» были все.

И тогда пионервожатый сказал про Выборг.

— Хотим, конечно, хотим! — зашумели все.

— На лыжах покатаемся! — кричали ребята.

— Не на лыжах, а с городом, — заспорили девочки, — с городом познакомимся!

— Тихо! — сказал пионервожатый. И взглянул сначала на свои руки, а потом на пол. Взглянул и убрал руки за спину.

— На лыжах, конечно, на лыжах! — продолжали шуметь ребята.

— Вам сада мало, что ли! — спорили девочки. — Будем с архитектурой знакомиться, с культурной жизнью.

— Тихо! — сказал снова пионервожатый, выставил руки вперед и с удивлением посмотрел на эти свои руки.

А ребята продолжали шуметь. И пионервожатый (он стоял посередине класса) растерянно качнул головой и снова посмотрел на руки. Наверно, он опять готовился сделать стойку.

— Ну, знаете, — стукнул стулом завуч.

И все мгновенно замолчали, и было слышно, как в кармане у пионервожатого пересыпается мелочь, потому что пионервожатый сразу сунул руки в карманы и смущенно заулыбался.

— Ведь мы же с вами беседовали, — сказал завуч при всем классе пионервожатому.

— Беседовали, — вздохнул пионервожатый.

Он опустил голову, а все продолжали молчать.

— Придется нам все-таки подыскать другого товарища.

— Но я не хочу, чтоб другого... У меня и братьев не было, и сестры, и во всем нашем доме ребят не было.

— Может, вам лучше стать акробатом? — спросила старшая пионервожатая. — Вы, говорят, прекрасно делаете стойку.

— Знаю, что прекрасно, у меня разряд.

— Возьмите у нас кружок, акробатический. Там стойка очень необходима, и ребята будут. А пионервожатым — другого.

— Нам не надо другого, — хотела сказать Катя, но пионервожатый вдруг задумался.

— А как же Выборг? — спросил он, сдаваясь.

— Выборг само собой, — сказал завуч, — но только без стойки, — погрозил он пальцем.

* * *

В это утро Катя вдруг узнала, что солнце греет.

Солнце проходило сквозь стекло в автобус, и щека стала очень даже теплой. А рядом сидел Дорин и спал. У него несколько раз падала шапка, Катя ее поднимала, а Дорин не просыпался.

Спереди, сзади сидели все ребята их класса. Были еще Василиса Аркадьевна, бывший

пионервожатый и две родительницы из родительского комитета.

Автобус ехал очень быстро. Он даже соревновался с электричкой, но потом шоссе пошло в сторону, а когда снова приблизилось к железной дороге, электрички уже не было, так что неизвестно, кто кого обогнал.

Выборг появился неожиданно, и все ему очень обрадовались, хотели сразу пойти по

городу, но Василиса Аркадьевна подвела сначала к столовой.

Столовая только что была пустая. А тут сразу все столики оказались занятыми. Другие взрослые посетители встали в очередь и, облизываясь, принялись разглядывать меню.

Ребята взяли по чаю и развернули завтраки, которые сделали их мамы.

Еды осталось много, и после чая ее сложили в общий чемодан.

А потом пошли в библиотеку.

Почему пошли сразу именно в библиотеку — неизвестно. Если бы пошли сначала куда-нибудь в другое место, то ничего особенного дальше с Катей, наверно, и не случилось бы.

Здание библиотеки было разрушено войной и снова восстановлено. В этой библиотеке у Кати вдруг оторвалась верхняя пуговица от пальто.

— Вы идите, я догоню, — говорила она всем, доставая нитку и иголку, которые всегда у нее были с собой.

Все ушли. Один Дорин остался. Он стал рассматривать таблицы про рост числа читателей по сравнению с дореволюционным временем.

А когда Катя пришила пуговицу и они вышли на улицу, класса вдруг не оказалось поблизости. И слышно его нигде не было. Кругом был сад и ни одного прохожего.

— Они, наверно, там, — показала рукой наугад Катя. Дорин пошел за ней.

Но там парк кончился и начались новые дома.

— Тогда там, — показала Катя в обратную сторону.

Они пошли назад, но вместо библиотеки пришли к старинным зданиям, а когда обошли их кругом, то заблудились совсем.

— Кто потеряется, пусть идет в милицию и не волнуется, — вспомнил Дорин слова Василисы Аркадьевны.

— Нет, в милицию я не хочу.

Они стали ходить наугад, и то выходили к памятнику Ленина на площадь, то вдруг оказывались на железнодорожном вокзале.

А солнце стало таким теплым, что можно было встать у стены и загорать. Отовсюду сверху капала вода, растекалась по тротуарам, а Кате захотелось пить, но ни лимонада, ни мороженого нигде не было.

— Неужели нельзя поближе? — спросила Катя.

Они с Дориным шли из школы к доринскому дому.

Дорин подпрыгнул и сорвал с забора сосульку. И себе сорвал. Они шли дальше и лизали эти сосульки.

На скамейке сидел мальчик. Он ловил солнце увеличительным стеклом и прожигал свою шапку. От шапки поднимался дым.

Мимо них по улице два раза промчалась гоночная машина номер семьдесят два. Она была вся такая забрызганная, будто за ней начали гнаться еще с осени.

Потом они увидели музей краеведения. В музее было пусто. Только экскурсовод сидел у входа с секундомером и считал свой пульс.

Он обрадовался посетителям и принялся рассказывать всю историю города. Он сказал, что Выборг — это древний русский город и что некоторые финские племена, которые здесь жили, постоянно хотели присоединиться к России, но им всегда мешали это сделать иноземные захватчики. А с той косою башни на базарной площади ничья невеста не бросалась, как болтают разные старухи, а просто там Василий Шуйский договаривался со шведами идти воевать против Лжедмитрия.

Потом, когда снова вышли из музея, оказалось, что на улице лужи.

И Дорин вдруг поскользнулся и упал в одну такую лужу.

Он сразу вскочил, и было заметно, что ему стыдно: как это он вдруг сам по себе сел в лужу.

— Ладно, — сказал он про пальто, — высохнет — очистится.

— Ничего не очистится. Что же, ты по городу будешь грязным ходить? — и Катя завела его в парк, стала счищать грязь.

— Хватит, — говорил Дорин, — хватит.

Но Катя его не слушала, а счищала грязь своим носовым платком.

И вдруг напротив парка на улице остановился автобус, из автобуса выскочили все ребята их класса и кинулись к ним.

— Это вы нарочно потерялись? Скажите мне честно, — допытывалась потом родительница из родительского комитета, когда автобус поехал в Ленинград.

И хоть Катя говорила, что нет, не нарочно, и даже показывала ту верхнюю пуговицу на пальто, родительница не очень верила и качала головой.

* * *

— Мама не хочет. В старом фонде нет ванны, а мама о ней мечтает.

— И ехать оттуда час.

— Час и сорок минут, — поправил Дорин, —

там новая школа. Мама говорит, прямо с понедельника.

— А меня кто исправлять теперь будет?

— Не знаю.

Они долго шли молча, потом Дорин сказал:

— Если хочешь, я буду приезжать в воскресенье тебя исправлять.

— У тебя музыкальная школа в воскресенье.

— Да, до трех. Ух, она мне надоела!

— Почему?

— Не знаю. Надоела, и все, там многим надоела. Если б для культурного человека было не обязательно, я бы...

— А в четыре ты обедаешь.

— Да, потом обед. Час сорок к тебе и час сорок назад — три часа двадцать минут.

— Если ты выйдешь из дома в пять, ты не успеешь.

— Да, в восемь я должен быть дома.

— У нас скоро телефон поставят. Можно воспитывать меня по телефону.

— Придется по телефону.

— Или мы будем видеться посередине.

— По какой середине?

— Посередине твоей дороги. На площади у метро. Тогда тебе не час сорок, а только час, и мне всего сорок минут.

Они пришли домой к Дорину. Дома никого не было, и Катя стала помогать укладывать доринские книги.

— Это дневник, видишь? У тебя есть личный дневник?

— Начинала два раза, потом бросала.

Дорин показал свой дневник. У каждой записи стояла мамина пометка, правильная запись или нет.

В конце дневника записи были маленькие, по одному предложению.

«Сегодня я был на дне рождения у Кати Е.».

И мамина пометка: «Не вижу подробного рассказа».

«Вчера купил гантели, а сегодня заболел, и Катя Е. приходила меня навестить».

Здесь уже маминой пометки не было.

«Был на экскурсии в городе Выборге. Это красивый город. Потерялся случайно вместе с К. Е.».

Дневник на этой записи обрывался. В последние дни Дорин ничего не писал.

— Знаешь, я хотел тебя попросить, — сказал Дорин.

— Что?

— Только если она тебе не очень нужна.

— Что? Конечно, не очень.

— Подари мне, пожалуйста, черепаху.

— Хорошо.

— Ты не думай. Я буду ее кормить.

— Хорошо, я принесу ее завтра.

— А я подарю «Таинственный остров». Ты ведь его не читала?

— Нет еще.

Дорин достал книгу из секретера, завернул ее в газету.

— Только я ничего на ней не написал. То есть написал.

Он снова развернул книгу.

«К. Е. от Л. Д.» прочитала Катя на первой странице.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Она пошла надевать пальто.

Дорин стоял у стены и смотрел в сторону.

Она вышла, а Дорин все не запирал дверь, так и стоял у стены, так и смотрел в сторону.

* * *

На улице из подворотни навстречу Кате вышел Козодой. Он приближался к ней медленными шагами, и она хотела повернуться и перебежать на другую сторону или просто завизжать, как в первом классе: «Мама!» Но ничего такого не сделала.

Козодой подошел к Кате и, вероятно, забыл слова, которые думал ей сказать, стоял и молчал. И Катя тоже молчала. Тут можно было шагнуть в разные стороны и пойти своими дорогами: столкнулись случайно и разошлись, и Катя уже хотела это сделать, но Козодой вдруг сказал:

— А этот-то, Дорин, уезжает.

— Сама знаю, — сказала Катя.

Козодой сунул руки в карманы и вдруг спросил:

— Ты зачем на меня тогда так смотрела?

— Когда? — удивилась Катя, потому что на Козодою она никогда специально не смотрела.

— Летом, когда я обыграл всех в ножички у вас во дворе.

— Я не помню, я не смотрела.

— Как же не смотрела, когда из окна все время только на меня и глядела.

— Я летом на Украину ездила, — вспомнила Катя, — меня летом и дома не было, а у нас жила Ира, моя двоюродная сестра, Ира из Иркутска.

— Из какого Иркутска?

— Из обыкновенного. Моя сестра Ира, дочь дяди Юры.

— А ты?

— А я на Украине.

— Все лето?

— Даже в школу опоздала.

Козодой вдруг замигал глазами и вытащил из карманов руки. Он убрал их за спину, потом провел ими вдоль пальто, потом стал откручивать пуговицу.

Он стоял так перед Катей молча, и Катя сказала:

— Я пойду.

Он не ответил.

Потом вдруг повернулся и побежал по улице. Он бежал, наталкиваясь на взрослых прохожих, спотыкаясь об их ноги, и скоро скрылся совсем.

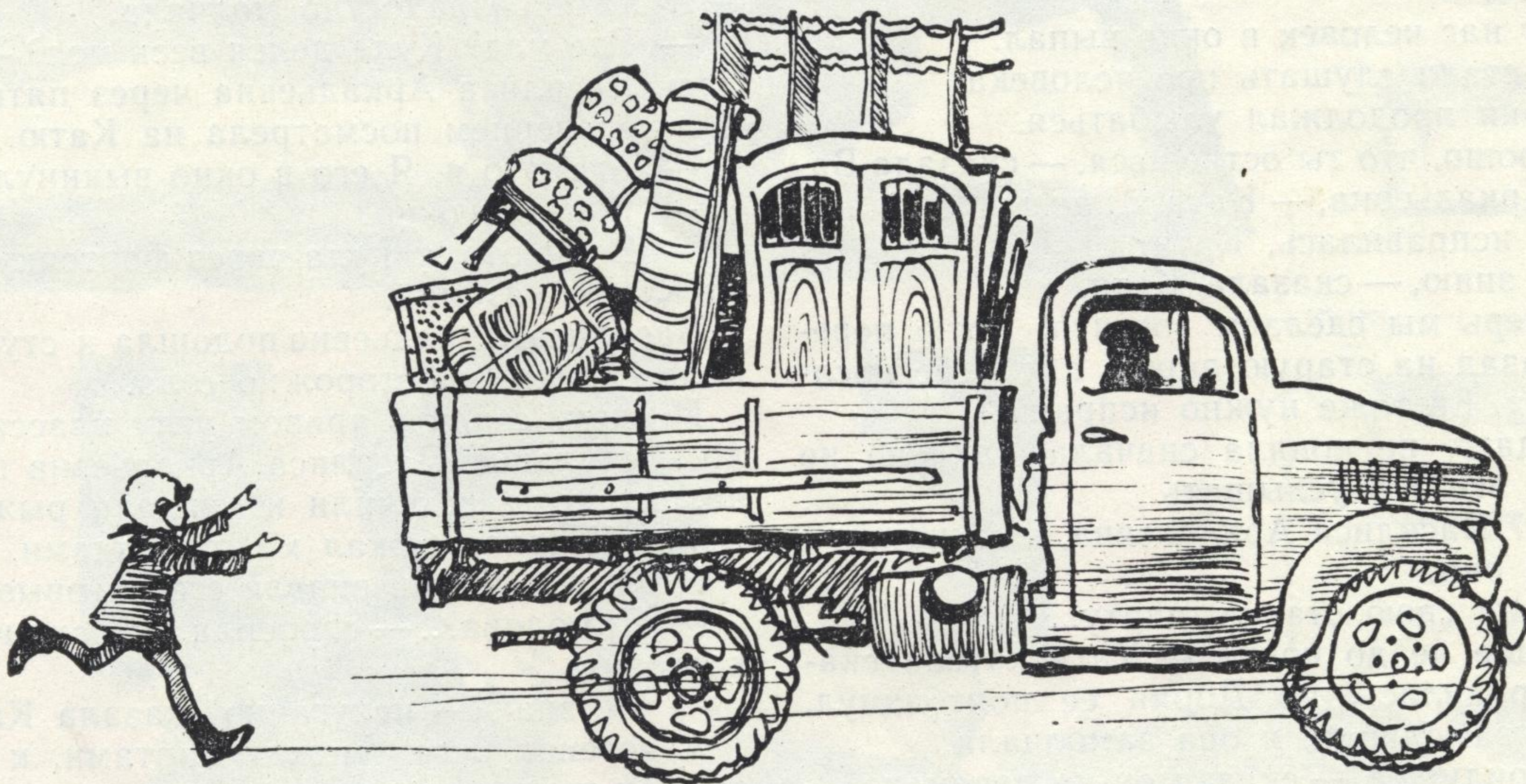
* * *

Утром на улице был мороз. Катя почувствовала его еще под одеялом.

А потом, когда она заплетала косы, по радио объявили, что в школу идти не надо.

Вдруг подошел сзади папа.

— Залезай быстро в пальто, — папа принес его из прихожей, — быстро, пока мама не слышит.

— Ура, — сказала Катя, — сейчас гулять пойду.

— Никуда гулять ты не пойдешь, — рассердилась мама, — в школу нельзя, значит, и на улицу нельзя.

Родители ушли на работу, а Катя осталась дома.

А вечером в шесть часов переезжал в новый дом Дорин. И ждал черепаху. Черепаха весь день сегодня спала и есть почти ничего не стала, только чуть попила.

А мама все не возвращалась. Наконец она пришла и стала греть обед. Было уже пять часов. Потом половина шестого.

Вернулся папа.

— Мам, сегодня Дорин же уезжает.

— Ну и что?

— Я ему черепаху обещала.

— Приедет в вокресенье в гости — возьмет.

— У него музыкальная школа в воскресенье.

— Тогда в каникулы.

Катя ушла в комнату. На кухне мама доставала тарелки. Катя стояла у окна. Глядела во двор. Двор был пуст.

Он пошел в прихожую, затопал там, зашумел, встал у двери на кухню.

Катя бежала через двор и боялась оглянуться на свои окна.

Потом она бежала по улице к доринскому дому. Правой рукой в кармане она держала черепаху. Даже завернуть ее не успела.

От дома Дорина отъехал грузовик.

Неужели они? — испугалась Катя.

Люди вокруг шли, закутавшись в воротники и шапки. А Кате совсем не было холодно. Она подбежала к доринской двери и стала звонить.

Она звонила долго, пока не заболел палец. Никто не подходил.

Вдруг раздался шум. Потом смолкло. Потом снова зашумело и открылась дверь напротив. Вышел человек.

— В будущем, все у нас в будущем, — говорил этот человек кому-то за дверь, а тот, кому он говорил, смеялся женским голосом.

Потом дверь захлопнулась.

Потом побежал кто-то сверху. Он бежал долго и никак не мог добежать до нижнего этажа. Катя все звонила, хотя уже знала, что за дверью никто не живет.

А на завтра Дорин пришел в школу.

Он сидел за своей партой и, когда Катя вошла, улыбался.

— А я остаюсь, понимаете, я остаюсь! — говорил он.

— Пошли ко мне после школы, — сказала Катя, — черепаха-то у меня.

— Весь план реконструкции изменили. Мы едем только через год, — радовался Дорин.

— А у нас машина в дом врезалась, — сказал кто-то.

— А у нас человек в окно выпал.

И все стали слушать про человека.

А Дорин продолжал улыбаться.

— Хорошо, что ты остаешься, — сказала Василиса Аркадьевна, — Катя у нас исправилась. Ты ведь исправилась, Катя?

— Не знаю, — сказала Катя.

— Теперь мы сделаем вот что: Катю пересадим назад на старую парту, а к Лева посадим Нину. Ее тоже нужно исправить.

Катя даже не поняла сначала, так она не ожидала все это услышать.

— А я? Василиса Аркадьевна, как же я? — спросила она.

— Ты на свою старую парту...

— Я еще не до конца. — Катя хотела сказать исправилась, но Дорин ее подтолкнул, чтоб она замолчала, и она замолчала.

— Я придумал, — сказал он на перемене, — словами здесь не поможешь, здесь надо действовать.

— Никак теперь не поможешь. Я ведь в самом деле изменилась.

— Ничего ты не изменилась. Вот я — изменился, это да. Ну, слушай, докажи Василисе Аркадьевне, что ты не исправилась, окно разбей, что ли.

— Окно не стоит, холодно.

— Да, окно не стоит. В общем, придумай.

— Попробую.

— Нет, я в самом деле так исправилась, что ничего не могу придумать. Придется мне пересесть.

— Ну, тогда я придумаю.

И Дорин придумал.

— Кто вывинтил все лампочки в классе? —

спросила Василиса Аркадьевна на следующем уроке.

— Я! — вскочила Катя, — я их вывинтила.

— Но ты же маленькая, — удивилась Василиса Аркадьевна, — как же ты достала?

— А я на парту залезла.

— Ты, Катя, честная девочка. Это, конечно, нехорошо, то, что ты сделала. Но я прощаю тебя за честность. — Тут Василиса Аркадьевна улыбнулась.

А Катя безрадостно молчала.

— Где мел? Куда делся весь мел? — удивилась Василиса Аркадьевна через пять минут, и с недоверием посмотрела на Катю.

— Ага, это я. Я его в окно выкинула.

— В какое окно?

— Вот в это, кинула через форточку. И чуть стекло не разбила.

Василиса Аркадьевна подошла к стулу, ощупала сиденье и осторожно села.

И вдруг сзади в правом углу класса раздалось мяуканье. Василиса Аркадьевна привстала, все тоже вскочили и увидели рыжего котенка. Котенок бежал между рядами.

И Катя и Дорин видели его впервые.

— Ермолова?.. — спросила Василиса Аркадьевна.

— Не знаю, — испуганно сказала Катя.

А котенок бегал между партами, и к нему со всех сторон тянулись ребята.

В это время в конце коридора раздался громкий лай собаки.

— Вот повезло, — шепнул удивленно Дорин, — хоть она к нам и не относится, из кружка собаководов сбежала, наверное.

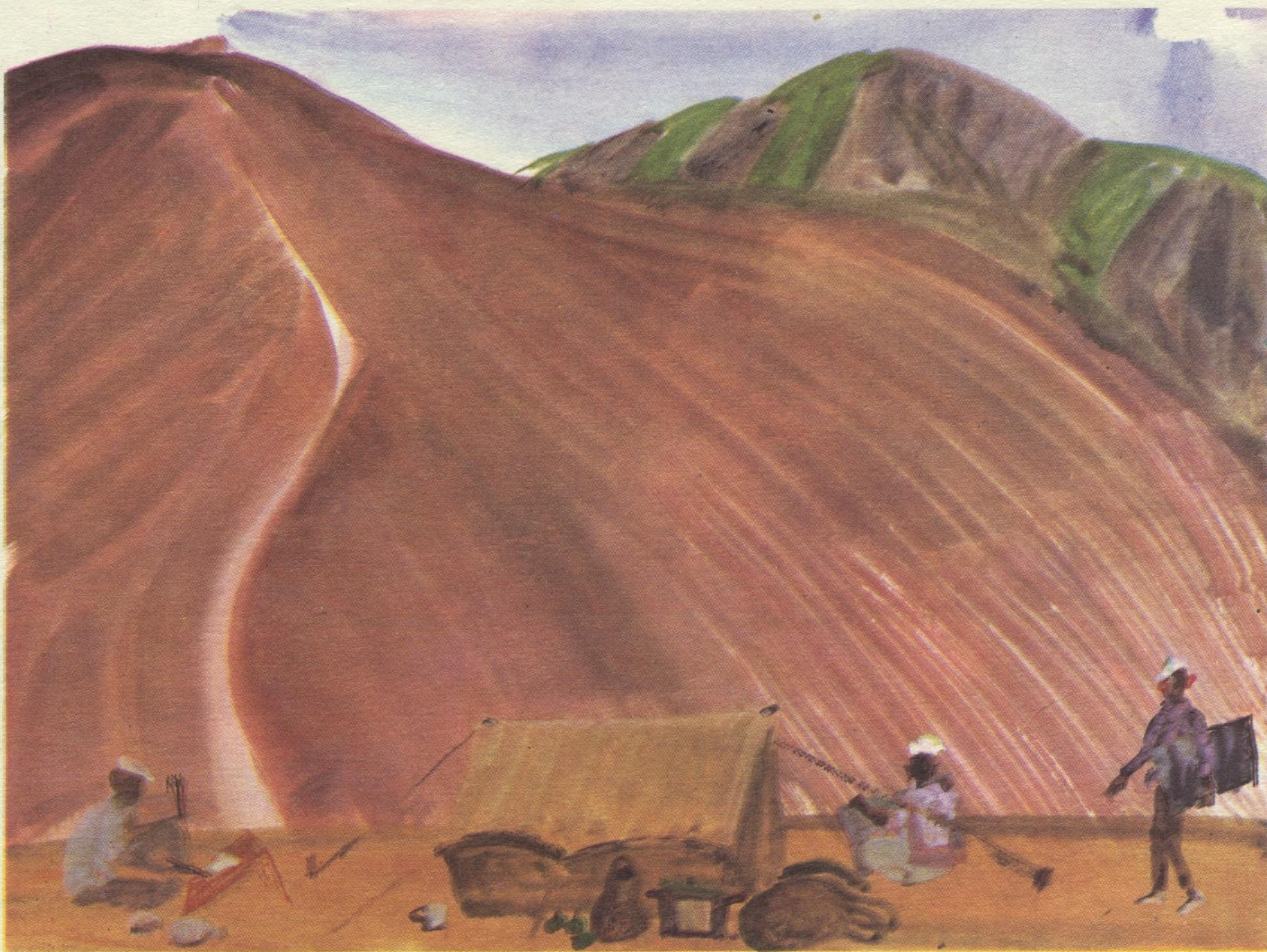
Лай делался все громче, приближаясь к Катиному классу. В коридоре захлопали двери, заговорили учителя.

— Ну, Ермолова, — подняла руки вверх Василиса Аркадьевна, и было заметно, что она с трудом удерживается от смеха, — вижу, ты исправилась недостаточно, Ермолова. Будешь по-прежнему сидеть с Дориным. А ты, Дорин, почему улыбаешься? — сказала она уже строго. — Где твое исправляющее влияние?

— Не улыбайся, — шепнула Катя, — где твое исправляющее влияние?

ЗДРАВСТВУЙ, ПАМИР!

Олег Земцов

Рисунки автора

Мы — трое не очень бородатых людей с облупленными носами, в белых детских панамках, самодельно раскрашенных.

Мы студенты-графики, и практика у нас на Памире.

С нами палатка, двустволка, три рюкзака, четыре больших папки с белой бумагой, десять флаконов черной туши, шесть коробок акварели, ученические ручки с перьями, карандаши и много разных кистей.

Со всем этим хозяйством мы вылетели на маленьком самолете в Гарм, что значит — горячий. Это еще не Памир, а его средние этажи, Памиро-Алтайские горы с хребтом Петра Великого. Там есть все, что на Памире, только чуть пониже.

Так я впервые в жизни увидел настоящие горы.

С самолета они казались макетом из мятой бумаги, что выклеивают в географических кружках. Но когда приземлились — глаза разбежались и не хотели соединяться. Горы двои-

лись, как картинки в стереоскопе — так они были велики.

Тамара, начальник маленького лагеря ботаников, еще в самолете пригласила нас в свой лагерь. Но с условием, что мы по очереди будем дежурить и варить суп и кашу. Ботаники собирают гербарии и составляют карту растительности. Они с утра отправляются верхом, привязав к седлу кожаные сумки гербариев, всегда вдвоем — таков неписанный закон работающих в горах.

Разбив свою палатку, мы десять дней рисовали и писали в долине у ботаников. А потом поднялись по ущелью Шульхазор к соседям-геофизикам, на тысячу метров выше.

Там шли дожди, облака прилипали к горам, были они сумрачными, острыми, с ледником и бродячими фиолетовыми тенями, и назывались «саями». Теплый дневной воздух поднимался остывая, и Млечный Путь делился на мелкие четкие звезды,

разные по цвету: зеленые, красные, желтые.

Вечером геофизики пили зеленый чай на кошме под черешней высотой с трехэтажный дом, вспоминая о встречах с медведем, о сурках и дикобразах, забредавших на свет костра. А чай разливал чабан девятиности двух лет. Он приходил с того берега, где тихонько блеяли его бараны, приходил вброд, а Шульхазор такая речка, что руку с ведром оторвет.

Под черешней маленький таджик-пастух, неизвестно откуда взявшийся, стоял на спине ишака и обрывал ягоды, которые мог достать, а ишак, двигая каждым ухом отдельно, подбирает с земли опавшие. Внизу, в долине, черешню давно склевали птицы, а здесь она только начала зреть.

Через три дня мы снова спускались по тропке, обходя красивую гору «Чиль Духтаракум», что значит — сорок девушек. Розовые камни водят вокруг нее хоровод.

Встретили огромное стадо огромных быков. Было чего испугаться: тропки узенькие. Мы — вниз, а они — назад и вверх, друг друга толкают, ревут. Мальчишка-пастух бьет пятками своего ишака и хохочет: быки с горных пастбищ целое лето не видят чужого человека. Глаза у них пугливые и добрые, как у наших коров. А зазвонив и рога — страшно!

С полной папкой рисунков и этюдов мы вернулись к ботаникам, свернули палатку, уложили рюкзаки, простились и двинулись дальше, по ущелью Сурхгоб.

Мы подружались с удивительными малышами, детьми горцев, и много рисовали их. Девчущки робели, прыскали в платки и прятались. Разлетались мелкие косички, брэнча глиняными подвесками. Мальчишки уговаривали, приводили, усаживали.

— Чи ном дори? Как тебя зовут?

— Рахимджон, а его — Рахмаджан, а ее — Гюльхон, сестру ее — Фариза, а брата — Абджон...

— А я — Темир-малик!

— Малик — по-русски — герой, — объясняет Оскар. Он уже кончил школу и по-русски говорит лучше всех. — Темир не герой, а хвастун. А я приеду к вам в Ленинград. Буду учителем.

Маленький Касым спрашивает:

— Рассом, шома ба ма миад? Вы с нами поедете?

— Да, бишо. (Бишо — значит мальчик.)

— И завтра, и еще, — он показал ладошку, — пять дней, а потом пойдете дальше без нас?

— Да, бишо.

Он с сожалением прищелкнул языком.

— Но там нет ни яблок, ни кашты, ни чой, что будете кушать?

— У нас все с собой, бишо.

Но Касыма и это не убедило, он еще хотел что-нибудь придумать, чтобы удержать нас.

Касым приходил раньше всех, приносил нам за пазухой лепешку, молча ждал, когда же мы, наконец, соберем свои кисти-краски, чтобы писать горы, которые он исходил, обегал, облазил; горы, где он помогал отцу сеять, косить и вязать снопы.

ловить без поплавок на кузнечика форель и маринку.

Те, что постарше, ходят на охоту. Кабаны — «оги вахши» и медведи — «хирс» забредают ночью в сады есть ягоды тутовника, яблоки и грецкие орехи. Ух, сколько страшных охотничьих историй поведано было в саду у кишлака Сангималики, где по-свистывал над костром наш чайник и барабанили о палатку яблоки!

В горах народ гостеприимен. Угощали нас чаем с лепешками. Медом и молоком. А когда мы вечером снимались с места, весь кишлак, старые и малые, садились вокруг, притихшие, а потом провожали до темноты.

Наконец, вошли мы в ущелье речки Комароу. Речка мелка, зелена, прозрачна до камешков на дне. Мы потом так к ней привыкли, что почти из воды не вылезали, а начиналась речка на леднике. Жара стояла под сорок, мы ловили форель, нежную, в малиновых крапинках. Плавники у нее такие сильные, что ей не трудно подниматься вверх по ручью, когда вода в реке от долгих дождей в горах становится мутной, цвета кофе с молоком.

Но скоро пришлось сказать прощай зеленой речке Комароу и горячему горному лету. Мы помогли друг другу вскинуть на спину рюкзаки, взяли под мышки тяжелые папки и — впереди полная луна, позади ледник, светящийся, как Млечный Путь, — пошли по ущелью назад, к жаркому Гарму, к Душанбе с ветром-афганцем и к далекому Ленинграду, где, как мы узнали, начались прохладные осенние дожди.

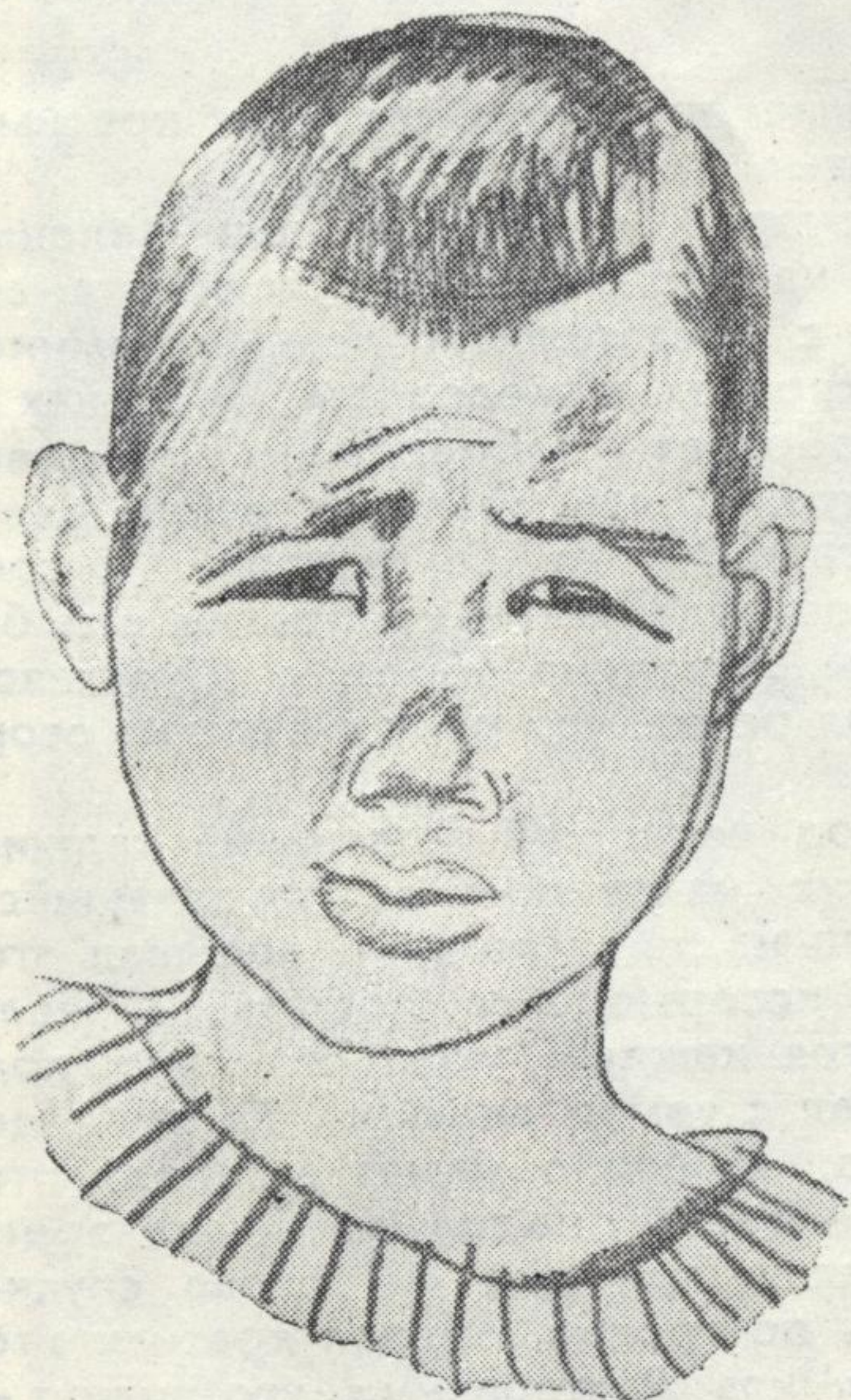
С крутых склонов доносились до нас гортанные песни маленьких косцов.

Мухаббат бартоми джоми
Мухаббат нури чашмани...

Мальчики работали наравне со взрослыми. А склоны круты! Однажды у косцов опрокинулось ведро и долго прыгало по камням, пока, звякнув о белые голыши, не унеслось в речной пене.

Когда идешь по тропке вдоль такой реки — слышишь ее шум одним ухом, а приложи руку к другому — в ладони гул, как в морской раковине.

Вода холоднющая, градусов шесть, а маленькие храбрецы ныряли в нее с разбега, неслись по течению, выбирались, бежали назад и снова бросались в жгущую, мыльную на ощупь воду. Кататься по быстрине на «баллоне» — любимое их развлечение. И прыгать по камням с удочкой,

ЧЕРНАЯ БОМБА

А. Крестинский

Рисунок В. Травина

Во время земляных работ на углу Ивановской улицы и проспекта 1 Мая обнаружена фугасная бомба, сброшенная на город фашистами двадцать шесть лет тому назад.

Из газет

Я — черная бомба!
Я — черная сила!
Земная утроба
Меня поглотила.

Безжалостным грузом
Я с неба упала,
Коварным союзом
Огня и металла.

Земная утроба
Меня укротила,
И замерла злоба
Слепото тротила...

Корявые корни
Меня окружали,
Картавые горны
Меня оглушали,

Текучие воды —
В ловушку ловили,
Могучие своды —
На плечи давили.

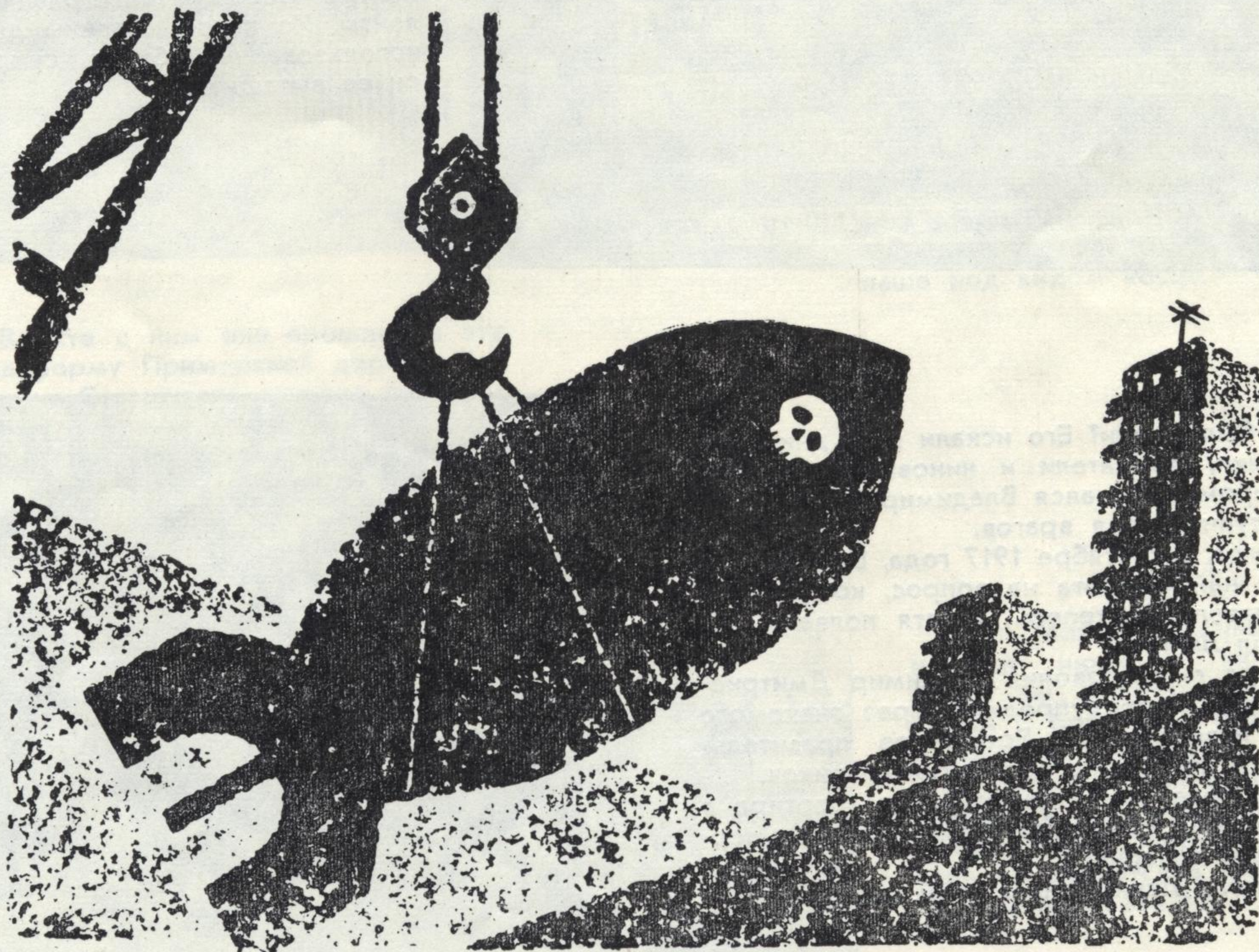
И ржавчина ела
Точеное тело...
А я всё терпела,
Терпела, терпела...

Меня не убила
Земная утроба,
Я — черная сила!
Я ваша — до гроба...

Вы песни поете,
А я — под ногами!
Вы в школу идете,
А я — под ногами!

Вы к солнцу летите,
А я — под ногами!
Вы счастья хотите,
А я — под ногами!

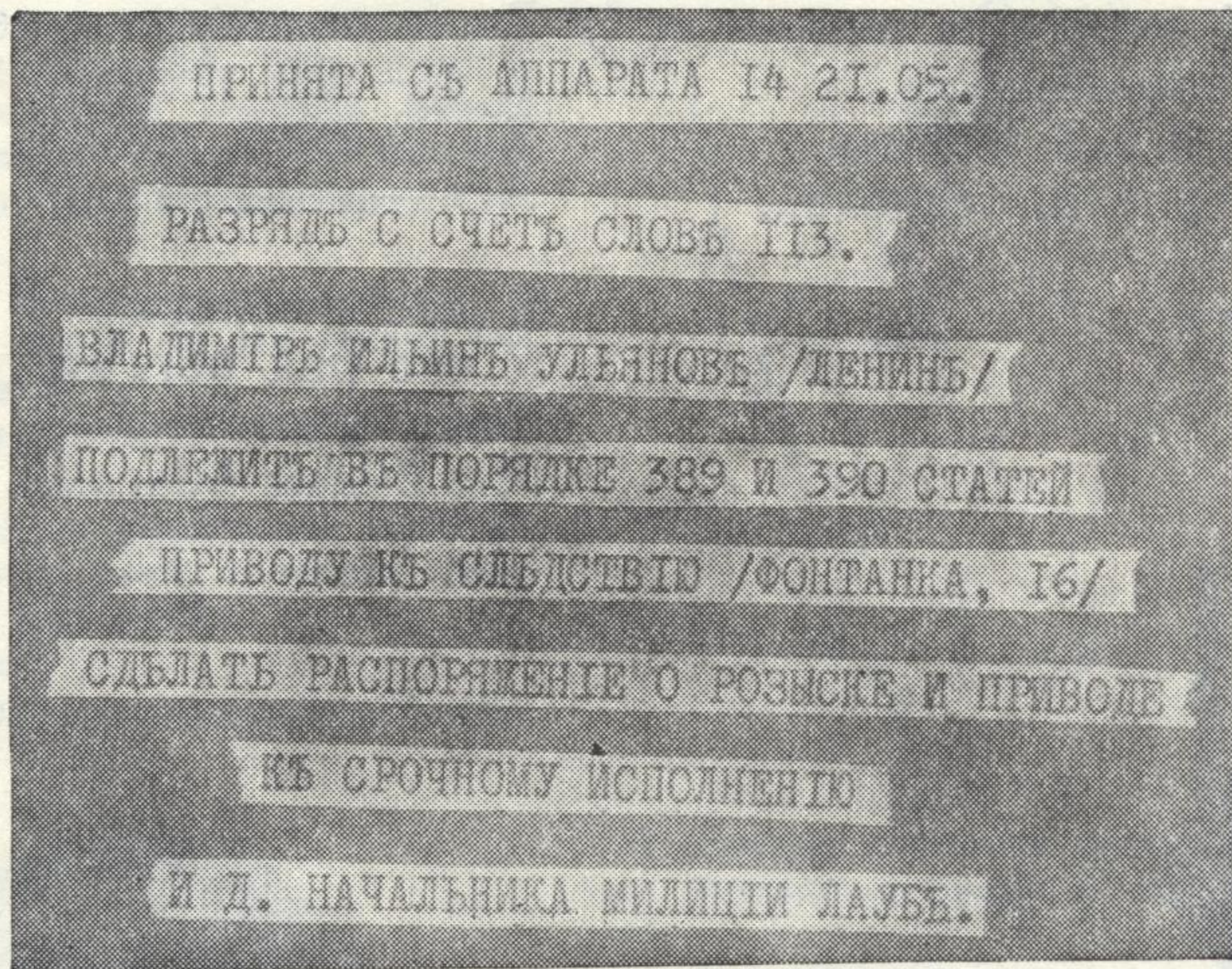
Я вас ненавижу
У вас под ногами!
Пока существую —
Мы будем врагами.

Триклячения Васи Булкина в революционной Петрограде

Эти вырезки Вася сделал из газет «Речь», «Русская воля» и «Вечернее слово»:

Чуть ниже Булкин подклеил смятые обрывки телеграфной ленты. Из какой корзины для использованных бумаг сумел он ее вытащить?

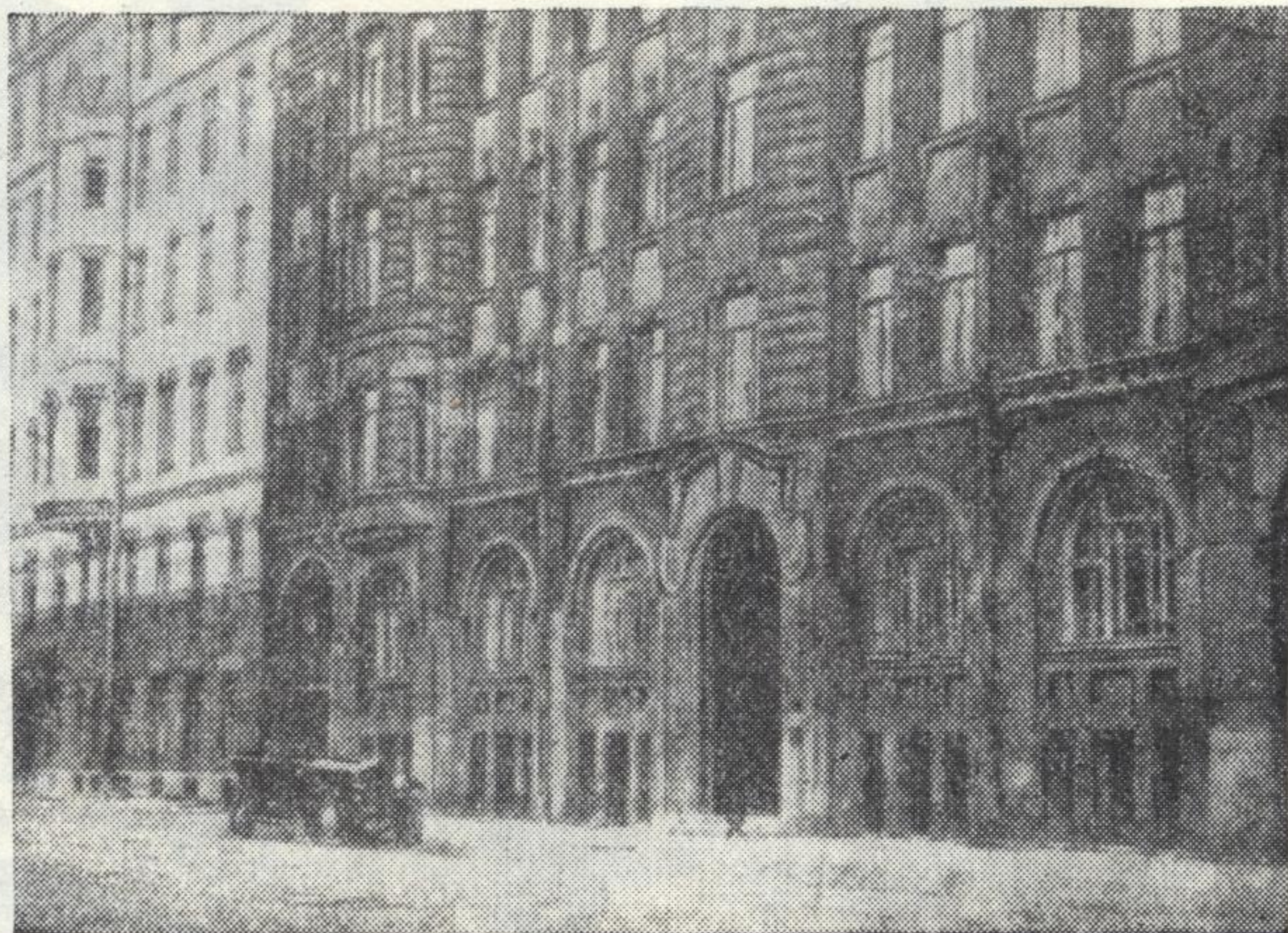
Но где же был Ленин? Его искали в те дни офицеры и сыщики, обыватели и чиновники. Однако место, в котором скрывался Владимир Ильич, оказалось недоступным для врагов.

Конечно, тогда, в сентябре 1917 года, Вася Булкин никак не мог найти ответа на вопрос, который он сам себе задавал. Но теперь, спустя полвека, мы знаем, где был Ленин.

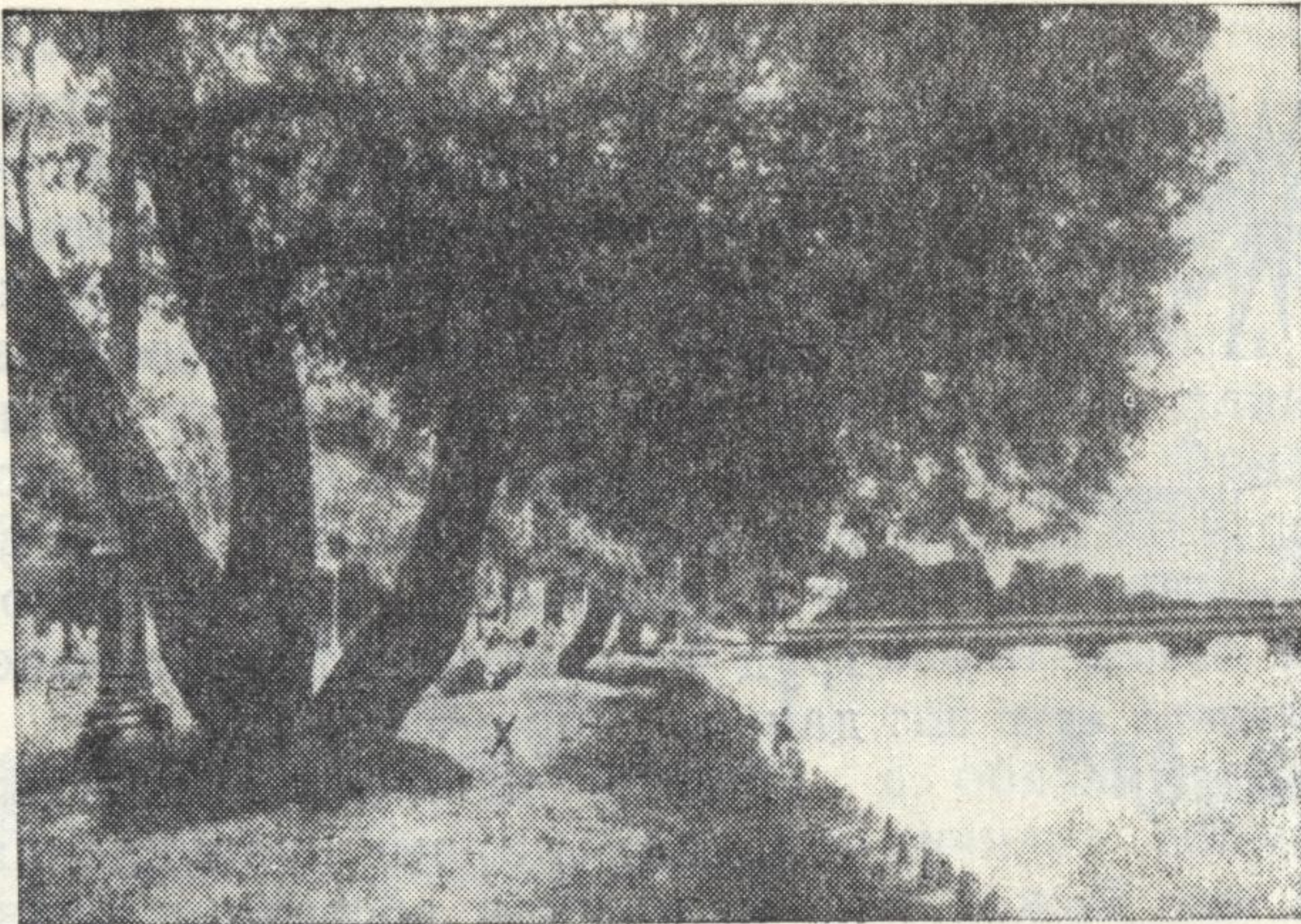
...Еще 5 июля ему позвонил Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич и предупредил: через знакомого юриста стало известно, что Временное правительство собирается арестовать вождя большевиков.

В это время уже была подготовлена квартира в доме 17-а по 10-й Рождественской улице, у верного, надежного товарища.

С 6 по 11 июля Ленин жил в этом доме...

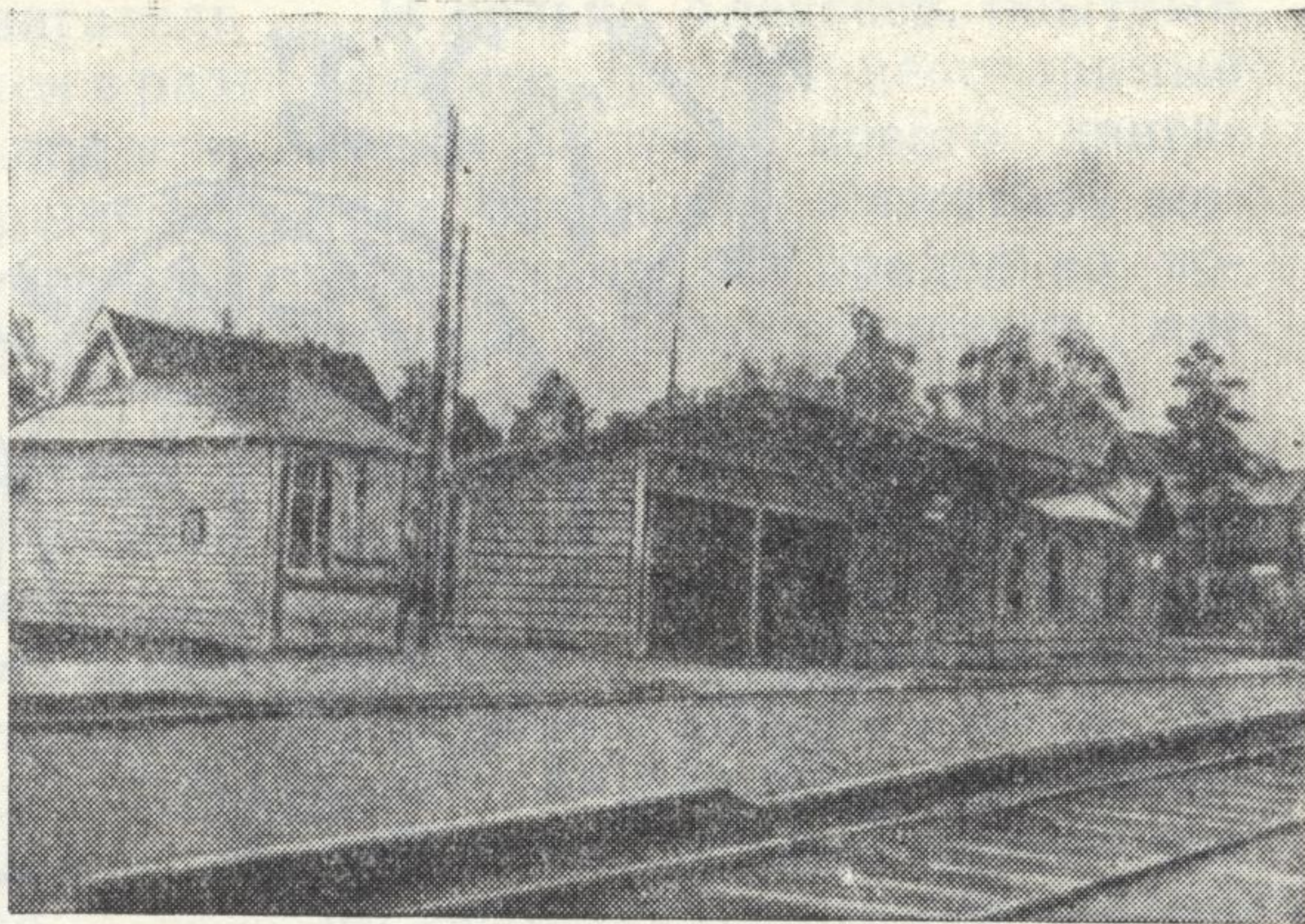

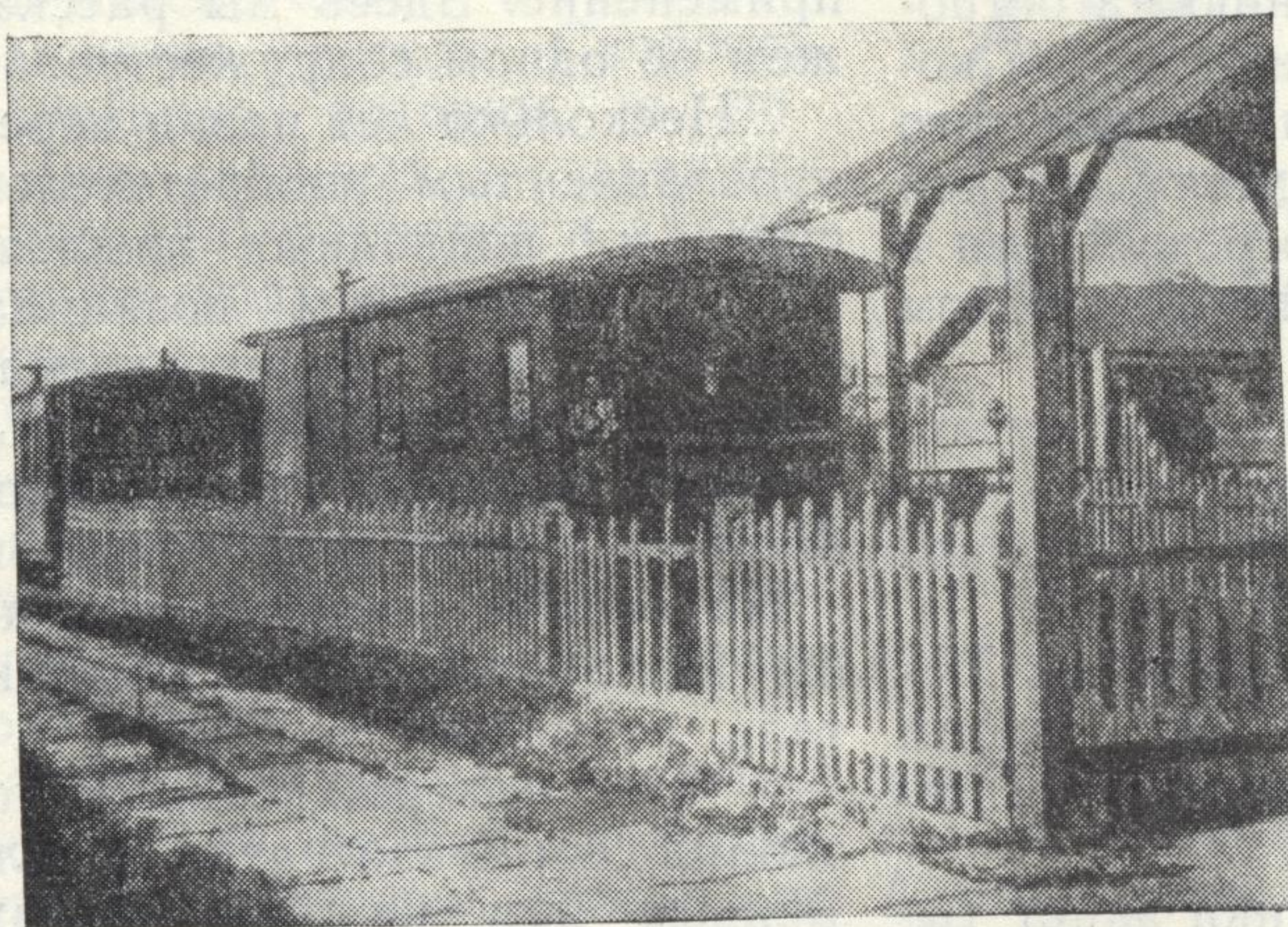

По городу катился шквал обысков и арестов. Партия решила найти вождю более безопасное убежище.

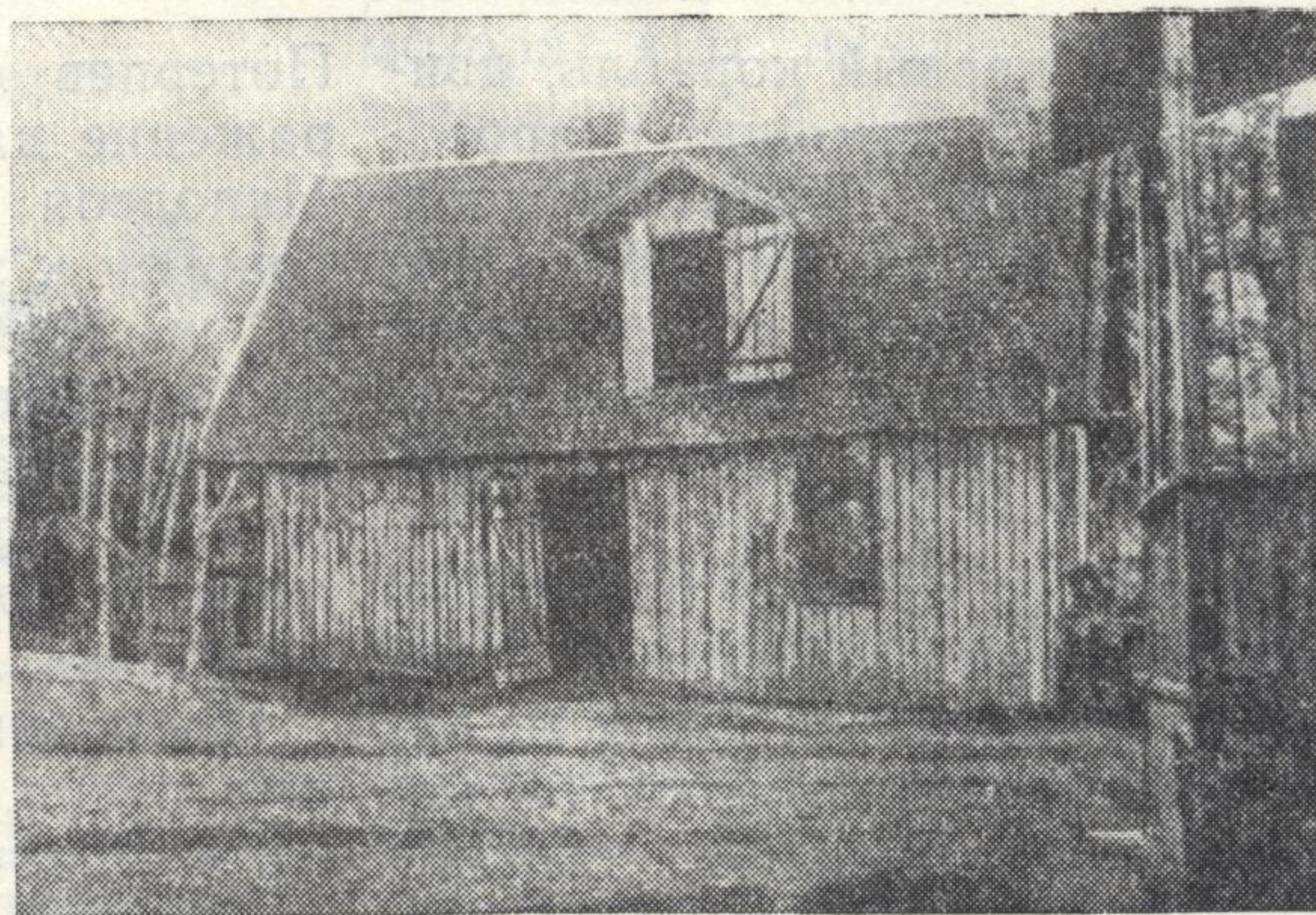
11 июля в 11 часов вечера у этой купы деревьев на Большой Невке Ленин и его друзья встретили хозяина новой конспиративной квартиры.

Владимир Ильич благополучно доехал до станции Разлив...

Вместе с ним они прошли на эту платформу Приморской дороги. Поезд на Сестрорецк отходил без пяти минут полночь. Ленин стоял на задней площадке последнего вагона...

...и поселился на этом чердаке.

Но и здесь оказалось оставаться небезопасно. Поэтому, переехав через озеро Разлив...

Ленин обосновался в лесу в шалаше под видом косца.

Здесь вождь революции прожил июль и август. Здесь он работал, писал статьи и брошюры, отсюда руководил партией.

22 августа Ленин пересек границу и скрылся в Финляндии. Через полтора месяца он вернется в Петроград на паровозе № 293.

Это заседание открывает инженер Юрий Михайлович Колодин и рассказывает поучительную историю двух открытий.

...Свой первый корабль, двигавшийся с помощью парового двигателя, Роберт Фултон построил в Париже. Крохотное суденышко не могло еще перевозить грузы и двигалось со скоростью всего четырех миль в час.

— Какая от него польза? — недоумевали парижане, глядя с набережных Сены на диковинную плоскодонку, за которой непрерывно тянулся длинный шлейф черного дыма.

Однако сам изобретатель не сомневался в будущем своего парохода. Менее чем через полвека его корабль завоеует мир.

Фултон добился встречи с Наполеоном и изложил императору Франции свой проект. Изобретатель предлагал создать флот из кораблей, приводимых в движение паром. Но «Маленький капрал», достигший в ту пору вершины славы и успеха, считал себя непререкаемым знатоком любых наук:

— Каждый день мне приносят проекты один вздорнее другого! — сказал он. — Подите прочь!

Униженный, оскорбленный Фултон навсегда покинул Францию.

...Прошло почти десять лет.

Потерпев сокрушительное поражение на море от англичан, Наполеон Бонапарт был приговорен к заточению на острове св. Елены. Английский корабль, отвозивший свергнутого императора к месту вечной ссылки, случайно встретился в море с новеньким пароходом «Фултон»...

Проводив печальным взглядом судно, быстро удалявшееся в облачке дыма, Наполеон горестно вздохнул:

— Прогнав Фултона из Тюильри, — сказал он своим спутникам, — я потерял свою корону...

...История техники знает тысячи удивительных открытий. Талант изобретателя схож с

талантом писателя. Полет фантазии, способность разглядеть среди привычных фактов явление необычное и заставить его служить обществу! Однако истинная ценность изобретения познается не сразу. Дело здесь не только в косности людей: кто же всерьез откажется от возможности облегчить свой труд или заглянуть в неизведанные миры?..

Просто далеко не каждый обладает даром предвидения, не каждый в состоянии сразу постигнуть глубину замысла изобретателя.

Поэтому для изобретателя очень важно встретить человека, тоже наделенного даром воображения, способного увидеть возможности его изобретения, найти им правильное применение. Здесь мы расскажем об одном содружестве.

...Несколько лет назад перед прославленным изобретателем судов на подводных крыльях Р. Е. Алексеевым возникла, казалось бы, неразрешимая задача. Для испытания крылатых моделей требовался бассейн длиной в 540 метров.

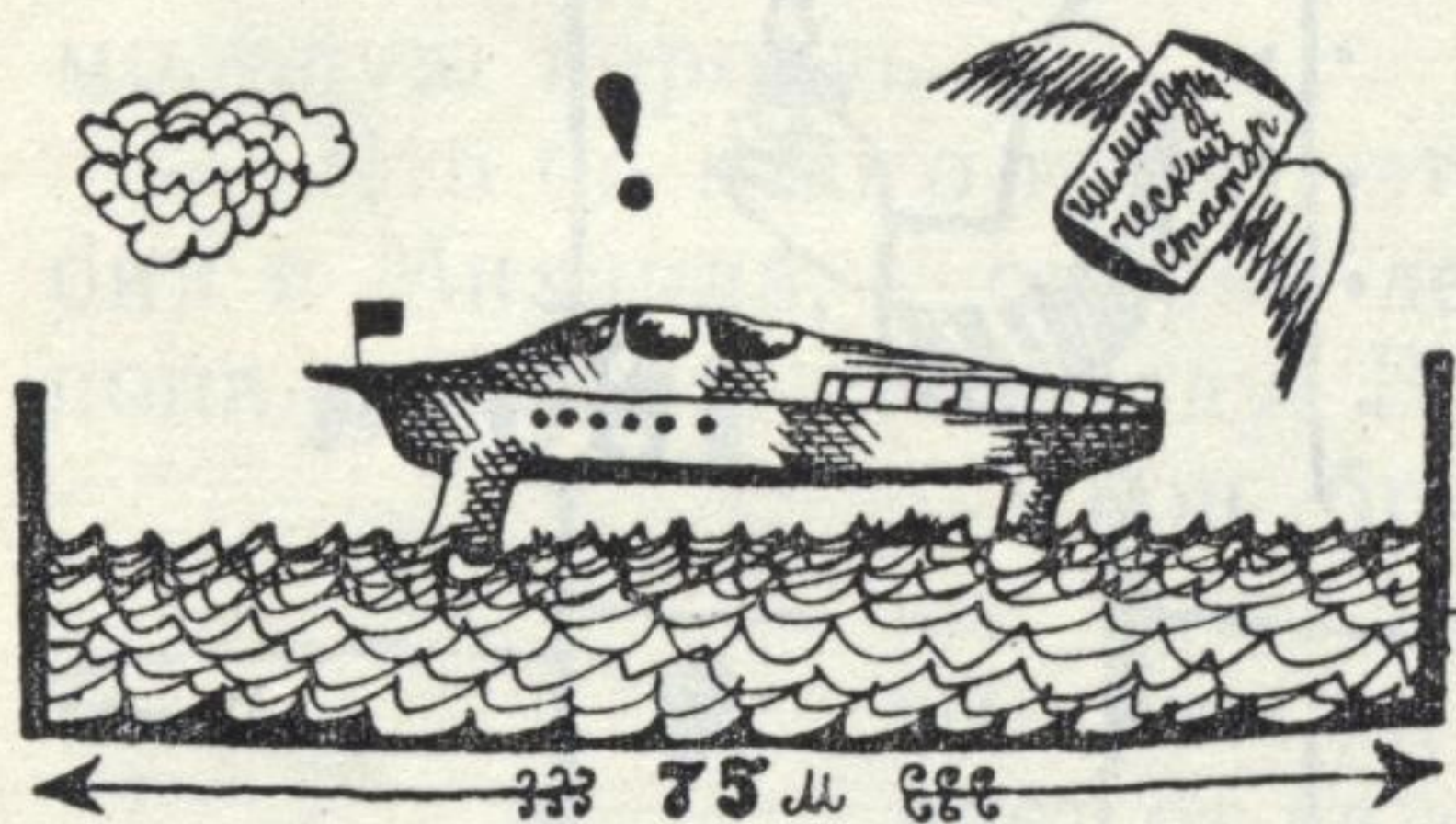
Но во всех институтах, куда бы ни обращался судостроитель, заявляли:

— Нет мотора, который позволил бы разогнать модель меньше чем на 625 метрах. Плюс столько же на торможение.

Длина бассейна выростала втрое, стоимость увеличивалась на 9 миллионов рублей!

Тогда-то Алексеев вспомнил о старом изобретении ленинградского инженера Петра

Фридкина — о дуговых статорах.

Известно, что главные части электромотора — ротор и статор. Неподвижный массивный цилиндр — статор — создает магнитное поле, в котором вращается ротор. Скорость, полученная ротором, с помощью сложных механизмов (приводов) передается движущемуся узлу станка или машины.

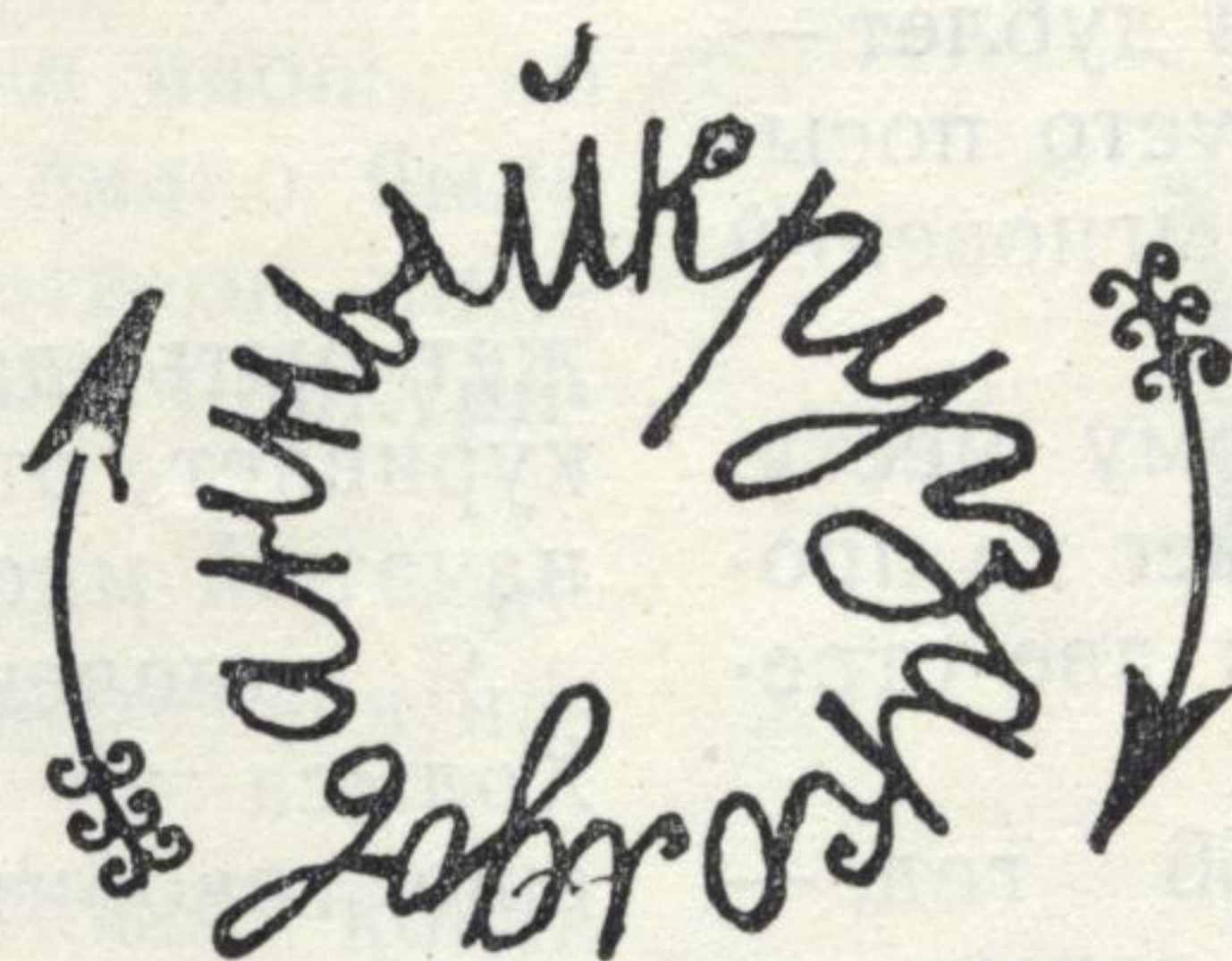
Чем больше отличается скорость вращения ротора от скорости, требуемой для работы машины, тем сложнее конструкция привода, сооружаемого между ними.

Фридкин решил, устранив громоздкий привод, получать нужную скорость прямо от электромотора. Прежде всего — цилиндрический статор

заменял дуговым. Двигатель значительно уменьшился в размере и, сохранив мощность, позволял замедлять вращение ротора. Чем меньше требовалась скорость, тем короче выбиралась длина дуги статора.

Потом Фридкин устранил и сам... электромотор. Новый статор поместил непосредственно возле машины, совмещив тем самым ее обязанности с обязанностями ротора! Получился новый, ни на что не похожий тип двигателя.

Многие инженеры и ученые отнеслись к его изобретению недоверчиво. Один профессор, к которому Фридкин понес на

отзыв диссертацию, посвященную дугогаторным машинам, сказал, возвращая работу:

— И, батенька, что у электромотора есть ротор и статор, даже ребенку известно. А вы к тому же предлагаете использовать не весь статор, а только его часть — дугу!

И только Алексеев, опытный инженер, увидел неоспоримые преимущества нового двигателя Фридкина. Разогнать модель судна на предельно короткой водной дорожке мог только дуговой статор.

Быстро разогнать модель могут электромоторы огромной мощности. Но чем больше мощность, тем больше и размеры обычного двигателя. Он станет в несколько раз тяжелее самой модели. Значит, надо увеличивать размер модели. И так далее... Заколдованный круг!

Преимущество дугового статора в том, что он во много раз меньше обычного электромотора. Нет нужды увеличивать модель, а для ее разгона достаточно всего трех секунд — или дорожки в 75 метров. Фридкин с лихвой уложился в заданную длину бассейна!

Двигатель Фридкина можно использовать в прокатных станках и углеразмольных мельницах теплоэлектростанций, на обогатительных фабриках, в лифтах и шахтных клетях.

И рядом с фамилией первооткрывателя Фридкина несомненно будет стоять имя Алексеева — человека, сумевшего разглядеть в изобретении, отвергнутом многими, контуры замечательной технической идеи.

Как вы думаете, дорогие друзья, имеет ли хоть какое-нибудь отношение к вышесказанному вот это письмо? Прислал его писатель Николай Андреевич Артемов. Это письмо — рассказ о вашем ровеснике, четырнадцатилетнем сибиряке Мише Охлопкове...

Впрочем, прочтите письмо сами:

«...С Мишей я частенько ходил на охоту. Миша родился возле Илимского острога, — места, где когда-то Радищев отбывал ссылку. Миша прекрасно знал тайгу и повадки ее обитателей.

Ночлег в тайге у костра даже зимой был для него обычным делом.

Однажды в начале зимы мы отправились

вместе на охоту за куропатками. Снегу было еще мало, шли без лыж. Тропинка вывела нас к Коршуновскому горнообогатительному комбинату. Его строили прямо в тайге. Старожилы говорят, что на месте стройки долгие годы был глухариный ток.

Мы шли по бесконечной просеке с вырытыми на ней глубокими колодцами. Сетью таких просек и колодцев были покрыты все окрестности горнообогатительного комбината. Сделали это геологи-разведчики, когда искали «рудное тело» — железную руду, для которой сейчас и строился комбинат.

Ночью была пороша, и снег, пригнув своею тяжестью хвойные лапки елей, кедров и сосен, репьем вцепился во все, что мог, и свешивался карнизами с каждого сучка, каждой ветки, каждой былинки. Просека круто поднималась в гору. Михаил шел впереди ровным шагом, не замечая подъема. Скоро я стал отставать.

Вдруг далеко впереди послышался дублет — два выстрела подряд. С деревьев густо посыпался снег, закрыв на несколько мгновений собою солнце.

Через полчаса мы подошли к тому месту, где стрелял неизвестный охотник. Снег на просеке был утоптан, и на нем лежали две стреляные папковые гильзы.

— Шестнадцатый калибр, 1966 год, — можно было прочитать на донышках гильз — значит, перед нами идет охотник с двуствольным ружьем шестнадцатого калибра, приехавший сюда в 66-м году, — сделал я вывод, думая удивить Михаила своею проницательностью.

— ...Молодой, здоровый мужчина, ростом не меньше 180 сантиметров, одетый в синий лыжный костюм, новые черные валенки, пыжиковую шапку. Человек этот близорук, мо-

жет быть, даже носит очки. Часто курит, прикуривает от зажигалки, — закончил Михаил начатый мною анализ.

Я удивленно уставился на этого Шерлока Холмса из Илимского острога, не понимая еще, говорит ли он серьезно или разыгрывает меня.

— Откуда я узнал все это? — ответил Михаил на мой вопрос. — Об этом рассказали его следы. Что охотник молодой и здоровый, видно из того, что он прошел весь подъем и ни разу не остановился, а мы с вами останавливались дважды, пока поднялись сюда. Ростом этот охотник выше вас сантиметров на десять, потому что он перелезал через те поваленные поперек просеки деревья, под которые вы

ЧТО?

ГДЕ?

„Архипелагом счастливых островов“

называют иностранные туристы острова в Коралловом море к востоку от Новой Гвинеи. Почему?

До сих пор среди туземцев — здесь 10 000 населения — господствует матриархат. Женщины решают все важнейшие дела на этих островах. Здесь живут по законам и обычаям... первобытного общества.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

предпочитали подлезать. Новые черные валенки говорят за себя — вот смотрите — и, нагнувшись, он поднял крошечную черную шерстинку, оставленную валенком на сучке, торчащем из снега, — ну, а синий лыжный костюм и пыжиковая шапка оставили о себе следы, когда владелец их продирался через молодую поросль.

— Что он много курит, это понятно, — перебил я Михаила, — окурки действительно часто попадались на его следу. Вот еще один, который он бросил, когда стоял на этом месте. Но почему ты решил, что он прикуривает от зажигалки?

— Вот видите, — и Михаил вновь поднял что-то со снега — крошка табака. После неудачных выстрелов охотник достал из кармана пачку, размял папиросу, постучал мундштуком по крышке и закурил вновь, но брошенной спички не видно. Не видно было брошенных спичек и на следу, хотя он закурировал неоднократно. Следовательно, прикуривает охотник от зажигалки.

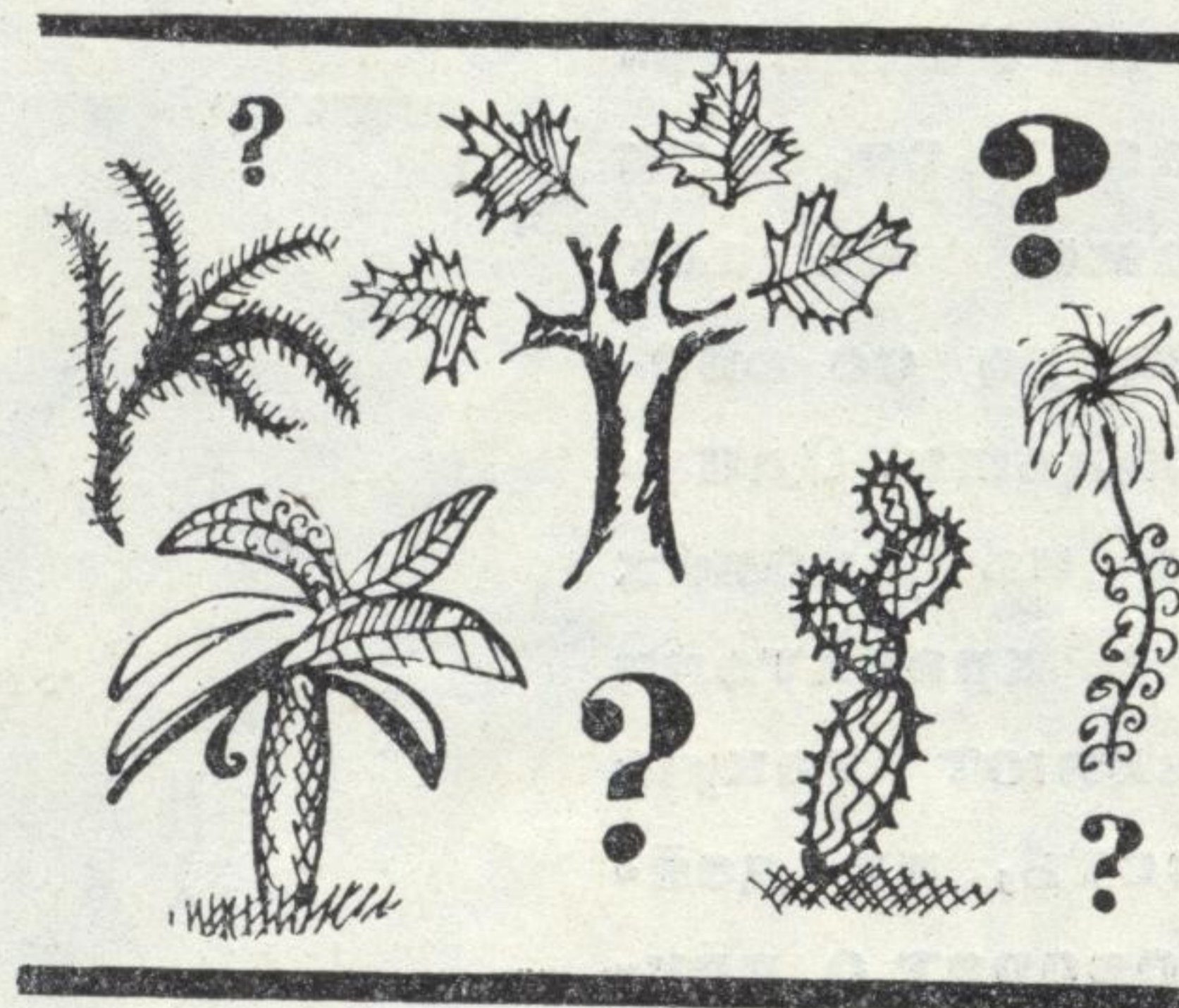
— Ну, а почему ты решил, что он близорук? — спросил я. Михаил молча вернулся назад, я последовал за ним.

— Вот здесь кормились куропатки, когда охотник появился вон из-за того перевала. Расстояние, как видите, 35—40 метров, и если бы у него было хорошее зрение, он, наверное бы, их заметил и выстрелил. Но он не увидел их и непуганые куропатки побежали вдоль просеки. Вот здесь они пробежали по кустам, вот здесь по открытому месту. Но охотник продолжал не замечать их. И только когда он совсем догнал куропаток и они с шумом взлетели у него из-под ног, охотник заметил их и

выстрелил. Но, как видите, стрелок он неважный и с такого близкого расстояния сумел промахнуться. И действительно, от того места, где мы стояли, откуда стрелял охотник, до окончания следов куропаток, откуда они взлетели, было не более 25—30 шагов.

Я был поражен наблюдательностью и логикой маленького сибиряка. Ведь я тоже не новичок в тайге, много сотен километров исколесил по ней и летом — по зыбким марям, и зимой — по глубокому рыхлому снегу. А вот идя по следам неизвестного человека, не заметил того, что увидел мальчуган из Илимского острога.

ВОПРОС ПАГАНЕЛЯ

В моем заповеднике собраны растения из всех частей света. Кокосовая пальма, саксаул, тамариск, манго, клен, секвойя, кактус, самшит, здесь же цветут виктория-регия и хризантемы.

Если ты увлекаешься ботаникой, то легко определишь, какие именно растения в диком состоянии встречаются в СССР, и сообщишь в клуб.

ЧТО?

ГДЕ?

Секрет талой воды

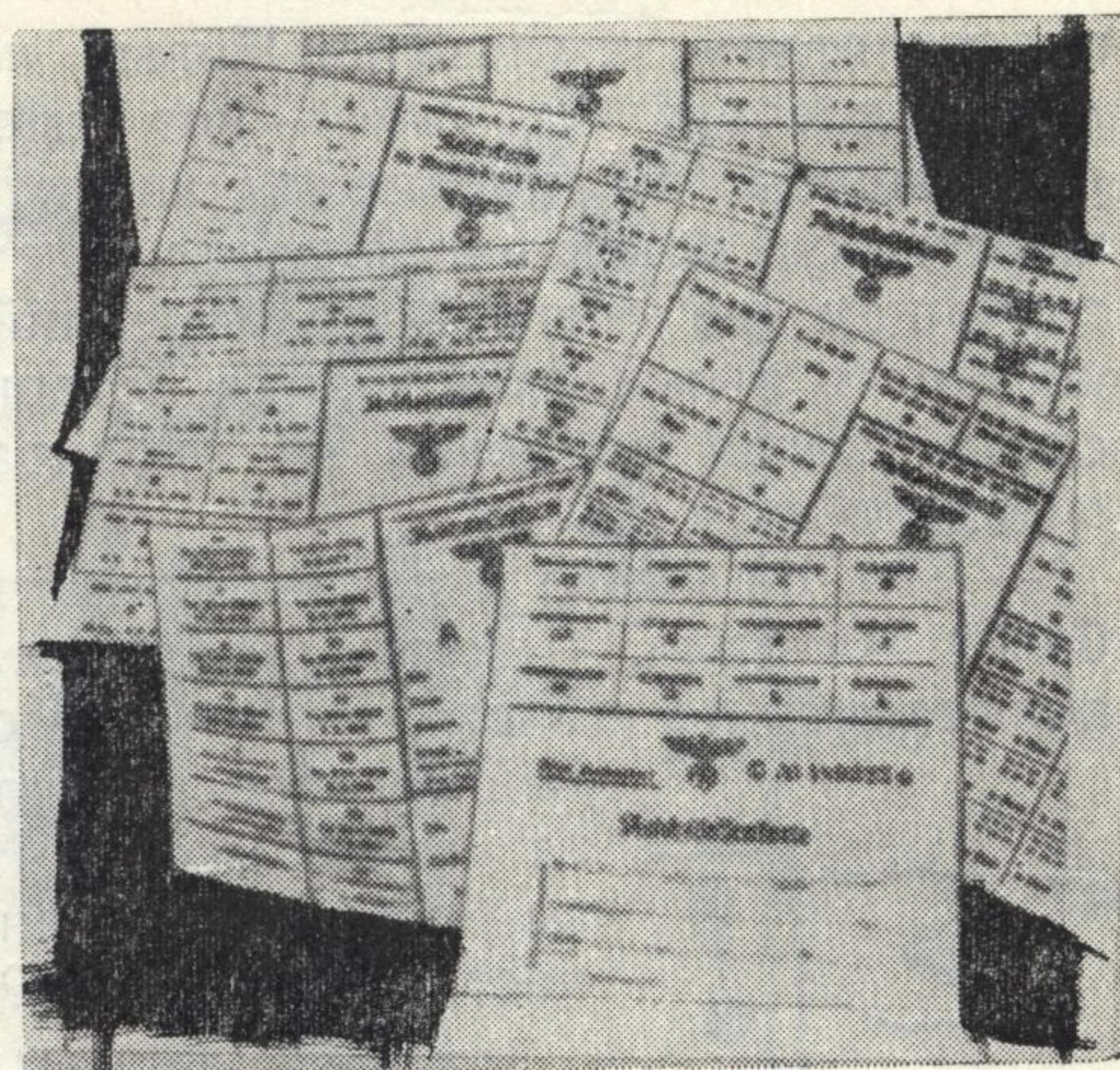
Талая вода внешне похожа на обычную воду, а ее строение такое же, как у льда. Именно таково строение воды, содержащейся в живом организме. И не удивительно, что звери и их детеныши предпочитают талую воду обычной чистой воде. Употребляя талую воду, организм не затрачивает энергии на переделку строения воды, и она лучше усваивается.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

Торговцы смертью

Разве кто-нибудь собирается напасть на Федеративную Республику Германии? Конечно, нет. Государству на Рейне некого опасаться, если оно само желает жить в мире со своими соседями. Однако, хотя на словах боннские правители и проявляют такую готовность, их действия говорят о другом.

Так выглядят западногерманские моды 1967 года (первый снимок). По «закону о гражданской обороне», принятому боннскими властями, каждый житель Федеративной Республики, будь то взрослый или ребенок, обязан иметь свой противогаз.

Отпечатаны десятки миллионов продовольственных карточек для населения на случай войны (второй снимок).

Некоторое время тому назад стало известно, что бундесвер, как именуется западногерманская армия, располагает атом-

ными минами, которые в случае «военной необходимости» намечено заложить вдоль восточных границ боннского государства. Журнал «Ревю» даже поместил на своих страницах карту с обозначением предполагаемого «атомного пояса» (третий снимок).

Специалисты подсчитали, что проведение этого чудовищного плана в жизнь означало бы неизбежную гибель по меньшей мере 10 миллионов западных немцев, не говоря уже о людских потерях по другую сторону границы.

Западногерманская школь-

ница (четвертый снимок) демонстрирует свою «опознавательную табличку». Назначение этих табличек в том, чтобы в случае атомной войны помочь статистикам точно подсчитать число убитых ребят. На пластинке, сделанной из «атомоустойчивых» материалов, выгравировано не только имя и фамилия ребенка, но и его вероисповедание, чтобы священники могли правильно подбирать заупокойные молитвы...

Девочка смеется, так как еще плохо понимает, что такое атомная война. Но...

... многие ее сверстницы начинают все чаще задумываться над тем, что происходит вокруг. Вместе со взрослыми они выступают против войны, против тех, кто ненавидит жизнь и торгует смертью.

Когда мы говорим «КЮФ», наш постоянный читатель знает, о чем идет речь. КЮФ — это Коммуна Юных Фрунзенцев.

Находится Коммуна в Ленинграде, в Доме пионеров Фрунзенского района, а действует — далеко за пределами города. Каждое лето работают коммунарские отряды на полях самого отдаленного района области — Ефимовского.

Впервые «Костер» рассказал о Коммуне в 1961 году. За эти годы многие коммунары выросли, окончили школу, работают, учатся в вузах, но с КЮФом не порвали. Больше того, теперь они — старшие, друзья отрядов.

На вопросы отвечают: Саша Прутт — студент университета, физик. Виктор Шеенсон — рабочий, готовится поступать в театральный институт. Аня Андрюкова и Коля Крыщук — студенты университета, филологи.

Почему про себя не пишешь?

Меня выбрали в редколлегю. Те ребята, о которых я пишу заметки или рисую карикатуры, очень на меня сердятся. Я сказала учительнице, что оформлять газету больше не буду. Посоветуйте, как мне дальше поступать. Они еще говорят: «Почему про себя не пишешь?» А что мне про себя писать?

*Зоя Васильева
Калининская область*

Один человек захотел узнать, кто он такой. Для этого он переоделся, загримировался и стал расспрашивать о себе всех, кто его знал.

— Что вы думаете о таком-то? — спрашивал он.

Вечером этот человек, растерянный, пришел домой, так и не выяснив, кто он, потому что все люди отвечали по-разному. Один говорил, что он — плохой сосед, другой — что он большой знаток музыки, третий называл его вер-

ным другом, а у четвертого искажалось лицо при одном упоминании об этом человеке... Вдобавок, собака во дворе залаяла, как будто он вор.

Эту притчу мы рассказали к тому, что у каждого человека много разных свойств, страстей, качеств характера. А в жизни мы об этом часто забываем. И тогда, например, пишем в стенной газете, что Иванов — двоечник. Раз пишем, два пишем, три... А Иванов лучше не становится. И даже грозит сорвать газету. И редактора побить.

Вот бы нам вовремя вспомнить, что Иванов отличный фотограф, да попросить его сделать снимки для газеты!

Вот бы нам вовремя вспомнить, что Иванов любит животных и вечно возится с какими-то облезлыми кошками и собаками!

Вот бы нам вспомнить... А то всё ругаем Иванова и ругаем. Так он и вправду поверит, что он совсем никудышный, неисправимый человек.

Мы думаем, что у Зои Васильевой та же беда. Она почему-то решила, что стенная газета только для того, чтоб ругать. И смотрит на людей только с одного боку.

А насчет того, что ребята говорят: «Почему про себя не пишешь?» — ты, Зоя, подумай хорошенько. Может быть, и у тебя есть недостатки? Может быть, ты их не замечаешь?

*Аня Андрюкова
Коля Крыщук*

*Подчинить —
значит,
унизить.*

Недавно на нашу улицу приехала девочка Оля К. Прошло две недели. И однажды Оля сказала, что в городе, где она жила, все дети считали ее самой умной и развитой. Она заявила, что хочет быть у нас главной, чтоб мы ей подчинились. Мы, конечно, не согласились. Тогда мама ее сказала, что мы некультурные девочки и не уважаем ее дочь. Она не позволяет Оле разговаривать с нами. Мы с Олей теперь не дружим. Напишите, пожалуйста, права ли Олина мама. Можно ли считать человека некультурным, если он не хочет подчиняться другому?

*Девочки с улицы Гагарина.
Город Полярный*

А для чего вообще нужно подчиняться? Взрослые люди на работе находятся в зависимости друг от друга, но приказы и распоряжения служат не для подчинения одного человека другому, а для правильной организации какого-либо дела.

А ребята? Вот у нас в Коммуне — разные люди. Одни обладают яркими способностями, другие — средними. Но каждому приходится побывать и командиром и подчиненным. «Самые умные и развитые» всегда с уважением относятся к советам своего командира.

Такие отношения кажутся мне нормальными не только в среде ребят.

Теперь о культурности. Я думаю, что мальчик, девочка или

даже взрослый, желающий подчинить себе другого, не может быть культурным. Ведь подчинить — это значит унижить, а унижение — это отвратительно! Так что Олина мама не права.

А с Олей вы разберитесь сами. Пусть она покажет свои способности на равных. И главное: есть ли у нее самая важная способность — уважать людей?

Виктор Шеенсон

Косму — море, косму — небо...

Дорогая редакция! У нас в отряде есть такие ребята, которые просят организовать клуб космонавтов, а другие хотят клуб моряков. Как нам быть?

*Капитан Алеша Киреев.
Красное Село.*

Посоветовать вам открыть клуб космонавтов? А за что тогда наказаны будущие моряки? И если обрадовать их, то что делать космонавтам? Нет, нам на расстоянии за вас не решить, да это и не нужно.

Мы только советуем вам, как сделать выбор абсолютно безошибочно.

Итак, в отряде объявляется Неделя Глухой Защиты. Все зарываются в книги, журналы, газеты и ищут там все самое интересное по той специальности, которую они предлагают. Но «противник» ничего знать не должен. Он тоже готовится, и тоже тайно!

Следующая неделя — неделя Атаки. В классе вывешиваются морские и космические газеты, викторины, задачи — словом, все что придумано за неделю. Тут-то и выясняется, кто больше работал, кто сильнее уверен в своей правоте — «моряки» или «космонавты».

И тем и другим начисляются очки: за самые интересные газеты, за участие в викторине, за лучшие предложения о работе будущего клуба, о его эмблеме, гимне, форме участников...

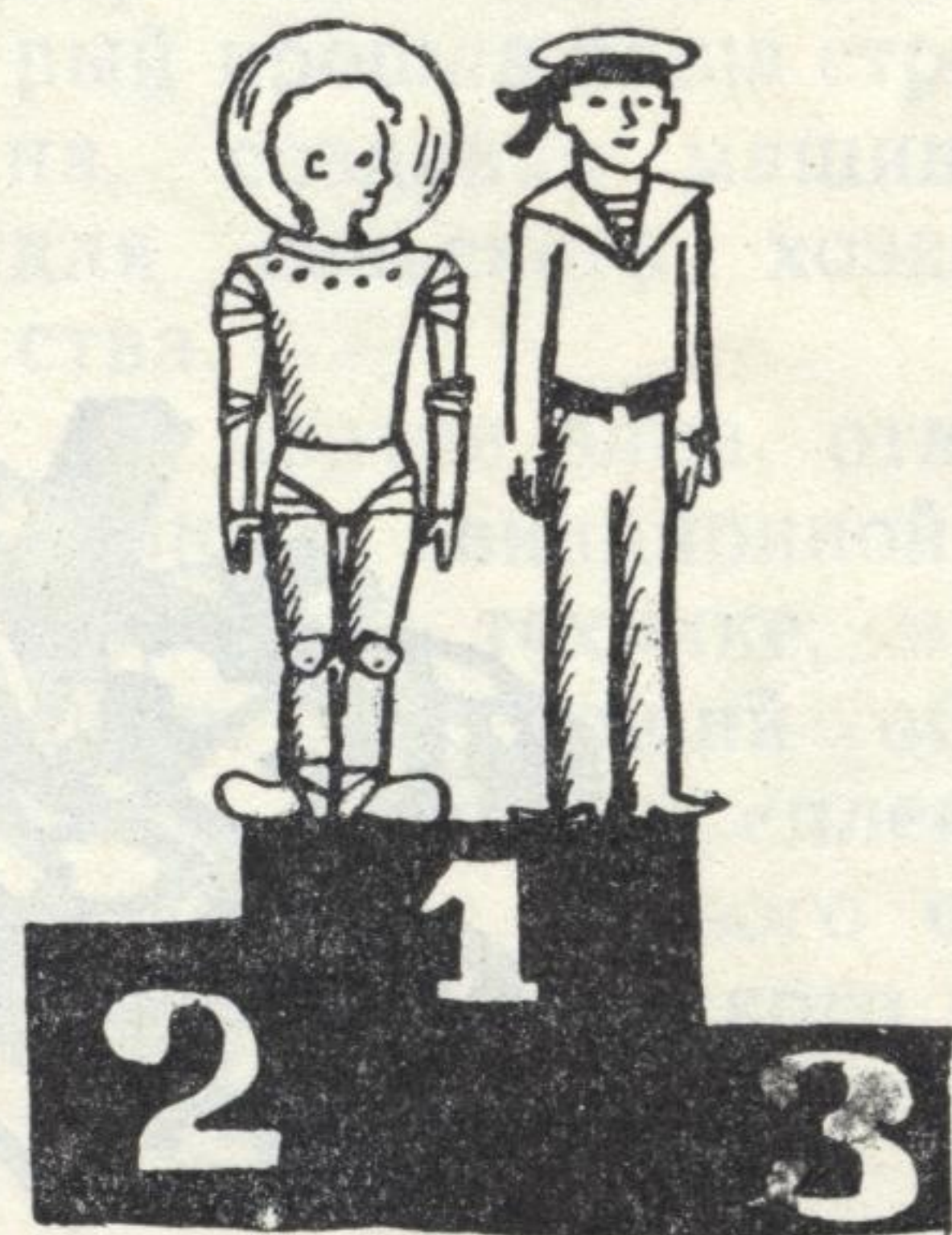
Кто начисляет очки? Выберите Совет Справедливых из ребят вашего отряда, а еще лучше — пригласите старшеклассников или шефов.

И, наконец, День Большого Решения! В этот день — торжественный сбор в отряде, КВН — последний экзамен... Тут уж всем станет ясно, каким должен быть клуб!

Хорошо бы пригласить в гости моряков, летчиков, курсантов военных училищ.

Ну, а если у «моряков» и «космонавтов» очков поровну? Тогда ничего не поделаешь — открывайте оба клуба!

Саша Прутт

У МОРЯ

Волна вскипела, брызнула —
и откатилась вновь,
и накатилась сызнава
до самых валунов,
и снова с камня голого
скользнула без следа, —
и вдруг пришло мне в голову,
что было так всегда.

Задолго до меня еще
прибой работу знал:
На смену опадающей
волну другую гнал.
И до того, как первая
родилась тварь земли,
волна к волне, наверное,
на дикий берег шли.

Внушает уважение,
что столько тысяч лет,
как началось движение —
конца движенью нет:
волну из бездны выкатил —
и откатил прибой...
О море, вечный двигатель,
что двигает тобой?!

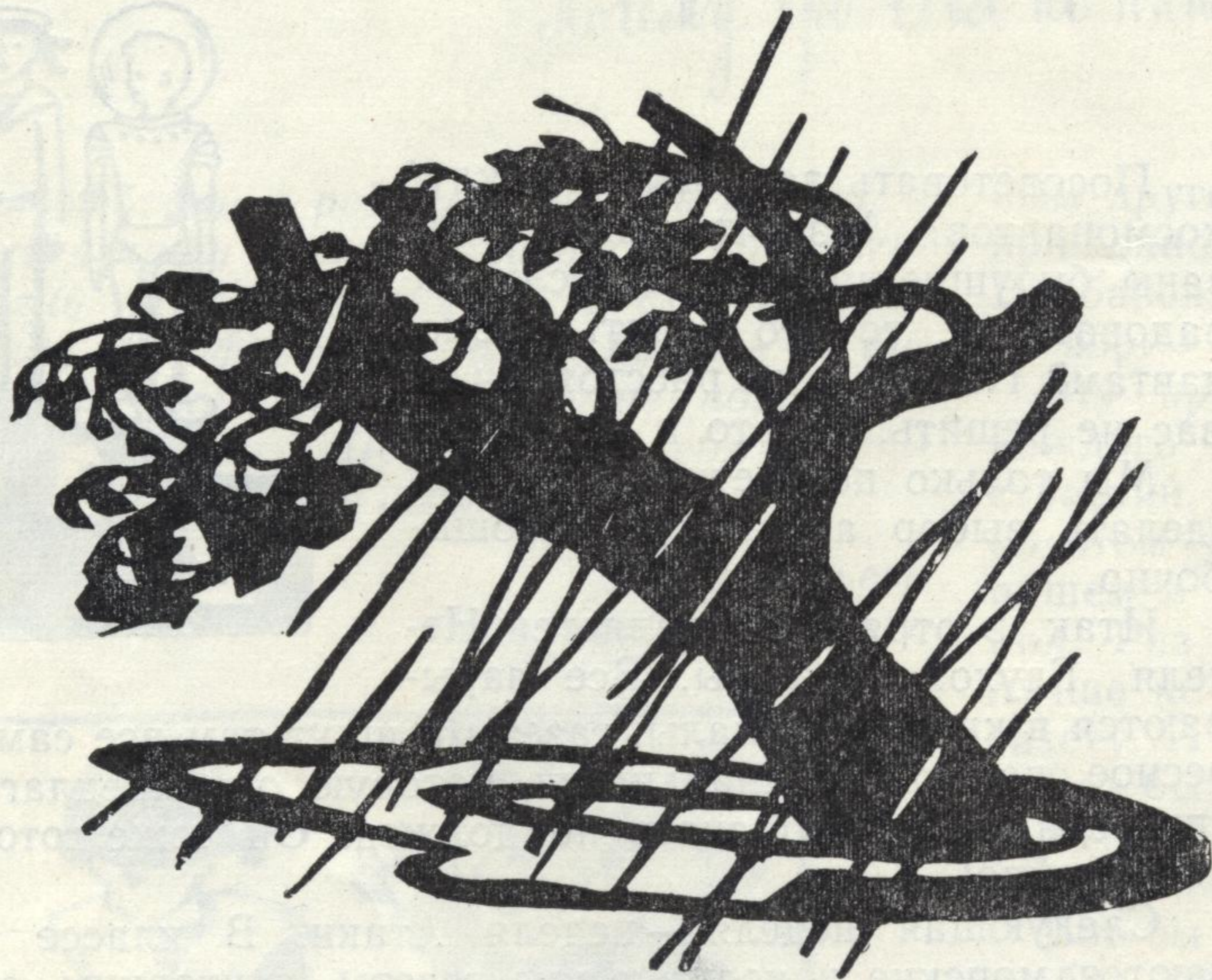

Рисунок В. Орлова

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Всю ночь шел дождь,
дом, словно остров.
Всю ночь шел дождь —
воздух-то, воздух!

Всю ночь шел дождь —
почки набухли.
Всю ночь шел дождь,
вымокли туфли.

Всю ночь шел дождь,
всюду капли.
Всю ночь шел дождь —
птицы запели.

Всю ночь шел дождь,
звякали стекла.
Всю ночь шел дождь —
светлый и теплый.

НЕБО

Я лежу среди травы,
за голову руки.
Давят тонны синевы
на земные звуки.

То ли зной слепит глаза,
то ли стратосфера.
Самолет и стрекоза
одного размера.

Где — вблизи или вдали —
стебелек качается?
Начинаясь от земли,
небо не кончается.

СВОИМИ РУКАМИ

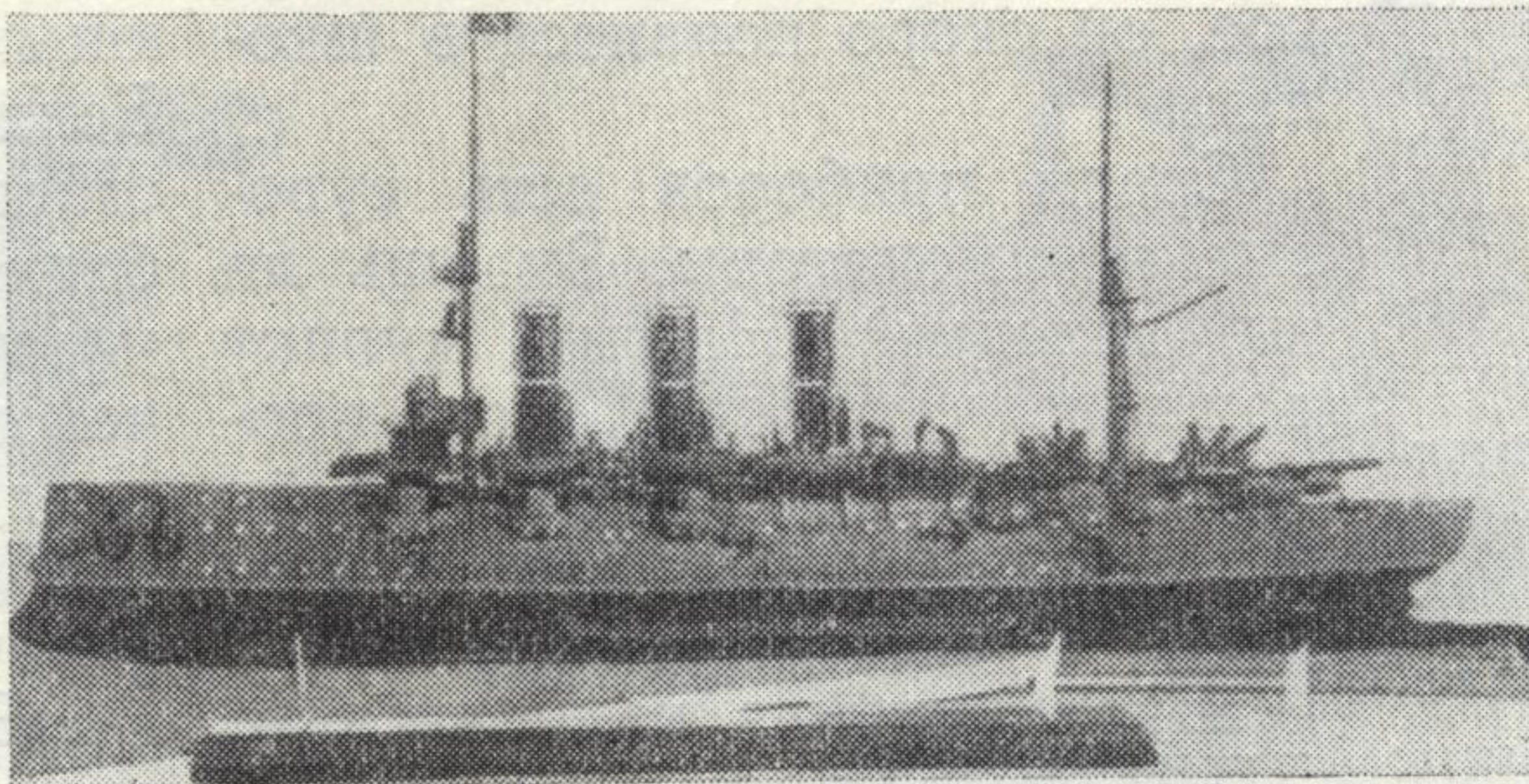
Н. Неумина,

НА ВЫСТАВКЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЛЕНИНГРАДА
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВО ДВОРЦЕ ПИОНЕРОВ ИМ. А. А. ЖДАНОВА

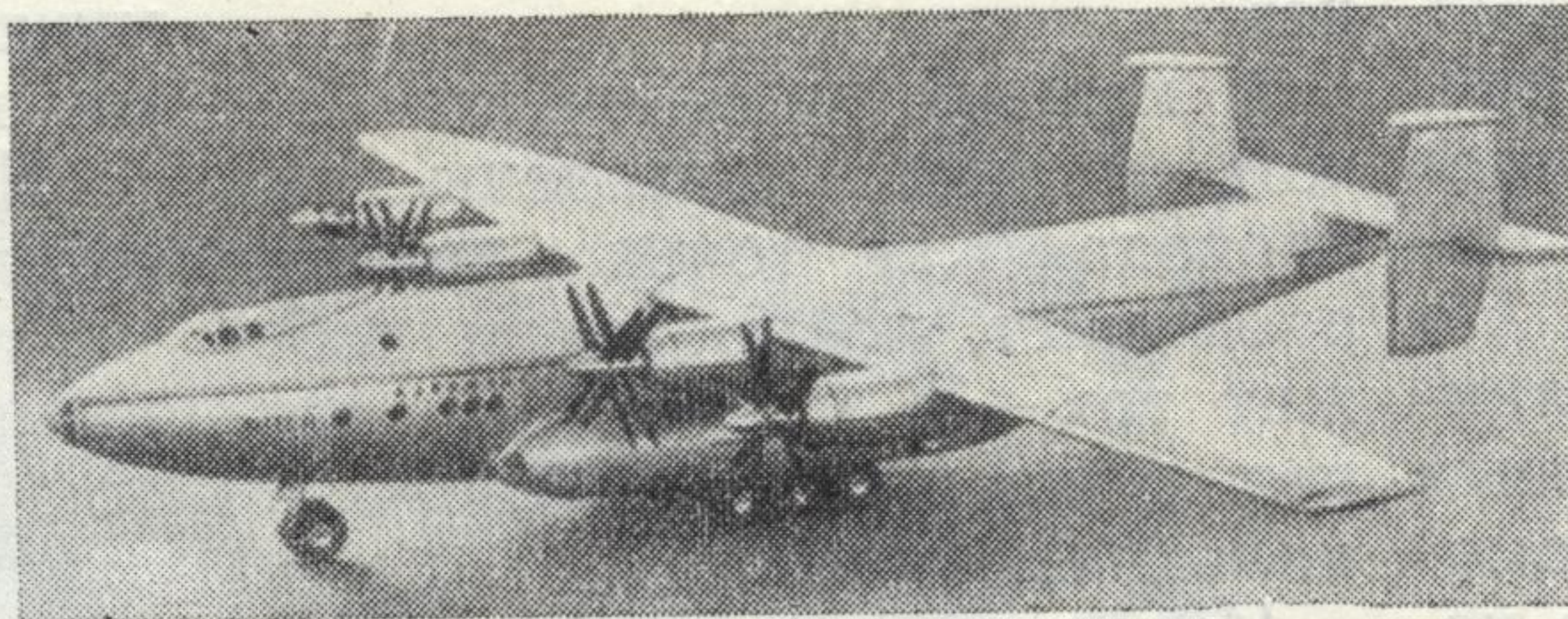
Их тысяча, этих экспонатов. Им тесно на стендах, расставленных в просторном зале и семи гостиных. А ведь здесь только модели-победители районных и школьных выставок, отобранные из 30 000, представленных на смотр.

Здесь есть занятные игрушки. И просто занятные, и умные. Вырезанный из дерева косяк может пилить бревна и колоть дрова. Есть модели-макеты, например, модель автомобиля В. И. Ленина. Есть и настоящие конструкции — такие, которые требуют не только усердия и навыков, но и специальных знаний. Ведь для того, чтобы создать модель нервных клеток, не просто, а электронную, по которой пробегает «нервное» раздражение, мало знать физику, нужно разбираться и в физиологии.

По настоящему любить технику — это значит изучать ее историю, следить за современными достижениями. И на выставке, посвященной пятидесятилетию советской власти, много работ, которые показывают, что ребята знают историю техники.

Крейсер «Аврора»

«Антей»

Самолет «ТУ-144»

О чем, например, рассказывают эти две модели — первого советского трактора «Фордзон-путиловец» рождения 1924 го-

да (В. Александров из машино-строительной лаборатории Дворца пионеров) и модель нынешнего мощного трактора «Кировец»? О том огромном пути, который прошла наша страна, создавая машины для сельского хозяйства.

В центре зала, отведенного авиационной и морской технике, высятся блестящий обелиск. Здесь укреплены модели от первого самолета Можайского до искусственного спутника Земли.

Чего только нет в этом зале! Маяки мигают кораблям-героям русского флота, известным всему миру кораблям-революционерам крейсеру «Аврора» и броненосцу «Потемкин». Локационные устройства принимают сигналы современных советских кораблей, например, крейсера-ракетоносца (автор Сергей Головкин, 9-й класс, 103-я школа). Эта модель получила диплом I степени на городском первенстве 1967 года. Она самостоятельно движется по воде. Рулем этой мо-

дели управляет волчок-гироскоп, совсем как у настоящего судна. Не упущена ни одна деталь во внешнем облике ко-

рабля. Выдержаны все пропорции. Но только зенитные установки этого крейсера размером с кусок пиленого сахара, а вьюшка, на которую намотан буксирный трос, не больше трети обыкновенной ниточной катушки.

Нельзя не залюбоваться и другими самолетами. Например, «Антеем». Хотя он и не летает, но его авторы — Виктор Воробьев, Борис Скакунов и Сергей Пшеничный — получили за него первую премию. Кажется, что этот макет выполнен по настоящим чертежам. Концы его крыльев чуть загнуты книзу, придана характерная форма кабинам пилотов, хвостовому оперению, закрылкам рулей, иллюминаторам. Через стекло кабины видна приборная доска.

Рядом с «Антеем» кажется нескладной, неуклюжей полтораметровая модель «Ильи Муромца». Его деревянные рейки обтянуты парусиной, между крыльями громоздится целая паутина растяжек. Линии угловаты, топорны. Но именно таким и был подлинный «Илья Муромец», первый в истории авиации многомоторный самолет. В нем все исторически верно. А это говорит о том, что авторы модели основательно порылись в книгах и архивах.

Словно перед парадом выстроились самоходные пушки, вездеходы, бронетранспортеры. Кажется, прозвучит команда — и могучая техника ринется в бой. (Один танк с ракетной установкой изображен в журнале на цветной вклейке.)

В следующей гостиной нет эффектных моделей, а народу здесь почему-то всегда много и всегда идет оживленный разговор.

Здесь собраны настоящие инструменты, даже станки и точные приборы, которые ребята сделали для своих школьных мастерских и учебных классов.

На сложном универсальном станке (его авторы ученики 7-го, 8-го, 9-го классов школы № 50) можно сверлить, точить, пилить и полировать дерево! Такой станок ценен для каждой мастерской, и, наверное, он скоро появится в школах.

Среди приборов есть суровые экзаменаторы. Знаешь ли ты деление? Нажми кнопку вон того устройства, и оно проверит твои знания: на экране появится результат и отметка.

Школьники из калининского ДПШ позаботились о самых маленьких ребятishках и постарались облегчить труд их нянечек. Аппарат так и называется: «Электронная нянечка».

К каждой кроватке, где лежит малыш, подведены два провода. Как только пленка промокнет, по проводам побежит ток — и у дежурной «нянечки» на щите зажжется сигнальная лампочка.

Издали видны нарядные электрические часы-календарь (автор Володя Сидоров, 10-й класс, 55-я школа). Заводить их не надо. Каждые сутки они

сами меняют «листок» в календаре, сами проверяют себя по «Маяку» и настраиваются на московское время. Неудивительно, что, получив в Ленинграде высшую оценку — диплом I степени, они попали на ВДНХ. Тут и другая электронная техника: осциллографы — приборы, делающие ток видимым, милливольтметр (8-й класс, школа № 60).

Как видите, интересы юных техников разнообразны. Если вспомнить, что на выставке — только экспонаты-победители, а всего в смотре участвовало больше 105 000 человек, то нетрудно себе представить, как много в нашей стране ребят, уже сейчас увлеченных техникой.

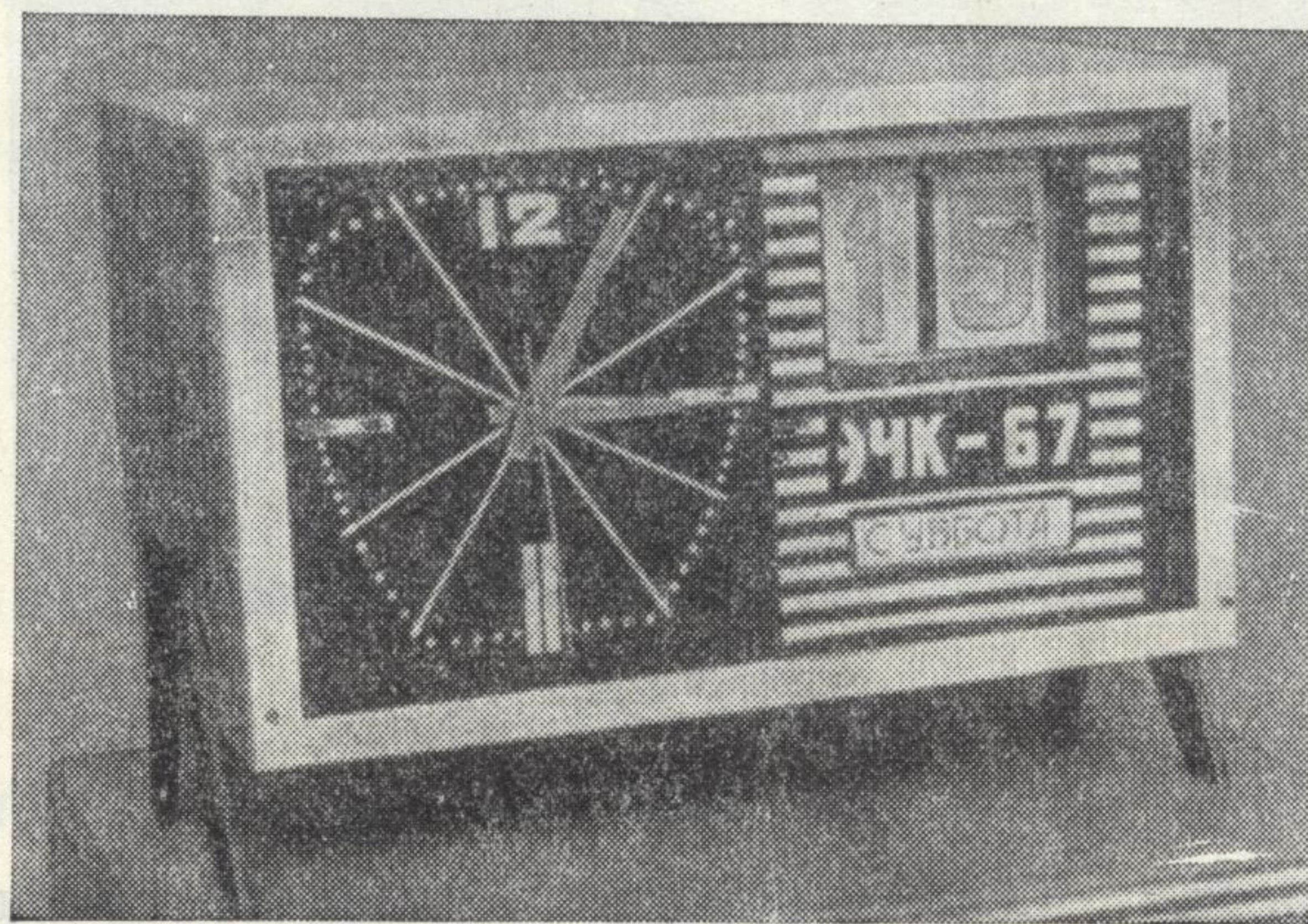
...Важно, что каждый автор выставленных во Дворце работ нашел для себя самое интересное занятие. А тем, кто еще в школе определил свой путь, не придется потом мучительно раздумывать, чем же заняться в жизни.

Некоторые воспитанники технических кружков работают уже над сложными и трудными конструкциями, их работой интересуются научные институты. В кружок радиоэлектроники Дворца пионеров пришло письмо из Электротехнического института связи имени Бонч-Бруевича:

«Считаем полезным привлечение старшеклассников, будущих инженеров, к работе по научно-исследовательским темам».

Ничего удивительного нет в том, что 600 авторов работ награждены дипломами и премиями, а двадцать пять работ с выставки отправлены на ВДНХ, в Москву.

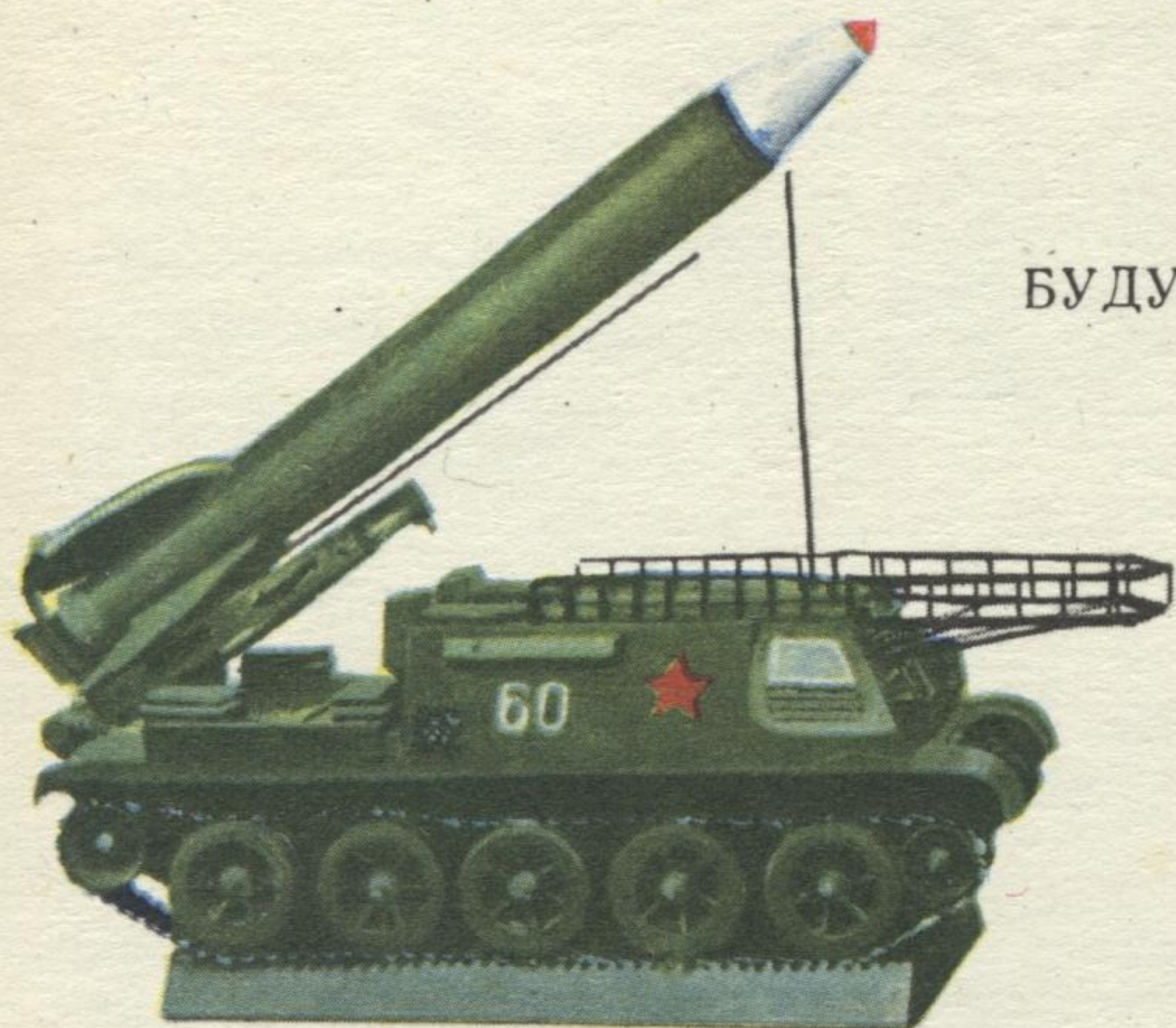
Новых вам успехов, ребята золотые руки! До встречи на следующей выставке.

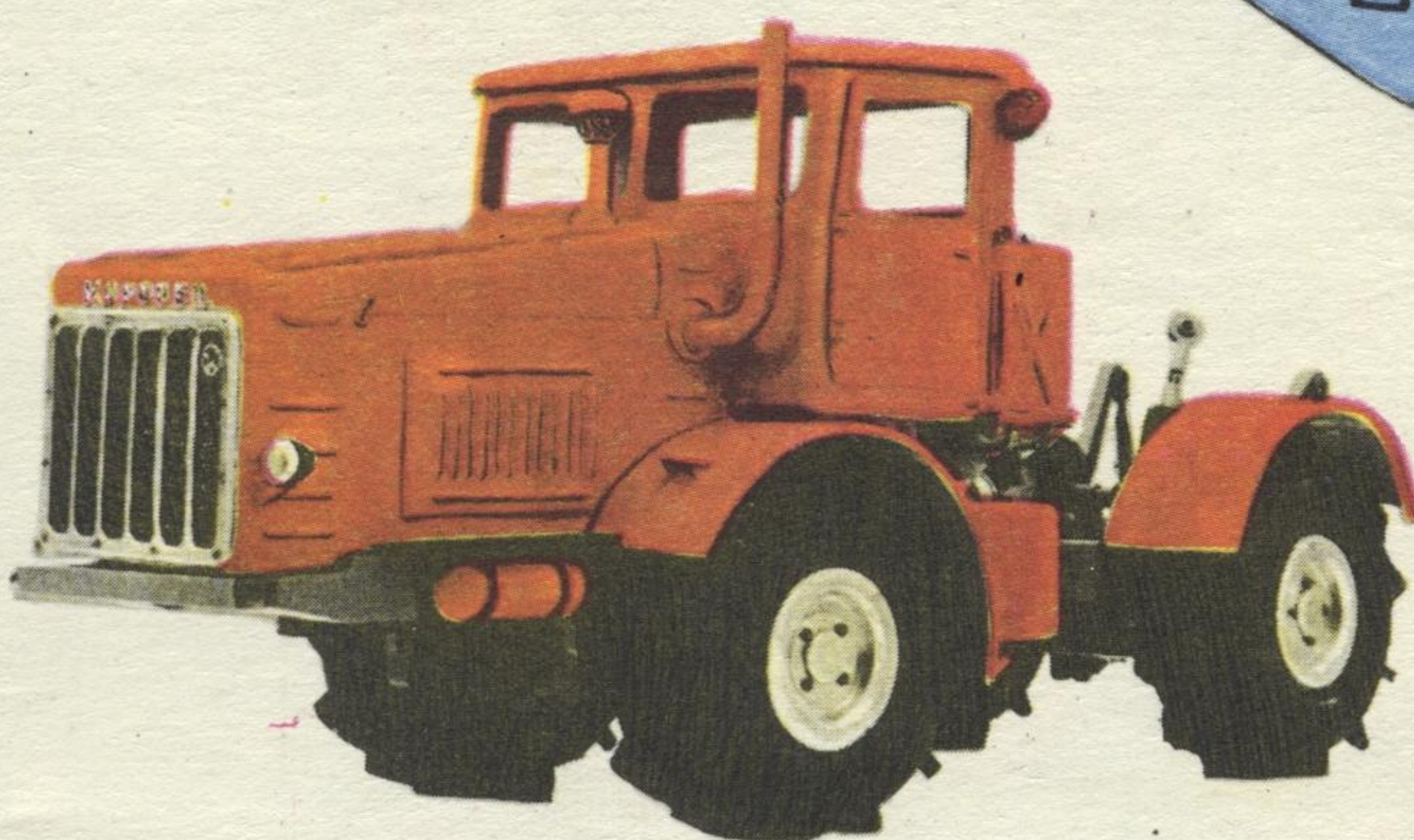
Электрические часы-календарь

БУДУЩИЙ САМОЛЕТ МАРКИ „ТУ-144“

ТАНК-РАКЕТОНОСЕЦ

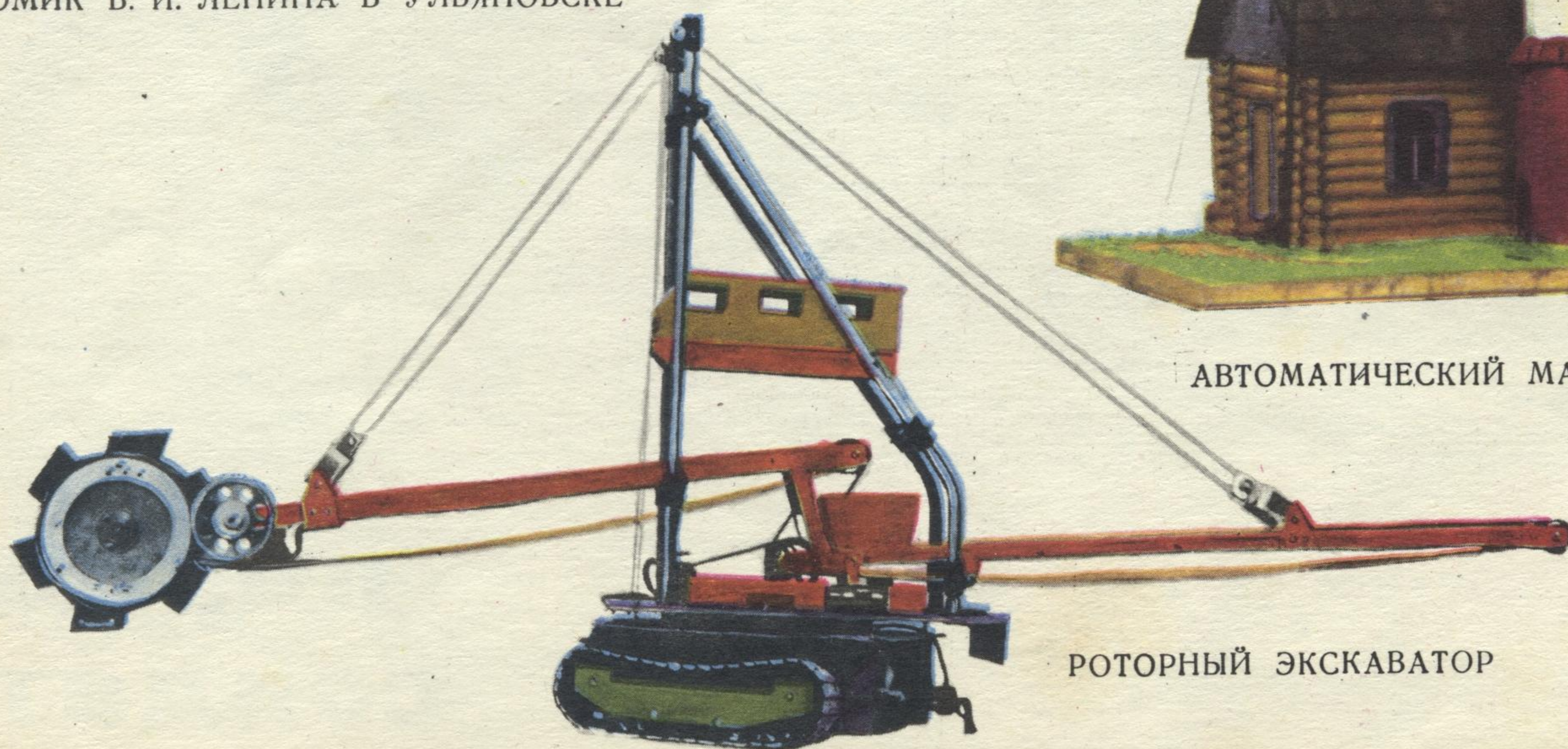
ТРАКТОР „КИРОВЕЦ“

ДОМИК В. И. ЛЕНИНА В УЛЬЯНОВСКЕ

АВТОМАТИЧЕСКИЙ МАЯК

РОТОРНЫЙ ЭКСКАВАТОР

**парад
солдат**

ПАРАД СОЛДАТ

Рисунок М. Беломлинского

Костя Теркин принимает парад. Церемониальным маршем идут солдаты. И, как обычно на парадах, по радио разносится:

— Строй возглавляет однофамилец принимающего парад. Вы, наверное, знаете, героем какой поэмы, какого автора он является?

— Солдат с большой, не по росту, саблей — герой сказки, что стала частью повести. Не помните ли, кто и кому рассказывает в повести эту сказку?

— А этот бравый солдат — герой романа чешского писателя. О писателе несколько лет назад была снята кинокартина. Как она называется?

— Неунывающий солдат из произведения датского сказочника бодро шагает в сопровождении двух веселых псов. Но одной собаки здесь не хватает. Какой же?

— Марширует воинственный гасконец. Кстати, в какой пьесе советского поэта герои называют друг друга его именем и именами его отважных друзей?

— А солдатами какой планеты являются эти мрачные чудовища? Из какого романа, какого английского фантаста они пришли?

— Не было лучшего стрелка из лука, чем капитан «зеленого войска». Как его зовут? Как называется лес, в котором пировал он с друзьями?

— А дальше марширует «экипаж машины боевой». Вспомните, в каком краю Советского Союза происходит действие песни, кто ее композитор?

Замыкает строй герой гениальной поэмы слепого грека. Он погиб лишь потому, что у него было одно уязвимое место. С тех пор его вспоминают, говоря об уязвимости чьей-нибудь позиции.

Надеемся, что, читая ваши ответы, мы об этом не вспомним.

В редакцию приходят письма от ребят, которые хотят стать актерами. Ребята спрашивают, что должен уметь актер, как и где на него выучиться.

Мы попросили ответить на эти письма режиссера Московского драматического театра имени Пушкина Ореста Яковлевича Ремеза.

Вместо ответа Орест Яковлевич принес в редакцию рукопись своей новой книжки.

— Тут кое-что как раз об этом самом говорится, — объяснил он.

Печатаем главу из книги.

Чтобы вам все было понятно: Буркин — это от его лица идет рассказ — случайно, без особого желания попал на занятие школьного драмкружка; Ксана — руководитель кружка, остальные одноклассники Буркина, кружковцы.

Итак,

РЕЦЕТИЦИЯ

...И стали мы учиться.

— Садитесь в круг.

Сели.

— А ну, давайте-ка послушаем, что у нас за окнами творится? Я хлопну в ладоши — вы слушайте. Хлопну второй раз — расскажете, что слышали.

У-у!

Угораздило, называется. Как будто не мог в шахматный пойти. Предлагали же в шахматный. Там бы я живо четвертый разряд получил. А здесь — слушай, что за окнами делается. Глянул я на ребят — даже жалко мне их стало. Стараются, слушают.

— Ну, Буркин, рассказывай, что слышал.

— А я ничего не слышал.

— Так. Не много. Кто добавит, ребята?

Конечно, Гуськов.

— Я добавлю, — сказал Гуськов, — машина проехала. Сначала затрещала издали, потом громче и громче стало слышно, а потом все тише, и растаял звук — как не было.

— Это уже поточнее. А еще что?

— Какая-то доска упала, по моему, — неуверенно сказал Ельцов.

— Никакая не доска, а ящик.

— Ничего не падало, — придумываете.

— А спорим, падало!

— Давайте еще раз послушаем, и повнимательнее.

Снова послушали.

Теперь никакой машины не было, а шуршала метла по тротуару, наверное, дворник улицу подметал. Потом вдалеке протяжно паровоз загудел.

— А шум поезда кто-нибудь слышал?

— Я слышала, — отозвалась Рита.

— И я тоже.

— Ну, а еще что?

Генка Воробьев слышал. еще чей-то голос на улице. Не понял только, видите ли, женский или мужской.

— Ну, хорошо. А теперь — что у нас в комнате слышно?

И опять Ксана хлопнула в ладоши, а когда еще раз хлопнула, все враз заговорили:

— Часы тикали.

— Гуськов слюну сглотнул.

— Кто-то ботинком стукнул.

— Не кто-то, а я.

— Муха пролетела.

— Никто не летал.

— А спорим, летала!

Тут Ксана снова хлопнула в ладоши.

— Послушаем, что в коридоре делается.

В коридоре как назло ничего не делалось. Тишина стояла в коридоре. Но вот чьи-то шаги послышались — тяжелые такие, размеренные. Наверное, нянечка наша, тетя Нюша, прошла. А потом пробежали двое к лестнице, девчонки, должно быть. И засмеялись там уже, на площадке.

— Скажи, Буркин, ты в этом помещении первый раз сегодня? — спрашивает Ксана.

— Почему первый? Мы уже полгода здесь занимаемся.

— Тогда скажи, только отвернись и не подглядывай, — сколько в этом классе электрических ламп?

Ну и вопрос! Сколько ламп... Сколько ламп... Но я не помнил, сколько ламп.

— А сколько парт в классе?

— Восемнадцать, — ответил я, хорошо подумав.

— Проверьте, ребята.

В классе стояла двадцать одна парта.

— Какой же, оказывается, ты невнимательный, Буркин. Ничего не замечаешь. А ну-ка, Ельцов, скажи, — в каком платье сегодня Ястребцова?

Ельцов хотел оглянуться, но Ксана не позволила.

— Да зачем же тебе смотреть? Ты ведь только десять минут назад с ней разговаривал. Так в каком платье?

— В зеленом.

Сам ты в зеленом! У Ястребцовой и нет зеленого платья. Она сегодня пришла на кружок в своем стареньком розовом. Я всегда почему-то замечаю, в каком платье Ястребцова приходит. Жалко, меня не спросили. Когда знаешь — ни за что не спросят!

— Ну, а какой значок у нее на платье?

— Значок... Значок... Сейчас скажу — отвечал Ельцов. — У нее бабочка такая, с крылышками.

Сам ты с крылышками! У нее на значке — ракета космическая.

— Правильно, Ельцов, — говорит Ксана, нарочно говорит, на пушку

ловит, чтоб окончательно сбился. — А галстук у нее есть пионерский?

— Нет галстука, — довольный, что угадал про бабочку, врет Ельцов.

— А какого цвета туфли у Ястребцовой?

— Серые.

— А глаза у нее?

— Карие.

— А волосы?

— Такие... рыжеватые.

— Ну-ка, теперь посмотри на Ястребцову.

Все посмотрели на Ястребцову. Волосы у нее были, как всегда, светлые, а не рыжеватые, глаза голубые, а не карие, а туфли — коричневые.

— Как же ты так, а? Ведь разговаривал с ней, смотрел на нее, а выходит — не видел. Бывает же такое!

Но тут еще и похуже выяснилось.

Ксана для чего-то отобрала у нас вещи, которые обычно лежат в карманах, — гребешки, карандаши, резинки, перышки разные. Положила все это к себе на стол. И говорит:

— Рита, отвернись.

Рита отвернулась.

— Ты гребенку отдавала?

— Гребенку.

— Скажи, сколько на ней зубьев?

Эта дуреха Рита ничего не знала про свою же собственную гребенку — ни сколько у нее зубьев, ни то, что она изгрызена, и даже какого цвета — толком не могла объяснить.

А Ельцов никак не мог рассказать про свои очки — как будто он их никогда в глаза не видел. Он, видите ли, не знал, что там есть металлические винтики! Хорошо еще, запомнил, что в очках два стеклышка, а не три!

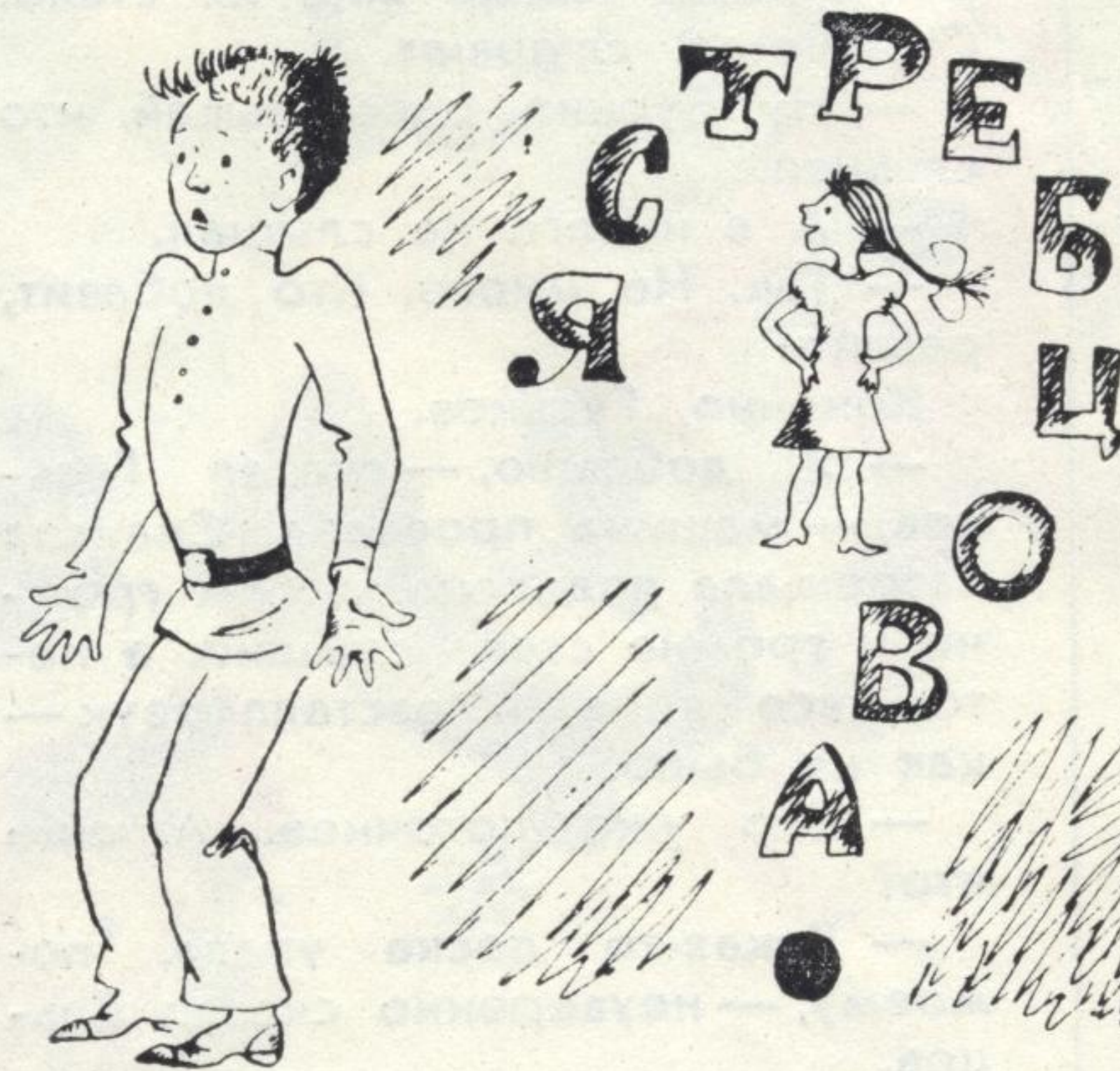
— Буркин! — вызвала меня Ксана. — Это твой карандаш лежит?

— А то чей же?

У меня красивый такой карандаш, с разноцветными прожилками. Мне его папа в позапрошлом году подарил.

— Ты свой карандаш небось хорошо знаешь? — говорит Ксана.

— Уж как-нибудь, — отвечаю.

— Отвернись тогда.

Отвернулся.

— Скажи, какая фабрика его изготовила?

— Ну, этого я не знаю. Я на этой фабрике не был. Мне папа карандаш в магазине покупал.

— Нет, я потому спрашиваю, что на карандаше написано — какая фабрика.

Опять, наверно, на пушку берет. Как Ельцова с крылышками Ястребцовой. Но я — не Ельцов. Меня не поймаешь.

— Нет уж, простите, ничего там у меня не написано.

— Ну, не написано так не написано. А какого цвета разводы на карандаше?

— Разного. Синего, желтого, розового, фиолетового...

— А еще?

— А еще... еще... еще... зеленоватого.

— Поворачивайся, Буркин. А вы, ребята, поглядите.

И Ксана пустила мой карандаш по рукам. Все глядели на мой карандаш и смеялись. Когда карандаш дошел до меня, я прочел на нем: «ф-ка им. Красина». Потом еще стояла звездочка. А после звездочки было написано большими буквами «Весна», потом опять была звездочка и номер — 912 М — 3М 56. И как это только на одном карандаше уместилось! Узоры были действительно разного цвета. Голубого, коричневого, красного, попадались даже черные прожилки. Не было только синего, желтого, розового и фиолетового. И зеленоватого тоже не было.

Тогда Ксана обратилась ко всему классу:

— Что же это получается? Скажите, ребята, что написано на доске, у входа в школу?

— Восемнадцатая школа.

— А еще?

— Восемнадцатая средняя школа.

— И все?

— Все, конечно.

— Кто вспомнит?

Помолчали.

— А какого цвета доска и какого — буквы на ней?

Цвета помнил только Жижин. Но и он не мог сказать, что там еще написано.

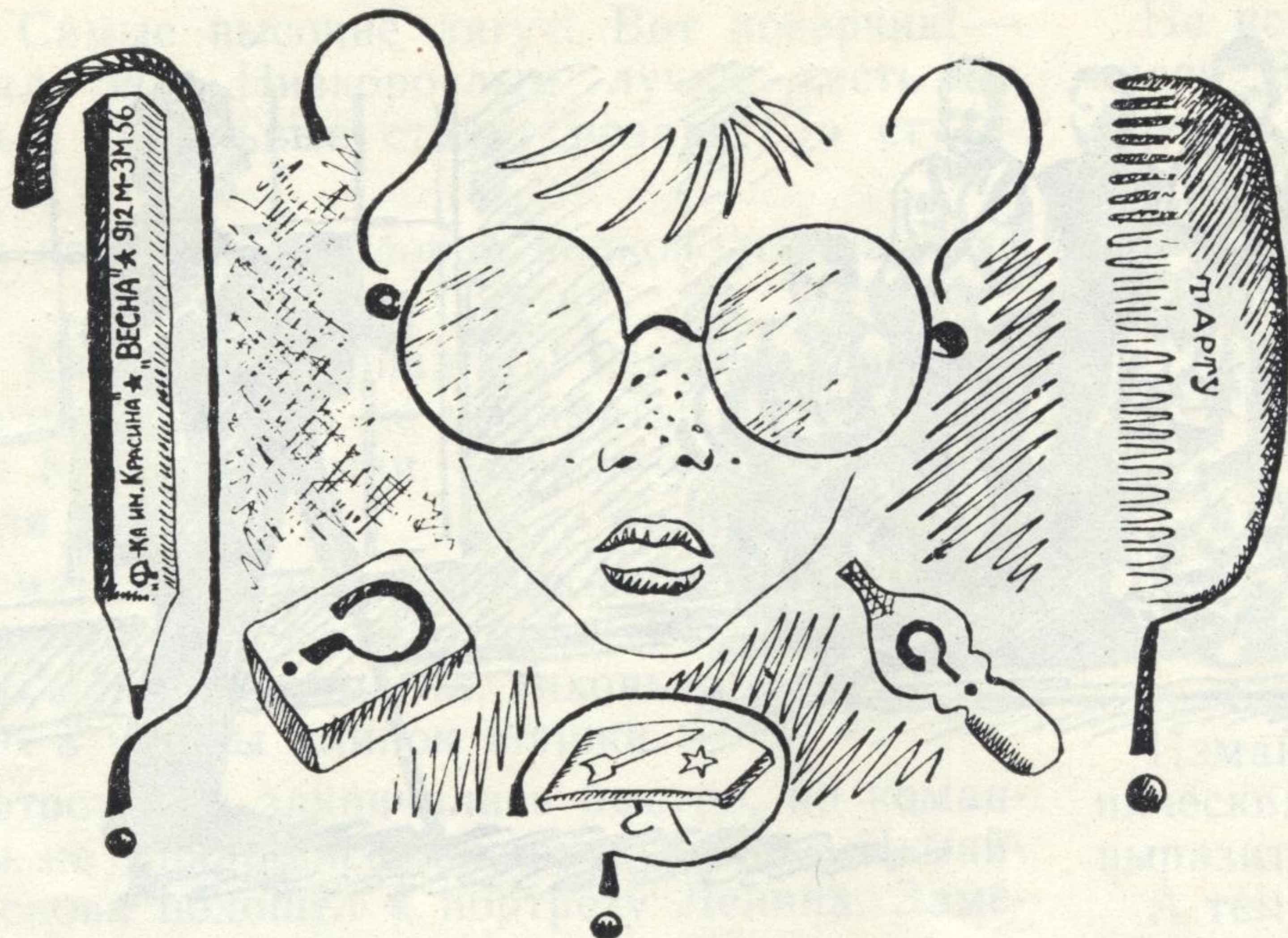
Много неожиданного выяснилось. А Ксана сказала:

— Обязательно надо упражнять свое внимание.

Это, конечно, неплохо. Внимание не повредит. Но какое это все, хотел бы я знать, имеет отношение к театру? И чем мы сюда заниматься пришли — каким-то вниманием или своими ролями?

Мы с Павликом вышли из школы. Черным по красному на дверях нашей школы было написано:

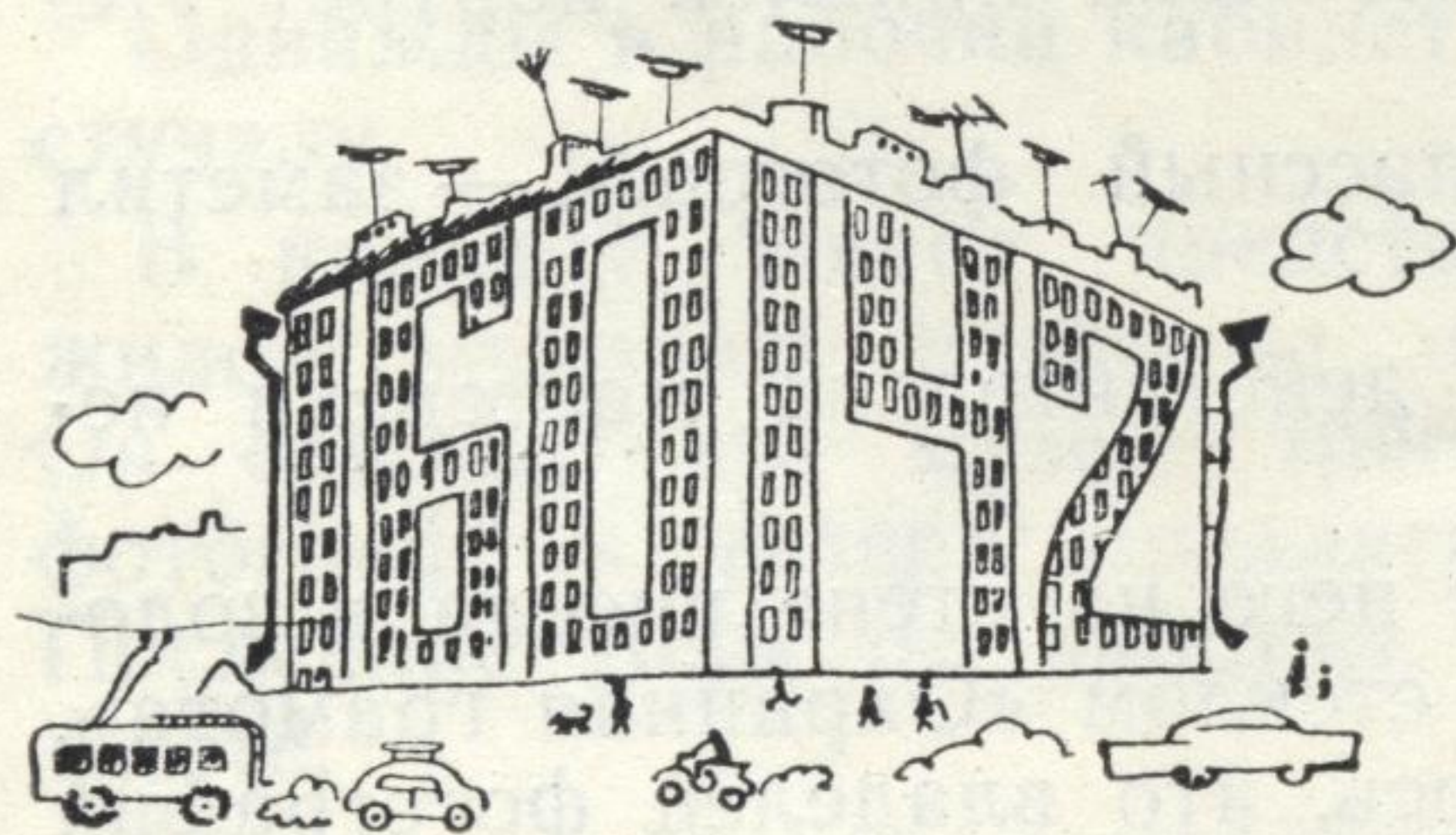

«Министерство просвещения РСФСР. 18-ая средняя школа Прибрежного района».

Мы дошли до угла Овсяного ряда, а дальше я пошел один.

Наша улица оказалась довольно веселой, а я и не знал этого. Хотя и ходил по ней каждый день.

Серый угловой дом с большим гастрономом внизу был облеплен снегом, как ватой. Стекла магазина пе-

реливались под лучами солнца, неизвестно откуда ворвавшегося.

А сколько веселых домов стояло по обеим сторонам улицы! Раньше я считал, что все они одинаковые. Теперь выяснилось, что нет. Почти все пятиэтажные, они были разными. У дома номер двенадцать — желтые балконы, у номера десять — голубые, у дома номер пять — балконов не было вовсе, но зато под каждым окном проведена коричневая полоска. Отличная коричневая полоска! Дом номер семь был выложен плитками и состоял из красных квадратов, обведенных черными рамками. Номер шесть был высокий и кирпичный. И балконы на нем — не сплошные, а из металлических прутьев зеленого цвета. Он был выше всех — дом номер шесть. Я сосчитал его окна — их было сто шестьдесят с одной стороны и сто сорок два с другой. Славный дом!

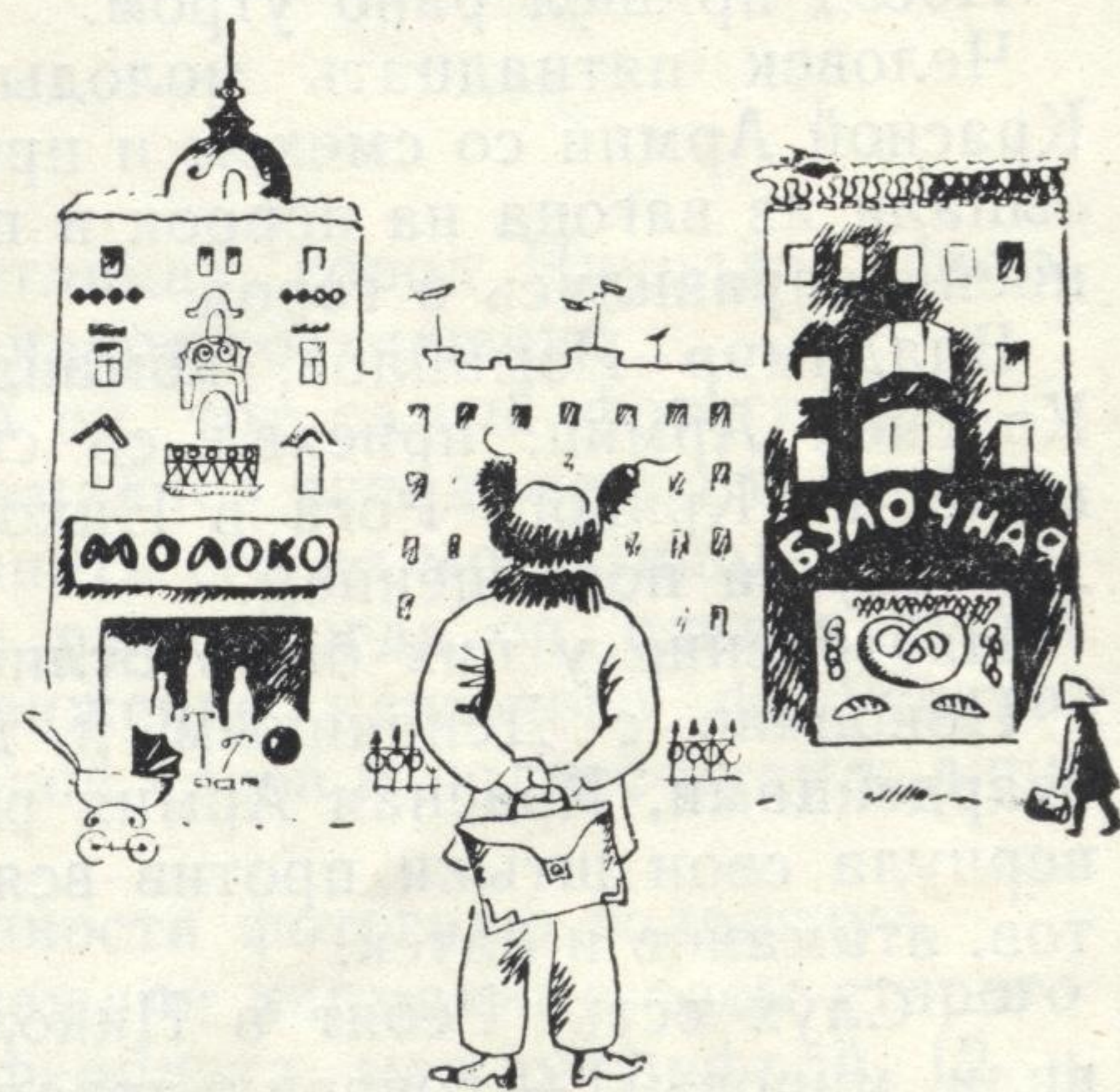
А какие люди попадались мне навстречу! Все сплошь разноцветные.

Вот мальчишка — на нем синее-синее пальто и белая-белая лыжная шапка. А ботинки — ярко-рыжие. И он держал под мышкой портфель зеленого цвета. Не мальчик — попугай в зоопарке. Остальные были одеты не так разноцветно, но тоже глаза разбегались.

Как же я раньше ничего вокруг себя не замечал?

Разве я знал, например, что вывеска над магазином «Молоко» — желтого цвета, а буквы на ней — синие. А что над булочной и не вывеска висит, а прямо — восемь золотых букв — «Булочная». Или что снег на улице — не белый, в чем я был еще вчера твердо уверен, а самых разных оттенков! Или что наш дом, тот самый, где я живу, не сплошь голубой, как я думал раньше, а из голубых пупырышков!

Я поднимался по лестнице. Сколько ступенек до нашей квартиры? Неужели я и этого не знаю? Я принялся пересчитывать ступеньки. Одна, вторая, третья, десятая, шестнадцатая...

В отрывке, который вы только что прочли, никто ничего не репетировал. Не было даже и разговора о пьесе и о ролях.

В чем же дело? Может быть, название главы неправильное?

Нет, правильное.

Работа актера начинается задолго до выхода на сцену. Артист должен до мельчайших подробностей представить себе внешность, поведение, привычки человека, которого ему предстоит сыграть. И не только представить себе, а вжиться в них, сделать их как бы своими собственными.

Конечно, ему помогает текст пьесы. Но в тексте не все сказано, и не может быть сказано. Основной материал для рисунка роли актер берет из собственного опыта, из жизни.

Как люди садятся? Как встают? Как ходят — молодые, старые, усталые, бодрые? Как взбегают по лестнице ученик, получивший пятерку, а как — двойку? Как нести поднос с чаем? Как отдавать честь? Как по-мушкетерски расшаркиваться? А как по-лакейски?

Все это должен знать актер. И поэтому ему нужно быть очень наблюдательным, все вокруг видеть и все запоминать.

Впрочем, это нужно не только актеру. Когда человек умеет замечать то, что обычно ускользает от взгляда, окружающий его мир становится многограннее и богаче.

Подробнее об этом и о том, что случилось с Димой Буркиным в кружке, вы узнаете из книги О. Ремеза «Мой друг театр». Книга выходит в издательстве «Советская Россия».

Рисунки И. Казаковой

ОБРЫВОК ГАЗЕТЫ

РАССКАЗ

В. Грусланов, М. Лободин

Рисунок А. Кора

Поезд пришел рано утром.

Человек пятнадцать молодых командиров Красной Армии со смехом и прибаутками высыпали из вагона на перрон и шумной компанией направились в город.

Владимир Измайлов, командир эскадрона Красной Армии, приехал со своими товарищами из Кривого Рога в Николаев в командировку за пополнением.

Настроение у них было отличное.

Покончив с Деникиным и другими белогвардейцами, Красная Армия решительно повернула свои штыки против всяческих бандитов, атаманов и батек.

— Слух есть! Ребят в Николаеве подготовили мировых! — говорил товарищам Измайлов по дороге к военному комиссариату, куда направлялись командиры. — Судоверфи дали сто человек! Столько же порт!

Так за разговорами очутились они у здания городского театра. Поблизости увидели фотографию.

— Какое роскошное заведение! — пошутил бойкий на язык командир.

— Зайдем, товарищи? — предложил Измайлов. — Сфотографируемся на память о Николаеве. Время есть. До комиссариата — рукой подать.

На крыльцо дома вышла женщина и пригласила командиров пройти в ателье.

— Слышь? В ателье! — многозначительно толкнул Измайлова Вася — смешливый паренек с двумя кубиками в петлицах.

Оправляя гимнастерки, командиры поднялись за женщиной во второй этаж дома. Здесь

они расселись за двумя круглыми столиками и принялись рассматривать альбомы с фотографиями.

Измайлов с Васей ходили по ателье, разглядывая на стенах увеличенные до очень больших размеров фотографии.

Внимание Измайлова привлек портрет Ленина.

— Видать классный фотограф! — заметил Вася.

Портрет был действительно мастерски исполнен.

Чуть левее от него на стене висела в золоченой раме под стеклом «Охранная грамота». В ней сообщалось, что владелец фотографии гражданин Кофф является крупным специалистом-фотографом, что с первых дней установления Советской власти он производил фотосъемки важнейших политических событий в стране. За исключительно добросовестное, лояльное отношение к мероприятиям Советского правительства принадлежащее гражданину Коффу фотоателье, лаборатория, запасы негативной пластинки и химикалиев не подлежат реквизиции и отчуждению.

Но не это заинтересовало Измайлова. Он смотрел на подписи под охранной грамотой.

Там стояли приковавшие его взгляд фамилии Ленина и Бонч-Бруевича. Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР и Управляющего делами Совнаркома.

В этот момент появился фотограф и пригласил всех в соседнюю, завешенную сукном комнату.

— Самые высокие лягут! Вот коверчик! — сказал он. — Низкорослым лучше сесть на стулья. Остальные станут позади! За стульями!

Он командовал словно полководец на поле боя:

— Клинков не обнажать! Револьверов и пистолетов из кобур не вынимать! Вы — командиры Красной Армии. Оружие у вас для боя, не для забавы!

Командиры, ощупывая на себе шашки и кобуры пистолетов, вздохнули. Вася, стараясь, чтобы никто не заметил, тихонько вдвигал обратно в ножны клинок шашки.

Фотосъемка закончилась быстро, но командиры не торопились покинуть ателье. Измайлов снова подошел к портрету Ленина. Заметив это, фотограф спросил:

— Нравится?

— Очень! — ответил Измайлов.

Фотограф объяснил, что может сделать портрет любого человека и во весь рост и маленький, с ноготок.

* * *

Прошло пятнадцать лет.

Измайлов работал в Ленинграде в филиале музея В. И. Ленина.

Однажды в рабочий кабинет Измайлова постучали.

В комнату вошел представительный, пожилой мужчина в форме офицера флота. Он слышал, что музею требуется опытный фотограф, и теперь предлагал свои услуги. Последние годы он работал фотографом во флоте.

Офицер раскрыл портфель и показал несколько исполненных им фотографий.

Затем он вынул из внутреннего кармана кителя кожаный бумажник и извлек из него какие-то бумаги. Среди них Измайлов заметил вырезку из газеты.

Обрывок газеты был старым, пожелтевшим от времени. «Красный Николаев», — прочитал Измайлов сверху.

Измайлов сразу вспомнил группу молодых красных командиров, вспомнил Васю с двумя

* * *

Теперь остается только добавить, что вся история, о которой вы только что прочли, не выдумана — часы с крошечной фотографией Ленина, как память о грозном времени, до сих

Не искушенный в фотоделе Измайлов удивился. Вытащив из кармана галифе часы, он спросил, в силах ли тот сделать портрет Владимира Ильича такого размера, чтобы поместить его на циферблате между цифрой 12 и осью стрелки.

— Конечно! С большим удовольствием! — ответил фотограф с профессиональной гордостью.

На следующий день командиры зашли в фотоателье за снимками.

Фотограф показал Измайлову портрет Ленина.

— Какой крохотный! Как это вы...

Измайлов растерянно глядел на микроскопический портрет и не находил слов, чтобы выразить свое восхищение.

А тем временем фотограф взял у него часы, ловко приподнял выпуклое стекло, затем примерил миниатюрное фото, аккуратно обрезал края и, мазнув с обратной стороны клеем, укрепил на циферблате.

— Это вам на память! — сказал он на прощанье.

кубиками в петлицах, город Николаев, фотоателье, свое наивное восхищение...

Неужели это он, тот самый фотограф?

Волнуясь, Измайлов вглядывался в лицо посетителя, но узнать его не мог. Видел-то человека всего два раза. Тогда он, сделав рукой неуловимое движение завязанного фокусника, щелкнул крышкой часов и поднес руку к лицу фотографа.

От неожиданности фотограф вздрогнул.

На ладони лежали карманные часы старого фасона. С циферблата между цифрой 12 и осью стрелки глядела на фотографа фотоминиатюра Ленина.

Фотограф вскочил со стула.

— Откуда она у вас?

— Узнаете?

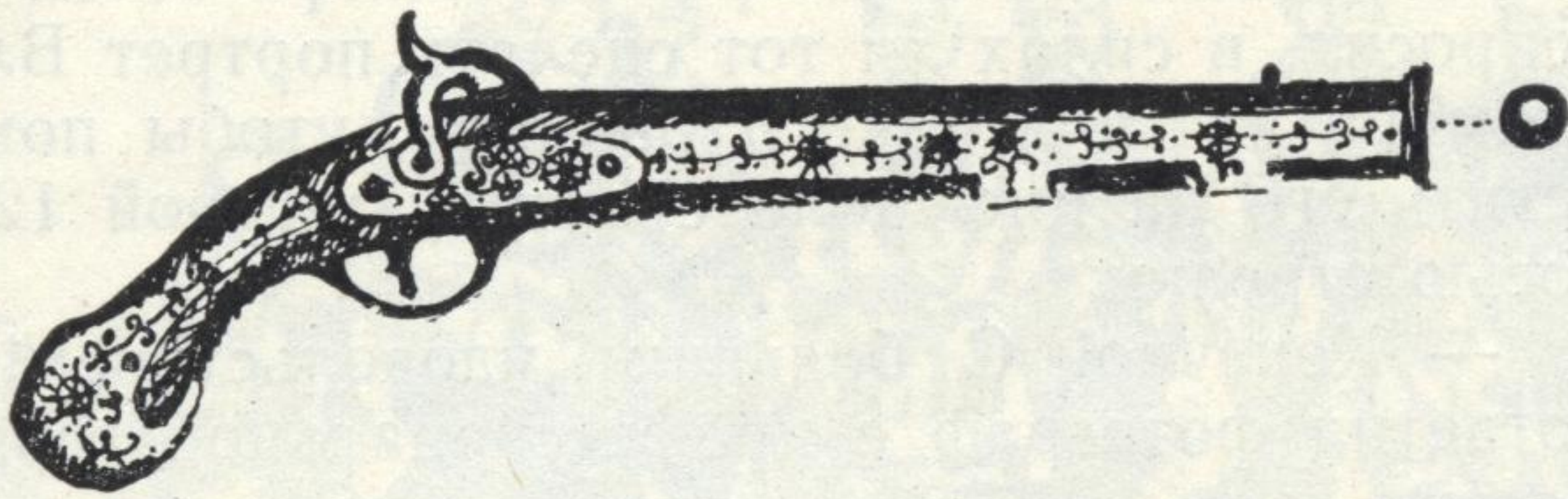
— Так это вы, в мае тысяча девятьсот двадцатого?.. В Николаеве?..

— Ну, конечно...

— Вот это сюрприз! — проговорил дрожащим от волнения голосом фотограф и крепко пожал руку Измайлова.

* * *

пор хранятся у одного из авторов рассказа Владимира Николаевича Грусланова — бывшего командира красного кавалерийского эскадрона.

Выстрел спустя века

В маленьком итальянском городе рабочий ремонтировал мостовую. Кирка ударилась об асфальт, и раздался выстрел... из-под земли. Рабочего ранило в руку. В глубине земли лежал заряженный еще в XVII веке пистолет.

Царство ветров

Полярные области — царство ветров. В пургу скорость ветра достигает 30 м в секунду. Человек, который движется против ветра такой силы, ис-

пытывает давление, превышающее половину его собственного веса.

Рысь за шкафом

В таежном поселке недалеко от города Кемерово заблудилась рысь. Ребятишки, игравшие в парке, заметили, как рысь прыгала с березы на землю, и позвали на помощь взрослых. Началась погоня за хищником. Рысь забежала в дом, спряталась за шкафом, но ее поймали, набросив на нее одеяло.

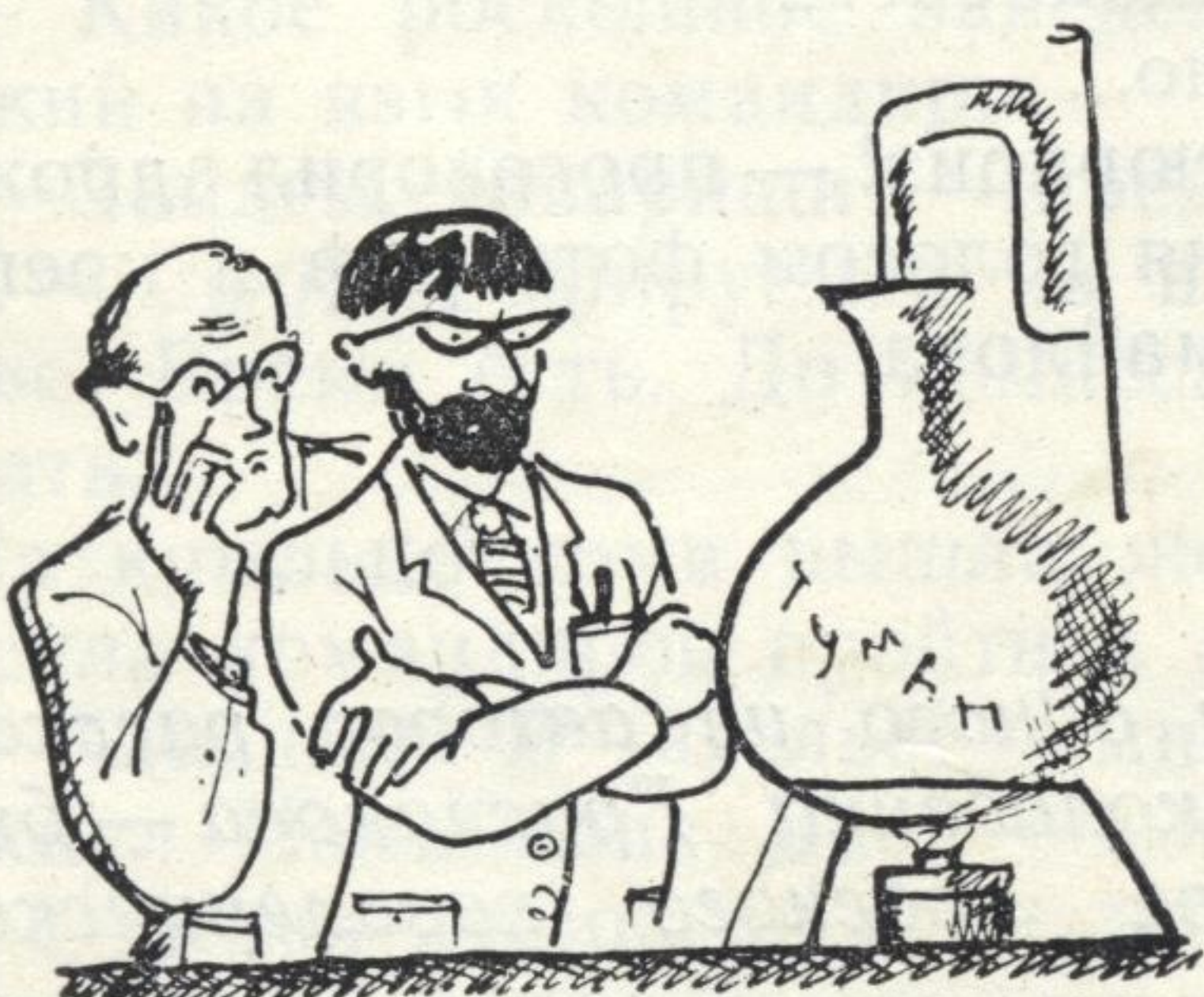

Любопытный кит

Однажды вблизи поселка Мирный в Антарктике затрещал прибрежный лед. Из воды высунул голову огромный кит. Видимо, его заинтересовало,

что тут делают люди. Пока кит смотрел в сторону научной советской обсерватории, полярники сфотографировали его и привезли снимок в Ленинград.

Туман по заказу

Увидеть туман «по заказу», даже заблудиться в его сырой мгле можно... в Московской области. В башне, высотой с пятиэтажный дом, туман «изготавливают» сотрудники института прикладной физики. Искусственный туман нужен, чтобы научиться бороться с настоящим туманом, рассеивать его. Ведь это очень важно для хозяйства страны.

Урожай винограда зависит в некоторой степени от удачного промысла китобоев.

Все дело в том, что особо обильный урожай винограда получают после того, как виноградники обработают особым препаратом — гибберелином. В его состав входят микроорганизмы, для успешного роста которых необходим жир кашалотов. Так гиганты океана помогают вырастить богатый урожай винограда.

Забесный ТОРТ

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Джанни Рэдари

Рисунки Г. Ковенчука

— Это вызов! — загремел профессор Теренцио.

— Совершенно справедливо! — ответил профессор Росси, в свою очередь побледнев от страха. — Сейчас мы отломим два кусочка злополучного шоколада и съедем их. Вот тогда и увидим, космический это шоколад или земной.

Легкое волнение пробежало среди собравшихся.

— Синьоры, — попытался успокоить их генерал, — вам не кажется, что это несколько неосторожно? Я не могу допустить, чтобы такие выдающиеся ученые, как вы, жертвовали жизнью из-за...

— Но мне бросили вызов! — гордо воскликнул профессор Теренцио.

— Моя дочь, — поспешил вмешаться синьор Мелетти, — говорит, что съела полкило этого шоколада, что он отличного качества и усваивается без всяких последствий...

— Хватит разговаривать! — заявил профессор Росси. — Пора переходить к делу. Начнем эксперимент.

Мрачное молчание наступило вслед за этим призывом. Сдерживая дыхание, присутствующие наблюдали, как оба ученых, бледные, как покойники, уставившись друг другу в глаза, приготовились съесть два крохотных кусочка таинственного вещества.

— Генерал, — сказал профессор Росси, торжественно чеканя слова, — внимательно наблюдайте за всем, что произойдет сейчас. Быть может, от нашего опыта зависит спасение всего человечества. Присутствие на нашей планете космических захватчиков, на мой взгляд,

Продолжение. См. «Костер» № 8, 1967 г.

опасность гораздо большая, чем взрыв атомной бомбы. Прекрасно понимая все это, находясь в полном здравии и рассудке, сознавая, что...

Одним словом, профессор Росси произнес неплохую речь. Он тянул ее так долго, что присутствующие уже стали перешептываться:

— Когда же он съест, наконец, этот шоколад?!

Затем наступила очередь произнести речь профессору Теренцио. Он долго говорил о Солнечной системе и о космосе, упомянул Данте, Галилея, Коперника и Ньютона, указал, между делом, на разницу, которая отличает человека пещерной эпохи от профессора Эйнштейна, словом, сказал достопамятные вещи, которые старательно записывались на магнитофонную ленту, дабы увековечить каждое слово.

И снова все стали спрашивать друг друга:

— Съедят они, наконец, этот шоколад или не съедят?

Вероятно, ученые ожидали, что генерал тоже произнесет довольно длинную речь, но генерал молчал.

Ученые, глядя друг на друга в упор, словно фехтовальщики в решающий момент смертной дуэли, поднесли ко рту кусочки шоколада и с героической самоотверженностью положили их на кончик языка.

Ученые закрыли рот.

Пожевали.

Проглотили.

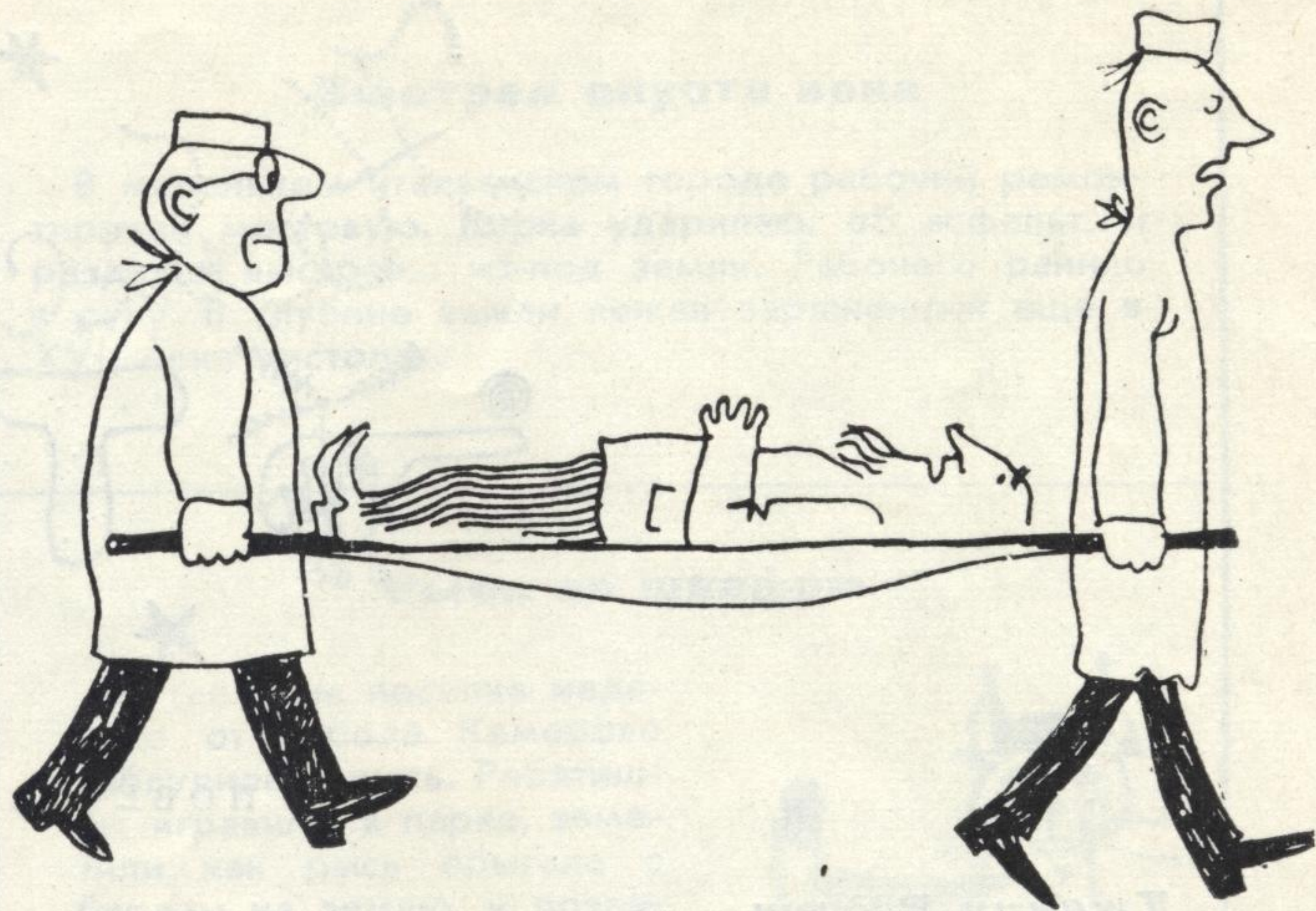
Застыли, как памятники в городском парке. Вскоре гримаса исказила лицо профессора Росси. Точно такая же гримаса, словно в зеркале, отразилась на лице профессора Теренцио.

— Невкусно? — спросил синьор Мелетти, нисколько не ощущая торжественности момента.

Все возмущенно шикнули на него.

— Мужлан! — проворчал генерал. Затем, обратившись к ученым, сказал:

— Так что же, синьоры? Мы ждем.

— Я чувствую, — забормотал профессор Росси, — некоторое удушье..

— А я уже совсем задыхаюсь, — прошептал профессор Теренцио.

— Может быть... может, этот шоколад... — начал профессор Руссо.

— Отравлен! — закончил профессор Теренцио.

— Живо! — приказал генерал. — Вызвать скорую помощь! Необходимо срочно отправить их в ближайшую больницу!

— Караул! — закричал синьор Мелетти. — Рита! Моя Ритучча! Паоло! Их тоже надо отправить в больницу! Быстрее, ради бога, быстрее!

Профессор Росси и профессор Теренцио теперь уже просто корчились, словно от ужасных болей, разрывали на себе воротники, дрожащими руками цеплялись за генерала, полковника и даже за синьора Мелетти.

— Вот, — крикнул кто-то, — вот что получается, когда боятся пустить в ход пушки!

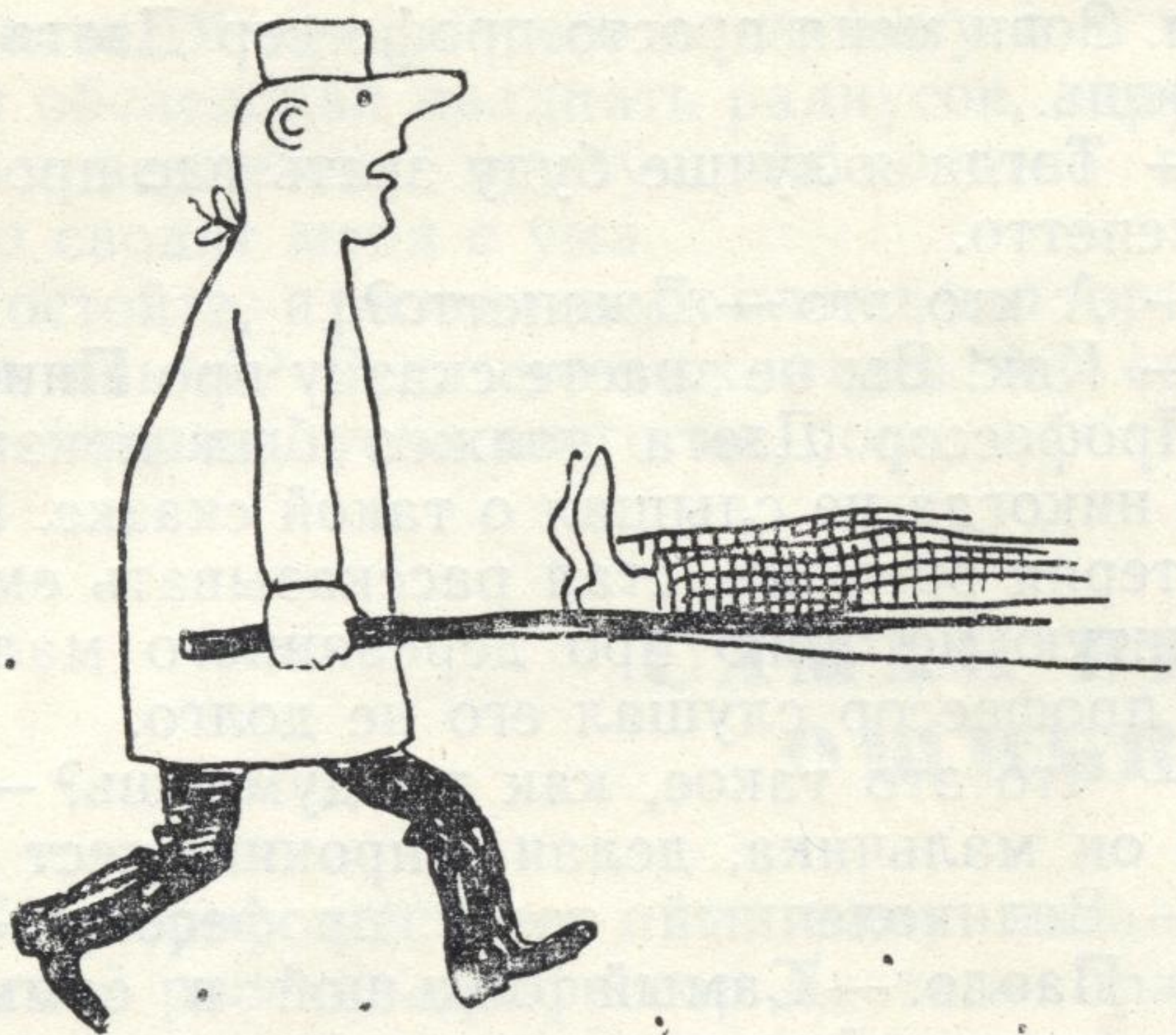
Но переполох был так велик, что нельзя было определить точно, кто был автором этой исторической фразы.

ПРОФЕССОР ДЗЕТА

Пока машины скорой помощи под оглушительный вой сирен везли в больницу ученых, стонущих от боли, пока они везли туда же Риту, которая, наоборот, отказывалась ехать, потому что чувствовала себя превосходно, Паоло, скрываясь от неприятностей, очутился в поле. Но оказалось, что слоняться без дела ужасно скучно. Чтобы убить время, он при-

нялся охотиться за ящерицами. Прежде, когда он убегал с уроков, это занятие казалось ему необыкновенно увлекательным, а теперь и оно было невыносимо нудным. Поесть ему дома не удалось, но, по правде говоря, после вчерашнего пиршества он пока не нуждался в еде и мог гулять еще сколько угодно.

Услышав вдали вой сирен, он решил, что

время уже позднее и машинально повернул к Трулло. Из головы у него не выходила вчерашняя история с тортом.

«Мы зря поспешили и убежали, — говорил он себе, — этот таинственный синьор Джепетто, или как его там звать, был совсем не страшный. И вовсе не похож на марсианина. Я могу поклясться, что он улыбался!»

Паоло шел по улицам Трулло, слегка волнуясь оттого, что его, наверное, уже разыскивают. Вдруг его окликнул школьный приятель:

— Паоло, что это тебя не видно? Ты что, болел?

— Да, — ответил он и торопливо добавил: — но я уже поправился.

А про себя подумал: «Значит, никто ничего не знает! Самое главное — не встретить отца». Вскоре он оказался в расположении пожарной команды, как раз в том месте, где вчера дважды переходил «границу».

«Где два, там и три! — решил мальчик. — Но на этот раз будет гораздо труднее».

Торт на вершине холма не подавал никаких признаков жизни. Какой-то пожарник в ответ на вопрос Паоло сказал, что, по его мнению, приказ начать наступление на космический корабль может быть получен с минуты на минуту.

— Раньше, разумеется, прозвучит сигнал тревоги, — добавил он, — и все гражданское население должно будет скрыться.

— Хотите устроить марсианам небольшой душ? — мрачно спросил Паоло.

— Душ я устрою тебе, если ты не отвалишь отсюда! — пригрозил пожарник.

Но тут с радостным лаем неизвестно откуда примчался пес семейства Мелетти.

— Дзорро! — воскликнул Паоло, лаская собаку. — Куда ты подевался, бродяга?

Дзорро завилял хвостом.

— Хочешь снова туда, да? — шепнул Пао-

ло, почесывая пса за ухом. — Подожди, сейчас что-нибудь придумаем.

Он увидел камень, лежавший на земле так, будто кто-то специально положил его. И у него мелькнула счастливая мысль. Паоло поднял камень, подождал, пока пожарник отвернулся, и со всей силы бросил камень в сторону холма. Думая, что с ним играют, Дзорро по привычке бросился за камнем, чтобы принести его хозяину. Как только собака быстро пронеслась за ограждение, Паоло стремглав бросился вслед за нею, крича:

— На помощь! На помощь! Моя собака! Я не хочу, чтобы ее забрали марсиане! Арго! Арго!

— Вернись! Сейчас же вернись назад! — закричали пожарники. — Вернись, назад, дурак! Стоит ли рисковать жизнью из-за собаки? Нет, вы посмотрите, этот малый сошел с ума! Вернись сейчас же!

Но Паоло, казалось, совсем оглох. Дзорро с камнем в зубах подождал мальчика, а потом побежал вместе с ним, залиvisto лая, будто понял, что ему надо делать в этой игре.

— Мальчик, вернись! Там опасно! — кричали пожарники. Их крики уже собрали небольшую толпу.

— Да это же сын синьора Мелетти! Смотрите, а там кто-то есть!

— Марсианин! Марсианин!

— Он похитил Паоло, смотрите! Он унес его к себе на корабль!

Паоло подбежал к тарту и успел только увидеть, как блеснули очки таинственного синьора Джепетто у входа в галерею, которую они с Ритой прорыли в торте. От страха у него на мгновение душа ушла в пятки. «Нет, я узнаю, кто он такой! Не зря же я сюда бежал, узнаю во что бы то ни стало!» — подумал мальчик с отчаянной решимостью.

Однако таинственный незнакомец все решил прежде, чем Паоло успел что-нибудь предпринять: старик схватил мальчика за куртку и мгновенно втянул его внутрь, отбрыкиваясь от собаки, которая вцепилась ему в ногу.

— Квик, кверекек, переброк! — услышал Паоло.

— На место, Дзорро! Сидеть! — приказал Паоло. Сердце подсказывало ему, что этому человеку можно довериться.

— Сидеть, сидеть... — повторил синьор Джепетто ворчливо. — Но это же сказано по-итальянски! Значит, мы в Италии?! Успокой собаку, мальчик, и говори, не бойся.

— Сидеть, Дзорро! Смирно! Да, синьор, мы в Италии. В Риме.

— В Риме! — воскликнул Джепетто. — Кто бы мог подумать! Благословение неба!

— А что, вы ошиблись адресом? — спросил Паоло?

— Адресом?

— Я хотел спросить, может быть, торт должен был приземлиться в каком-нибудь другом городе?

— Я вижу, ты принял меня за кондитера?! Нет, мой мальчик, я не кондитер, я просто великий путаник.

— Вы прекрасно говорите по-итальянски.

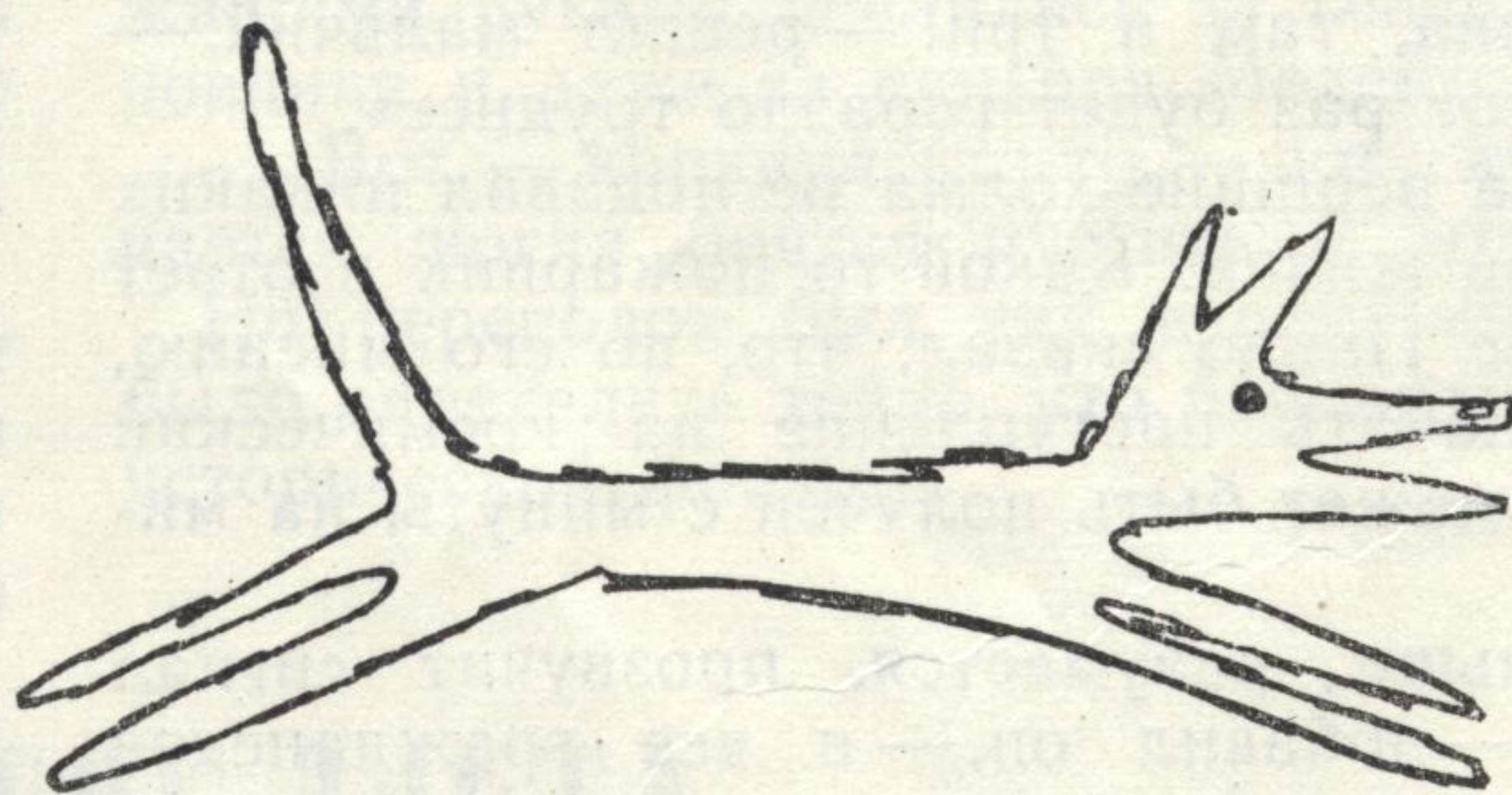
— Я говорю еще на дюжине других языков так же хорошо, как на своем родном.

— То есть на марсианском? — рискнул спросить Паоло.

— На марсианском? — удивился Джепетто. — А! Понимаю! Теперь мне ясно, почему тут собралось столько военных: пушки, ракеты... Да, да! Иначе и быть не могло! Конечно, марсиане! Поднялась тревога. Решили, что это космический корабль... Нашествие с другой планеты... Боже мой, это же моя погибель! Я конченный человек!

В полном отчаянии он забыл про Паоло, а тот, освоившись, уселся на огромную сахаренную вишню, которую Дзорро давно уже усердно облизывал.

— Меня зовут Паоло, — сказал мальчик, — а сестру — Рита. Вчера вечером она была здесь со мной. А сейчас я не знаю, куда ее увезли.

— Паоло, — сказал синьор Джепетто, — извини, пожалуйста, что я не представился, но я не могу этого сделать. Мое имя — государственная тайна.

— А какого государства?

— И это тайна. Не спрашивай меня больше ни о чем, все равно я не могу тебе ответить. Знаешь, я, кажется, даже забыл, как меня зовут на самом деле, такое секретное у меня

имя. Зови меня просто профессор Дзета¹, если хочешь.

— Тогда я лучше буду звать вас профессор Джепетто.

— А кто это — Джепетто?

— Как! Вы не знаете сказку про Пиноккио? Профессор Дзета должен был признаться, что никогда не слышал о такой сказке. Паоло, не теряя времени, стал рассказывать ему знаменитую историю про деревянного мальчика. Но профессор слушал его не долго.

— Что это такое, как ты думаешь? — спросил он мальчика, делая широкий жест рукой.

— Великолепный торт, профессор! — ответил Паоло. — Самый большой и самый необыкновенный из всех, какие я когда-либо видел! Торт летающий, самый большой из всех летающих предметов, которые когда-либо плавали в воздушном океане.

— Торт! А я думал, что сошел с ума, когда разобрал, что это такое. Я считал, что у меня галлюцинации: шоколадные, кремовые, фисташковые... К сожалению, это действительность, грустная действительность! Торт, не что иное, как глупый, банальный торт!

— Глупый? Банальный? Грустная действительность? Что вы говорите, профессор?

— Тебе этого не понять.

— Простите, но в шоколаде я отлично разбираюсь, и могу вас уверить, что он высшего сорта.

— Это верно. Он даже не радиоактивный.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть счетчик. Там, в моем гроте. Счетчик Гейгера. Знаешь, что это такое?

— Прибор для измерения радиоактивности.

— Совершенно верно. Во всем этом гигантском и глупейшем торте нет ни капли радио-

¹ Дзета (Z) — последняя буква итальянского алфавита.

активности. Я прорыл его в глубину и в ширину, я обследовал двадцать радиусов, окружность, поверхность, массу... Абсолютно все! Вот что сводит меня с ума.

— Пойдите, а разве так уж плохо, что торт не радиоактивный? Ведь его можно спокойно есть!

— Повторяю, тебе этого не понять.

— Тогда объясните мне, в чем же дело.

— Объясню все, что смогу. Некоторые детали, понятно, я тебе не открою, — это военная тайна. Ну, начну с того, что я ученый-атомщик.

— Наш, с Земли?

— Да, да, конечно. Это ты и сам видишь.

САМАЯ ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ОШИБКА НА СВЕТЕ

— Примерно месяцев пять тому назад, — начал свой рассказ профессор Дзета, — правительство поручило мне изучить некоторые особые свойства ядерного гриба. Ты знаешь, что такое ядерный гриб?

— Это знают даже камни. Такое огромное ядовитое облако, которое получается после взрыва атомной бомбы. Так ведь?

— Примерно так. Это облако имеет форму огромного гриба. Как известно, гриб этот становится добычей ветров: они несут его куда хотят...

— Отравляя воздух, дождевые облака — все, что встречают на своем пути. Отлично придумано, чтобы сеять сверху разные болезни!

— Но представь себе, однако, что большая часть атомного гриба растворяется в атмосфере, и его смертоносность от этого становится намного меньше.

— Не так уж и плохо!

— Это как сказать! У тебя, мой мальчик, совсем не экономический склад ума. Зачем же терять драгоценное вещество?..

— Вы хотите сказать — вредное вещество?

— Вредное — тоже верно. Мое правительство озабочено другим. Если мы найдем способ управлять атомным грибом, мы сможем перемещать его в атмосфере по своему желанию. Атомное облако сможет тогда облетать земной шар, как маленькая Луна, и мы сможем останавливать его там, где хотим, а потом сможем поднять в воздух и направить на конкретную цель. Подумай, ведь тогда только от одной атомной бомбы можно будет получить такой же эффект, будто у нас их целый склад!

— Вот здорово! — воскликнул Паоло. — Просто отлично. Представляю, какая это будет радость для тех, кому на голову упадет атомная бомба — атомный гриб с доставкой на дом! Знаете, профессор, неплохо придумано!

— Это делается для экономии, — ответил профессор совершенно серьезно, не чувствуя иронии Паоло.

— Скажите, профессор, а разве не больше экономии было бы, если бы вообще не делать атомных бомб?

— Этого тебе не понять. Тут замешана политика. А я политикой не интересуюсь. Я только ученый. Вернее, увы, был ученым...

— Ну, а что же дальше? Вы получили приказ правительства...

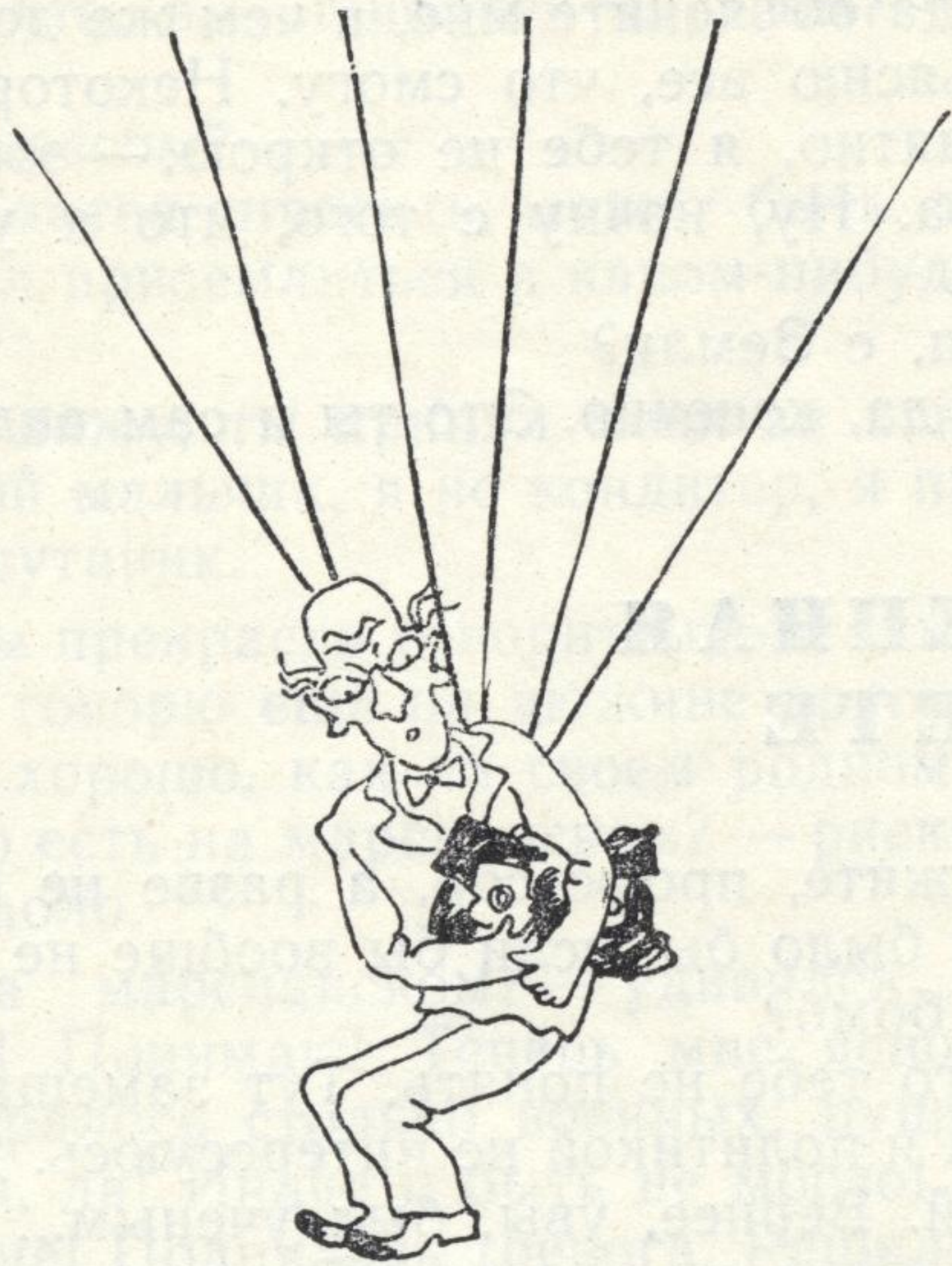
— Да, и сразу же принялся за работу, чтобы создать управляемый атомный гриб. Я не стану тебе рассказывать, сколько я провел опытов, сколько пота и крови мне это стоило...

— ...и сколько денег! — добавил Паоло.

— Словом, месяц назад я полагал, что нашел решение проблемы. Я передал чертежи на завод и стал наблюдать за всеми стадиями производства бомбы, которую предполагалось использовать для самого главного опыта. Волшебная бомба должна была получиться, скажу тебе!

— Волшебная?

— Да, прямо-таки необыкновенная! Самая чудесная атомная бомба, какую когда-либо делали: первосортный материал, элегантный вид, надежнейшая аппаратура... Я помню праздник, который был устроен по поводу окончания работ над бомбой... Торжественная церемония!.. Знамена!.. Брызги шампанского!.. Уйма сладостей!.. Это был волнующий праздник! Министр без конца пожимал мне руку. Помнится, он от волнения даже уронил в бомбу кусок пирожного. Знаешь, такое пирожное с шоколадным кремом внутри. Все немного посмеялись — на том дело и кончилось. Ничего особенного ведь не случилось. Не могло же пирожное испортить механизм бомбы. Во всяком случае, я так думал. А теперь, увы, я уже иного мнения. Наконец настал день самого главного опыта... Бомбу предполагали сбросить с самолета в море в десяти километрах от берега. Она должна была взорваться. Было решено, что я лично буду наблюдать с самолета за атомным грибом и управлять им в течение получаса, а затем направлю в установленное место океана.

— Какого океана?

— Э, нет, сынок, этого я не могу тебе сказать. Таинственного океана!

— Таинственного океана нет на географической карте!

— Дай мне закончить. Все было хорошо до того самого момента, когда произошел атомный взрыв. Я приказал пилоту подняться на нужную высоту, догнать гриб и, когда мы оказались на расчетном расстоянии, приступил к самой главной фазе нашего опыта. Атомное облако быстро сгущалось, приобретая почему-то форму не гриба, а плоского цилиндра, который медленно вращался вокруг своей оси. Это показалось мне странным. Но самое странное — облако совершенно не отвечало на мои приборы телеуправления, которые я приготовил. Я испробовал сотни способов, пытаюсь направить его хоть куда-нибудь. Я менял расстояние, высоту... Все мои попытки были тщетны — атомное облако отказывалось повиноваться. Пилот стал нервничать, злиться — уже кончалось горючее и нам надо было возвращаться на базу, иначе мы рухнули бы на землю. Меня это несколько не волновало. Я был вне себя от отчаяния: мне нужно было во что бы то ни стало заставить атомный гриб повиноваться моей воле!

— Точнее сказать — не гриб, а цилиндр?!

— Цилиндр, верно! Кончилось тем, что горючее все вышло. Надо было выбрасываться с парашютом. Пилот, более опытный, чем я, умело управлял своим парашютом и упал в море, там его подобрала морская. Я же упал прямо в атомное облако. Если бы я даже специально целился, то не попал бы точнее: я

оказался, как определил позже, прямо в центре того, что ты назвал цилиндром.

— И наглотались шоколада?! — рассмеялся Паоло.

— Ничуть! Сам того не желая, просто потому, что у меня был открыт рот, я отведал взбитых сливок. Можешь себе представить, что творилось со мной, когда я увидел, что все мои труды пошли прахом! Я совершил глупейшую ошибку, и атомное облако превратилось в самый обыкновенный торт!

— А что с вами творилось?

— Мне хотелось сделать в торте дырку и утопиться в океане — вот что со мной творилось!

— Какая глупость! Простите меня, конечно. Но я бы на вашем месте считал себя самым счастливым человеком в мире. Разве вы не любите сладкого?

— Конечно, люблю! Прямо обожаю! И мои дети тоже любят сладости.

— У вас и дети есть?

— Двое. Один лучше другого, один дороже другого!

— А вы бомбы делаете!

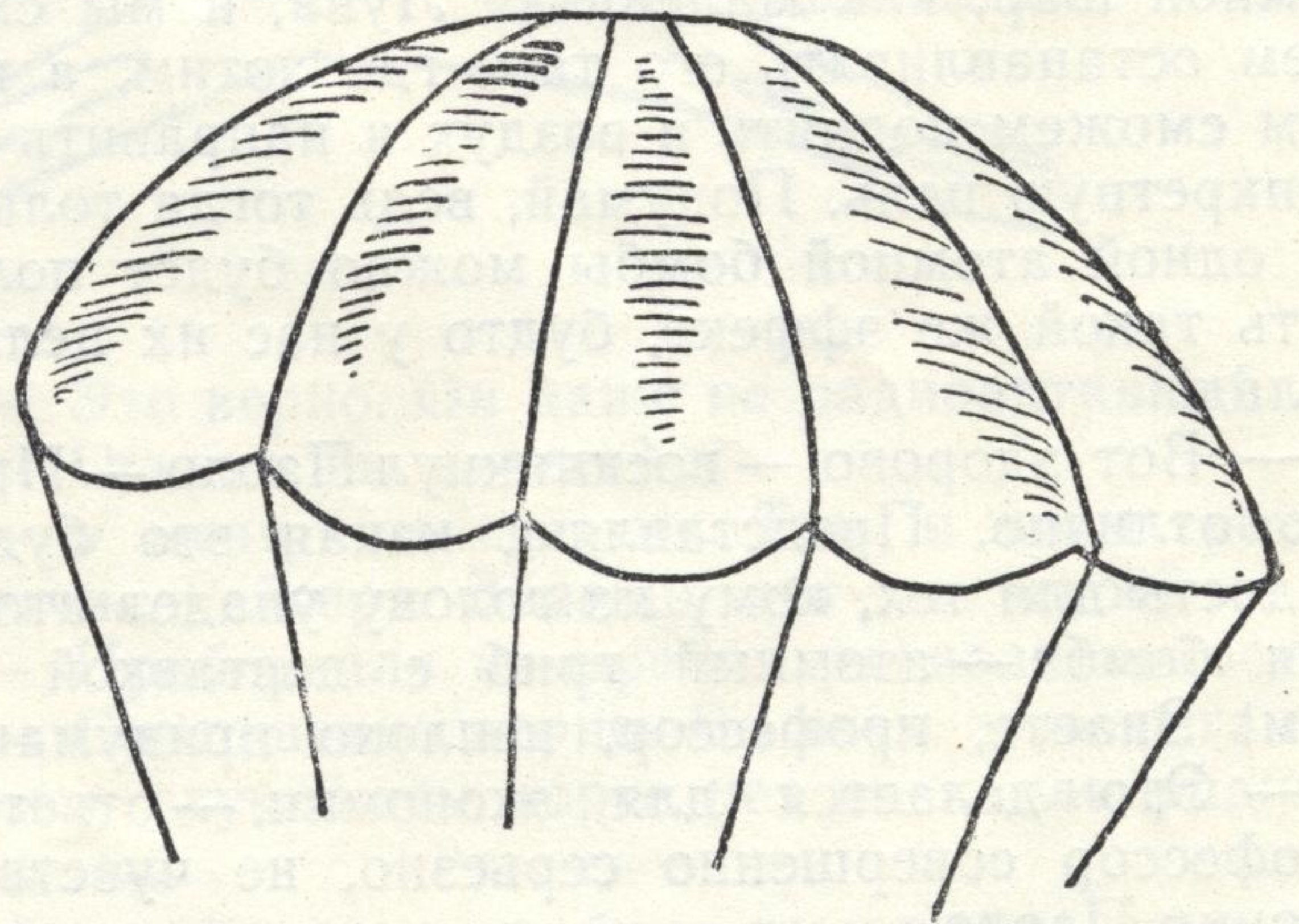
— Прошу тебя, не возвращайся к этой теме. Теперь уже совершенно доказано, что я могу делать только торты. Конечно, теперь я понимаю, что пирожное, которое министр уронил тогда в бомбу, сыграло свою роль в этом нелепом превращении. Но если бы я не ошибся, когда проектировал бомбу, даже миллион самых вкусных пирожных не смог бы вызвать эту глупую шоколадную реакцию!

— Да вы должны гордиться тем, что сделали: вы же просто спаситель человечества!

— Не смейся надо мной.

— А почему же вы не проделали в торте дырку и не выбросились в океан, как хотели?

— Сам не знаю. Ветры отнесли торт куда-то в сторону. И меня, понятно, вместе с тортом.

Еды у меня было достаточно, сам понимаешь. К сожалению, мне не угрожала даже голодная смерть. Но у меня оказалась с собой бумага, и я принялся проверять расчеты, чтобы отыскать ошибку. Вчера я почти нашел ее, но тут появились вы с Ритой. Я осмотрел галерею, чтобы выяснить ситуацию. Я же не знал, что торт приземлился, и тем более не догадывался, что он опустился в Риме.

— Все дороги ведут в Рим! — напомнил Паоло древнюю поговорку. — А что вы собираетесь делать дальше?

Профессор Дзета встал и начал ходить по галерее взад и вперед, прямо по лужам сиропа.

— Мой долг уничтожить этот предмет, чтобы и следа не осталось от моего неудачного опыта!

— Уничтожить эту благодать?! Но, профессор, вы с ума сошли! Тут ведь сладостей на целый год!

— Это исключено! Я уничтожу торт, вернее, я сделаю так, что его уничтожат!

— Кто?

— Военные, которые его окружили. Прежде всего я подтверждаю их предположения относительно космического корабля. Потом я сделаю вид, будто марсиане готовятся к нападению, и навлеку на торт великолепный концентрированный удар. Огнеметы сделают свое дело.

— Никогда этого не будет! Ведь вы же сами погибнете!

— Погибну, но это необходимо. Не первый раз ученые жертвуют собой...

— Но еще не было такого, чтобы ученые погибали в торте, вместо того чтобы лакомиться им! Я запрещаю вам уничтожать торт! Мало того, я всем расскажу, что вы можете превращать атомные бомбы в шоколадные торты. Вы станете самым знаменитым человеком нашей эпохи! Подумайте, профессор, на всех площадях мира признательное человечество воздвигнет вам памятники!

— С меня хватит и одного памятника — надгробного!

— Вы сошли с ума, профессор! Подумайте, как прекрасна жизнь! И как вкусен ваш торт!

— Я могу думать только о том, что я как ученый-атомщик навсегда обесчещен! Бесплезно уговаривать меня, Паоло. Я уже решил. Смерть меня не страшит. Помогите лучше привести в исполнение мой план.

— Ни за что на свете!

— Нет, ты поможешь мне! Ты отнесешь командованию мое послание, в котором будет сказано следующее: «Землянам — с борта кос-

мического корабля «Марс-1»! В вашем распоряжении имеется полчаса, чтобы сложить оружие и вручить нам заложников — тысячу ребят. В противном случае по истечении тридцатой минуты мы разрядим атомную бомбу, которая в одно мгновение уничтожит Рим». И подпись — «Командир корабля». Нужно только придумать какое-нибудь подходящее имя. Пусть это будет, например, капитан Гор. Как ты считаешь, достаточно грозное послание? Конечно, они ни за что не согласятся на мое условие — отдать тысячу ребят! Так могут поступить только варвары и убийцы! Поэтому им ничего не останется, как сразу же открыть огонь по тарту, прежде чем окончится срок ультиматума. И тогда все будет кончено. По-латински — финиш. А теперь я напишу это послание...

И профессор дрожащей от волнения рукой тотчас принялся записывать текст ультиматума. Дойдя до фразы, в которой указывалось число заложников, он немного заколебался.

— Тысячу ребят... Гм... А если потребовать две? Да, да, так будет лучше! Я напишу — две тысячи ребят! Тогда быстрее начнут обстрел, и моя агония будет короче.

— Не тратьте время, — сказал Паоло решительно, — неужели вы в самом деле думаете, что я отнесу командованию ваше послание? Послание сумасшедшего!

— Конечно, отнесешь!

— А вот и нет! Я вам говорю громко и ясно: нет, нет и нет!

— Тогда я выброшу тебя из торта! — При этих словах профессор Дзета как-то странно сморщился, и Паоло показалось, что он вот-вот заплачет.

Профессор Дзета закончил свое послание, четко написал выдуманное имя и расписался какими-то непонятными знаками.

— Это как бы марсианское письмо, — пояснил он, — чтобы было убедительней!

Профессор сложил листок и протянул Паоло.

— Ну, неси!

— А если нет?

— А если нет... Я сказал, выброшу тебя вон!..

— А ну, попробуйте!

Профессор Дзета соорудил страшную гримасу, пытаясь напугать Паоло, но все равно по его глазам было видно, что он никогда в жизни никого не напугал.

— Не провоцируй меня, — захныкал он, — я ведь добрый человек...

— Добрый человек! А сам хочет уничтожить торт, чтобы он никому не достался! Такой огромный, такой великолепный торт!

— Прошу тебя, Паоло, отнеси эту бумагу вниз!

— Ни за что.

Профессор Дзета, упрашивая Паоло, как-то резко дернул его за рукав. Он только хотел убедительно попросить его, но совсем забыл, что есть еще один, и весьма серьезный, свидетель их беседы. Полагая, что Паоло в опасности, Дзорро зарычал, бросился на бедного профессора и вцепился ему в икры.

— Ай! Ой! Спасите! — закричал профессор.

— На место, Дзорро! На место! Видели, профессор? Вы не можете даже пальцем тронуть меня, не то что выбросить отсюда! И пока я буду находиться здесь, торт спасен, потому что не захотите же вы, чтоб и я погиб вместе с вами! Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Если у меня не будет выбора, я брошу послание с каким-нибудь грузом, и ты тоже умрешь здесь! Как жертва своего упрямства. Но я не хочу доводить до этого.

— А я не хочу, чтоб торт был уничтожен.

— Скуик, скуок, караброк, брек, брок! — закричал ученый на своем языке.

— Если вы будете со мной так разговаривать, я совсем перестану вас понимать, — спокойно заметил Паоло.

— Скуок, скек, скуик...

Монолог профессора Дзета продолжался еще некоторое время. Старик был в таком отчаянии, что Паоло подумал, не теряет ли тот рассудок. Потом ученый опять, заговорил по-итальянски, убеждая Паоло отнести послание.

— Дай мне умереть тут, в этом торте, самой большой ошибке моей жизни! — молил он.

— Тогда это будет самой большой ошибкой истории, — ответил Паоло.

Сколько длилась эта упорная борьба? Несколько часов? Но не стоит описывать ее подробно, тем более, что борьба была чисто словесной. Известно только, что в какой-то момент Дзорро вдруг начал проявлять признаки беспокойства, наострил уши, тихо заскулил и вдруг бросился вон из торта.

— Дзорро, ты куда? — крикнул Паоло. И выглянул из торта. То, что он увидел, заставило его весело, безудержно и счастливо расхохотаться.

— Что это тебя так развеселило? — проворчал профессор Дзета.

— Профессор, сколько вам нужно заложников?

— Тысяча... Две тысячи!..

— Вот они! Сами идут сюда без всякого ультиматума! Их даже гораздо больше, чем две тысячи!..

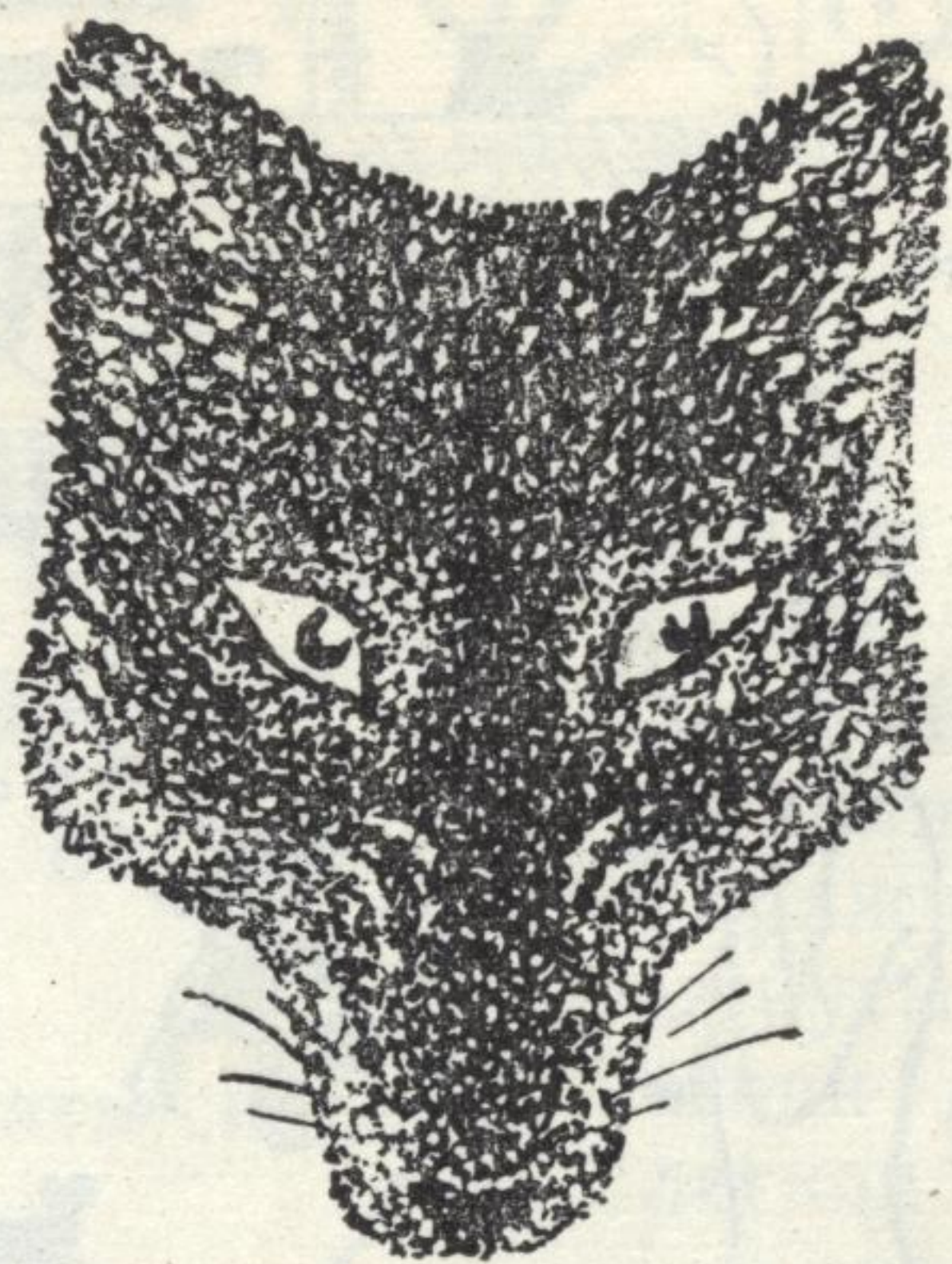
— О чем ты говоришь?

— Смотрите, профессор, смотрите! Идите сюда, скорее! Глядите! Эй, ребята, сюда!..

(Окончание следует)

СЛОВО ШАХМАТ — КАПИТАНУ ПЕШКОЕДОВУ

Призы по жребию (за «Костер» №№ 4 и 5) получают: шахматисты — Миша Сухов, Вася Люляков, Инна Тирбах, Сережа Поскряков, Витя Полосин, Неля Малахова; шашкисты — Люда Ефимова, Володя Шинкаренко, Витя Краснопольский, Галя Суханова, Валерий Борисенко, Леша Шмелев; юнги — Марат Гайсин, Саша Фроленков, 4-ый класс Глазовской школы, Саша Ромм, Леша Бочков, Мамбет Искембаев.

КТО ОН?

Вот свирепая зверюга
Озирается вокруг.
Любит он врага, как друга:
Кто вкуснее, тот и друг.

Н. Слепакова

Этот страшный зверь спрятался
в самом стихотворении. Найдите его!

Рисунок И. Ризнича

8

Уголёк № 9

СЕНТЯБРЬ

Поднял ветер с земли желтый листик. По-летел он вместе с птицами в теплые страны. И там нашел тот листик какой-то чудак. Он сказал: „Как хорошо, что на свете есть край, где растут золотые листья“.

1

ВЕСЕЛЫЕ БЛЭКИ

(С английского)

Вы не слышали о Блэке —
О веселом человеке?
Этот Блэк такой чудак —
Спать ложится натошак,
По утрам искать работу
Убегает натошак.
Этот Блэк такой бездельник —
Он живет совсем без денег!
Мистер Блэк,
Мистер Блэк —
Он веселый человек!

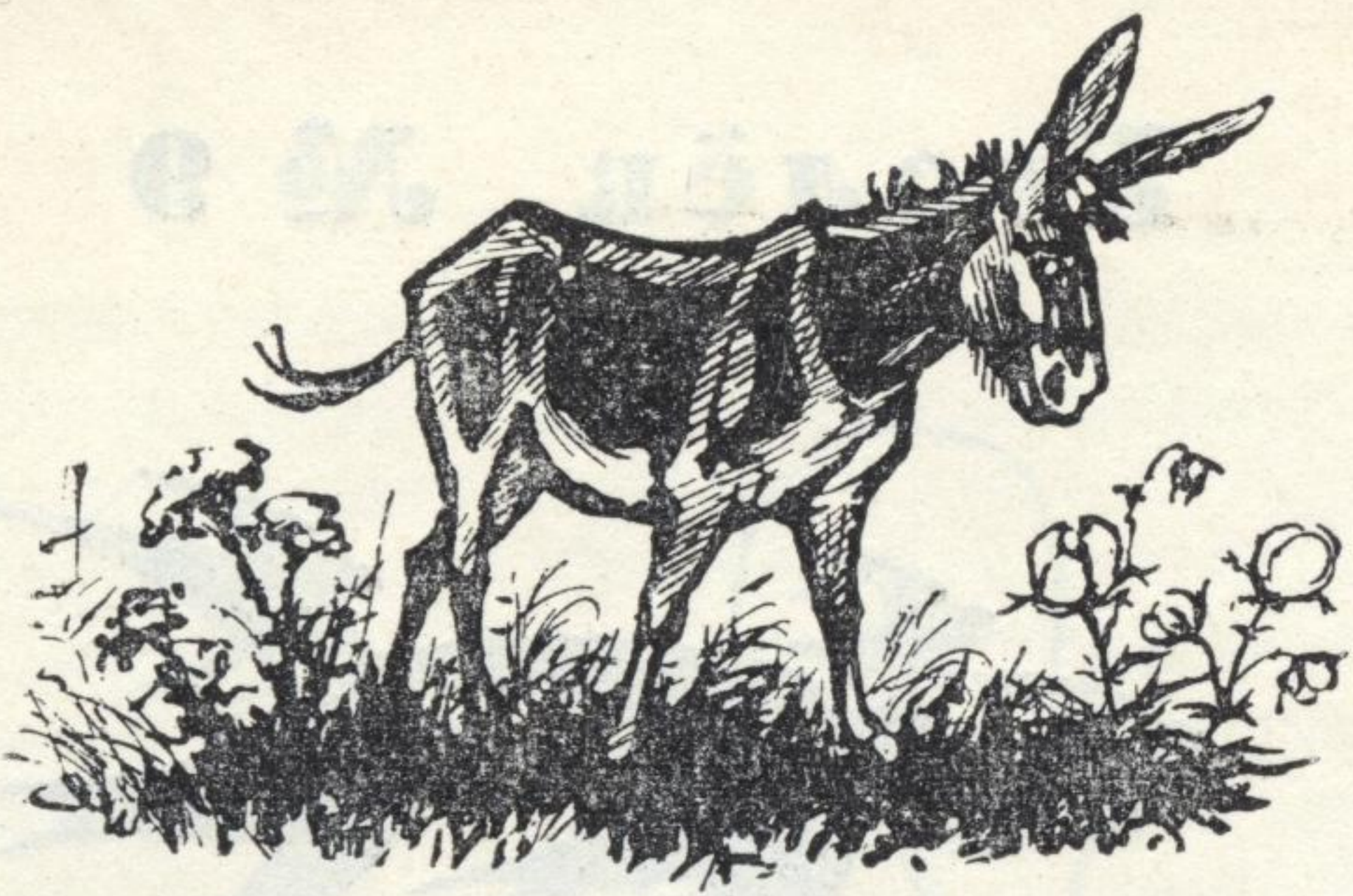
4

Миссис Блэк —
Супруга Блэка —
Хохотушка хоть куда,
Веселее человека
Не бывало никогда.
Миссис Блэк с пустой корзиной
Ходит в лавку за едой.
А потом с пустой корзиной
Возвращается домой.
Миссис Блэк всегда смеется,
Чтоб супруг не вешал нос.
Блэкам радостно живется,
Блэкам весело до слез!

*Пересказал Владимир Орлов
Рисунки Б. Семенова*

5

* * *

Сел вечером шмель на цветок, а цветок закрылся.

— Тук! Тук! — застучал шмель.

Шел мимо ослик. Услышал стук, остановился. Послушал, послушал, а потом сказал:

— Ну, вот, я давно говорил, а мне не верили. У цветов тоже есть сердце!

* * *

Утром упали капли с дерева. Услышал их муравей и сказал всему муравейнику: „Вставайте, уже семь капель пробило!“

Г. Цыферов
Рисунки И. Ризнича

2

И я выпил лекарства и поставил градусник. И все царапины помазал иодом. А потом позвонил в поликлинику и сказал:

— Пусть ко мне доктор не приходит! Я все равно завтра поправлюсь и пойду в школу.

М. Разумовская
Рисунки И. Казаковой

7

КАК Я БОЛЕЛ

Сегодня я вдруг заболел. И мама меня не пустила в школу. И даже вызвала врача. Потому что у меня был насморк и кашель.

Я прямо намучился из-за этой болезни. Все ушли из дому, и мне одному было очень скучно. Я даже не мог играть с Абрикоськой, потому что боялся его заразить. Я уж и радио слушал, и газеты читал. Даже пыль на шкафах вытер, чтобы маме помочь.

Ровно в два часа ко мне пришли Сенька Махалов и Димка Ушаков.

— Ты что, заболел? — спросили они.

— Заболел, — ответил я. — Ну, расскажите, как в школе.

— Хорошо! — говорит Сенька.

— Витя Парамонов два получил.

— А Вадик Бакирский — пять.

— А еще мы ходили в столовую есть компот.

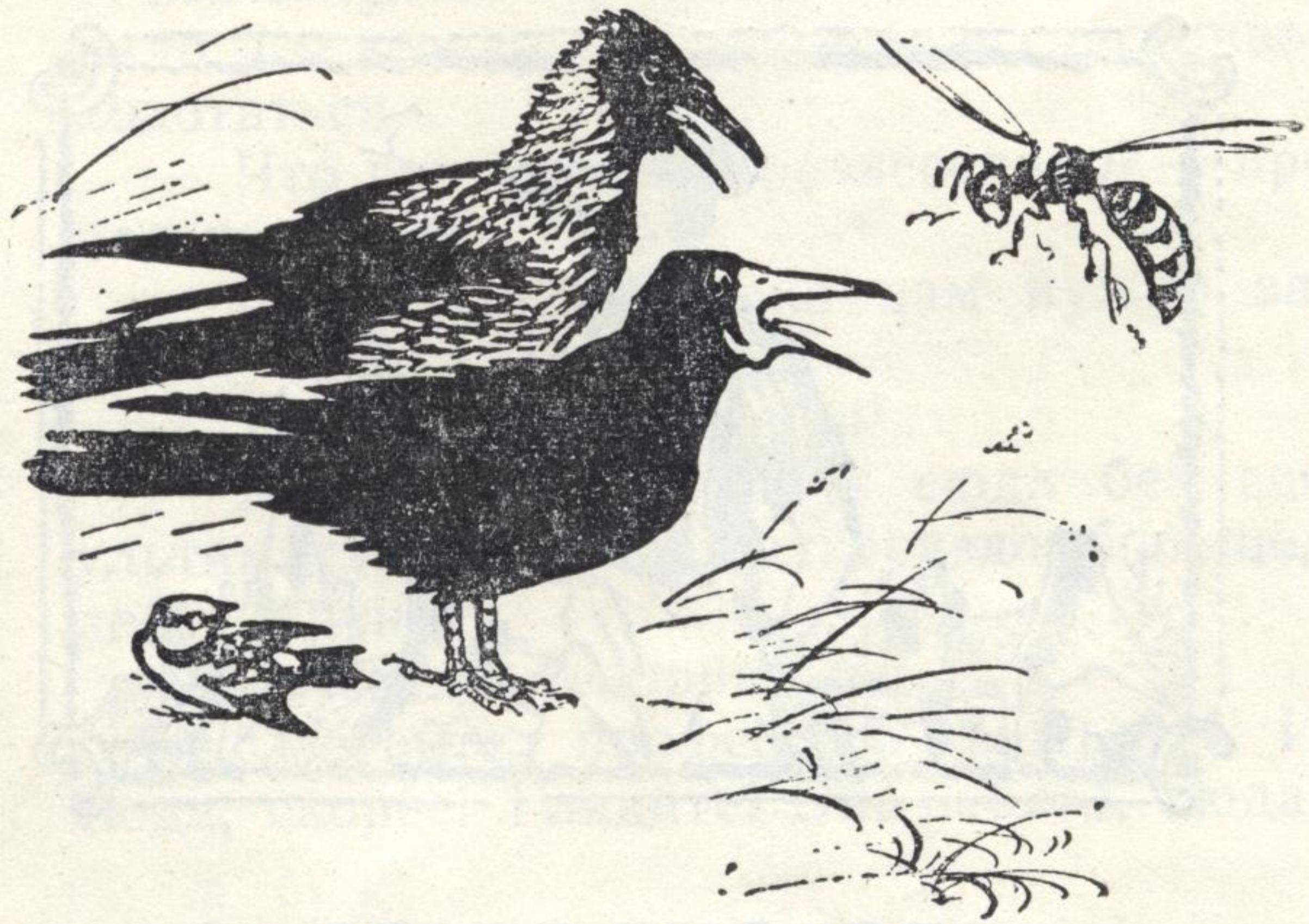
— А Мишка Никитин получил замечание. Он на перемене чуть из форточки не упал.

— Как? — удивился я.

— Очень просто: высунулся, чтобы оторвать сосульку, и чуть не упал.

Мы долго разговаривали о школе. А потом ребята ушли.

А мне опять стало очень скучно. В школе столько интересного, такие важные вещи без меня происходят, а тут дома сиди!

ОСА

Почему у осы
полосатые трусы?
Увидела ворона —
удивилась.

Увидел грач —
растерялся.
Увидел воробей —
испугался.

„А вдруг
это тигр летает,
кто его знает?“

С. Струин
Рисунок И. Ризнича

3

6

Кто не хочет стать сильным!
А как?

Самый сильный человек в мире Юрий Власов — штангист.

Поэтому мальчики и даже девочки часто спрашивают, можно ли им поднимать штангу.

Старшеклассникам, не первый год дружащим со спортом, можно.

А ребятам 11—14 лет и новичкам советуем для развития силы упражняться с гантелями.

Гантель — два чугунных шара, соединенных круглой, удобной для захвата рукояткой. Вес литой гантели — от одного килограмма до четырех пудов. Бывают и разборные гантели: их вес можно менять.

Не удастся достать гантели в спортивном магазине — смастерите их сами: насадите металлические шары или круги на деревянный стержень. В крайнем случае воспользуйтесь утюгами!

Гантели отлично развивают мышцы рук и плечевого пояса. Но главное, благодаря им укрепляется сердце, повышается емкость легких, закаляется нервная система. Упражняясь с гантелями, вы вырабатываете осанку, избавляетесь от сутулости, скованности, неповоротливости.

Но все это при одном условии — если не переутомляться! Иначе упражнения принесут немалый вред.

Прежде чем взять гантели в руки, обязательно пройдите проверку у врача!

Упражняйтесь ежедневно, часа через два после обеда.

Для занятий с гантелями вполне достаточно пятнадцати минут. Не торопитесь — спешить некуда. Движения делайте плавно, спокойно. Между упражнениями отдыхайте полминуты. При плохом самочувствии ограничьтесь обычной легкой зарядкой.

Упражняйтесь всегда на свежем воздухе или при открытой форточке. Летом — в одних трусах, без обуви. Зимой, если не очень холодно, — на улице, в спортивном костюме.

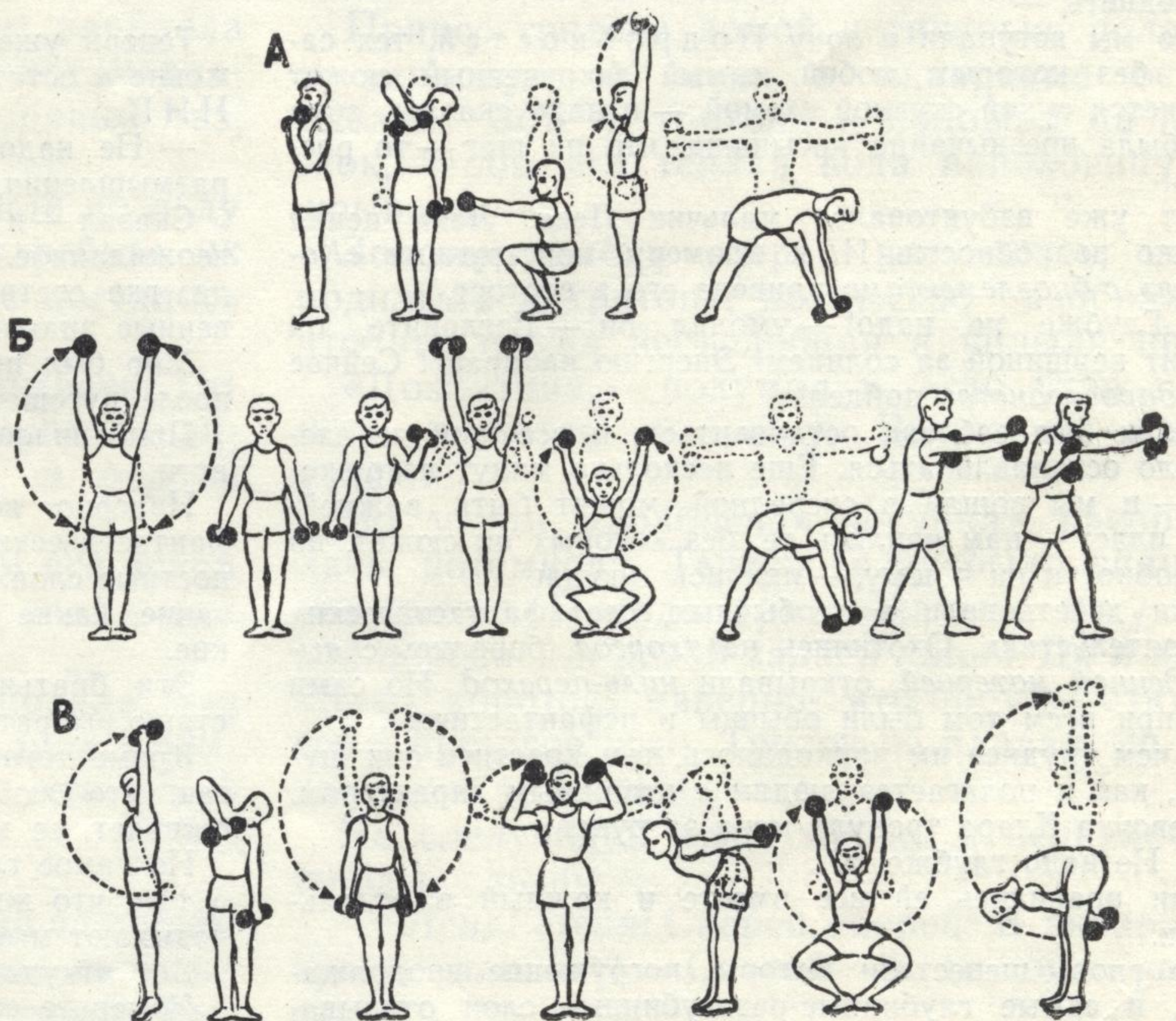
Ребятам 11—12 лет лучше всего начать с килограммовых гантелей и лишь после трех месяцев занятий увеличить их вес до полутора-двух килограммов. После года регулярных занятий можно освоить трехкилограммовые шары. Мальчикам 13—15 лет советуем начать с двухкилограммовых, также постепенно увеличивая вес. Для девочек вполне достаточно одного-двух килограммов, а тяжелые гири (свыше пяти килограммов) им вообще поднимать не следует.

Постепенно не только прибавляется вес гантелей, но и увеличивается число повторений, усложняются движения.

Предлагаем вам три комплекса простейших упражнений. Начинать следует с комплекса А. После двух недель занятий можно осваивать комплекс Б, а еще через месяц — комплекс В. Затем попеременно меняйте каждую неделю комплексы Б и В. Первое время каждое упражнение делайте по 3—4 раза, через полгода — по 5—6 раз.

Выполняя упражнения, следите за правильностью дыхания: вдох через нос глубоко и ритмично, выдох — ртом, полностью.

И запомните: одни только гантели пользы принесут не много. Стать сильным, ловким, быстрым и выносливым можно лишь регулярно выполняя наши тренировочные планы, круглый год занимаясь бегом, прыжками, спортивными играми!

ГЛУБИНА
или
ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
В ТОЛЩУ НЕСКОЛЬКИХ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ КНИГ

Нас было четверо: девочка Клара, мальчик Гена, мальчик Лева и я. Мы задраили за собой люки.

Где-то светило обыкновенное солнце, росла обыкновенная трава и наши обыкновенные знакомые разговаривали об обыкновенных вещах. Но это уже не касалось нас.

Шелестели моторы. Стрелки показывали румб «отвесно». Путешествие начиналось.

Только мы тронулись, как загремело, зажужжало, захуло, запахло тайной, и мальчик Гена — он обожал приключения — прилип к иллюминатору.

— Хватит, — заявил он. — Глубже не надо!

Мне и самому было интересно. За стенами кабины творилось несусветное: падал на Юпитер фотонный грузовик «Тахмасиб», разведчик Иван Жилин сражался у рыбаков со спятившим кибером и биолог Кандид плутал по заколдованному лесу.

Да, повторяю, мне уже было интересно. Но ведь мы проходили еще только слои сюжета, а они всего лишь первые, поверхностные слои.

Я дал добавочную мощность рассекателям, потому что сопротивление породы с каждой секундой возрастало. И тотчас же в иллюминатор стукнуло.

Огромный мертвяк, горячий, как печка, пялился на нас, на плече его восседала марсианская ящерица Варечка, — она, видно, только что спрыгнула с рояля, мимикрийный рисунок клавишей на ее спине еще не успел побледнеть, —

Это мы вступали в зону Подробностей, тех самых, без которых любой, самый закрученный сюжет обернется сухой скучной схемой, — и надо сказать, зона эта была чрезвычайно насыщена, что ни шаг — то россыпь!

Тут уже взбунтовался мальчик Лева. Лева ценил именно подробности. И, к примеру, конструкция «Корабля» с биоэлементами привела его в восторг.

— Глубже не надо! — умолял он. — Взгляните, он следит вершиной за солнцем! Энергию набирает! Сейчас в подпространство пойдет!

Велик был соблазн остановиться, и все-таки не следовало останавливаться. Еще несколько минут погружения — и мы вошли в очередной, может быть, важнейший пласт — нам явились те, без которых ни сюжет, ни подробности ни к чему, — явились люди.

Они действовали в необычных, сверхфантастических обстоятельствах. Охотились на тхоргов, боролись с вырожденной материей, открывали нуль-переход. Но сами они при всем том были обычны и нефантастичны.

И чем труднее им приходилось, тем яростнее они шутили, как и полагается людям с отважным характером.

Девочка Клара тронула меня за рукав.

— Не надо глубже, а?..

Они нравились ей все вместе и каждый в отдельности.

Но вновь шелестели моторы, погружение продолжалось, и самые глубинные-разглубинные слои открывались нам.

Мы услышали, как упрекает себя за попытку к бегству Саул Репнин, человек, перенесшийся из своего неимоверного трудного времени на много веков вперед.

Мы поняли, как трудно быть богом, сторонним наблюдателем на чужой уютной планете земному историку Антону: очень уж тянет вмешаться.

Мы увидели, как Иван Жилин в Стране дураков задумчиво подбрасывает на ладони крошечную детальку: действительно ли хищные вещи века эти карманные гипнотизаторы? Или, наоборот, полезна усыпляющая сладкая ложь?

Теперь уже мне самому хотелось прекратить погружение и остаться здесь, на горизонте РАЗМЫШЛЕНИЯ И И.

— Не надо глубже! — сказал я себе. — Глубже, чем размышления, ничего не бывает.

Сказал — и нажал на педаль газа. И тогда случилось неожиданное. Мы вырвались вдруг на поверхность! Туда, где светило обыкновенное солнце и наши обыкновенные знакомые шли по обыкновенной траве!

Мир был прежний, ничуть не загадочный. Но сейчас, после путешествия, мы видели его немножко по-иному.

Прибавилось зоркости. Прибавилось понимания и тревоги.

Наверно, всегда, когда читаешь книги — а особенно фантастические — нужно идти вглубь, под их поверхностные слои. Тем более, если читаешь хорошие книги — такие, какие пишут братья Аркадий и Борис Стругацкие.

Эти братья — большие выдумщики, они умеют блестяще выбрать и построить СЮЖЕТ.

Кроме того, они многое знают и умеют рассказывать так, что любая ПОДРОБНОСТЬ в их рассказе оживает, ее можно рассмотреть, потрогать и понюхать.

Но самое главное, они — эти братья — ведут разговор о том, что жизненно нас заботит, они мыслят — и приказывают мыслить нам.

Вот откуда ГЛУБИНА в их произведениях.

Измерьте ее! Пусть стрелки ваших приборов встанут на румб «отвесно»!

ТРИТОН-ХАРИТОН

РАССКАЗ

Лев Стекольников

Рисунки Е. Захарова

— Ребята! — позвал кто-то, — айда в парк! Там пруды чистят!..

Как только прозвенел последний звонок, мы, на ходу накинув пальто, побежали по белым скрипучим дорожкам.

Зима стояла жестокая. Пруды промерзли до самого дна. Это, наверно, и навело хозяйственников на мысль — вычистить их и углубить. Сперва сгребли сверху снег, а потом стали колоть и вывозить лед. Вскоре рабочие добрались до дна и стали долбить смерзшуюся илистую землю.

Мы все стояли вокруг и наблюдали. Было очень интересно: вместе со льдом вытаскивали из пруда всякую ерунду, что летом напáдала в воду. Вытащили старый зонтик, потом рваную соломенную шляпу, потом дырявый таз, а уж консервных банок — не счесть!

Еще интереснее стало, когда нашли во льду несколько замерзших карасей, но ребята их так быстро расхватали, что мне не досталось ни одного.

А рабочие уже стали берег обкалывать. Тут выглянуло солнце и стало очень красиво: льдины засверкали голубым, зеленым. А березы вокруг — серебряные сплошь!

Мы разбрелись по всему парку. Я все искал карасей, каждую льдину просматривал — нет как нет! Обидно.

Пошел уже к дому, как вдруг попала мне под ноги небольшая грязноватая льдина. Солнце светило ярко, и показалось мне, что в ней что-то есть. Может, карась?

Я взял ее под мышку — и домой.

— Куда, куда? — остановила меня на пороге мама, — куда в комнату такую грязь несешь? Я только полы помыла. Да с нее течет! Выброси немедленно!

Я все-таки не выбросил, а снес льдину в сарай, положил в углу и соломой накрыл. А потом заигрался с братом и позабыл о ней.

Вспомнил под вечер. Пришел в сарай с фонариком, и — вот-те на!

Лед растаял и в грязной лужице лежит что-то неприглядное, бледно-зеленовато-желтое, вроде шкурки от ливерной колбасы.

Ничего себе, нашел рыбку!

Я уже хотел выкинуть находку, но пригляделся и узнал... тритона!

Мертвый или живой? Слышал я, что лягушки и тритоны могут проморозиться насквозь, а потом оттаять и ожить. Надо попытаться!

Принес тритона домой и тихонько положил в аквариум. У меня в аквариуме остров сделан. Вот я тритона и положил на бережок, чтобы его теплая вода наполовину покрывала.

Золотые рыбки сперва испугались, потом подплыли к тритону, но быстро разобрались, что это штука несъедобная и уплыли прочь.

«Дохлятина, — подумал я, — до утра подожду, а потом выброшу. Выбросить всегда успею».

Но утром «колбасная шкурка» расправилась, потемнела. Теперь сразу было видно — это тритон. Правда, тритон-калека: нету правой передней и левой задней лапки. Да и хвост что-то короткий, наверно, кто-нибудь откусил его в прошлое лето. Тритон не плавал, но уже дышал и чуть шевелился...

На следующий день, только я вернулся из школы, слышу:

— Леня! Леня! Скорей, скорей! В аквариуме крыса плавает!.. Скорей, а то она рыбок съест!

— Крыса? В аквариуме?

В несколько прыжков я очутился в своей комнате... Да это же мой тритон!

— Это не крыса, мама! — обрадовался я, — это у меня тритон плавает! Ура! Ах, ты мой тритон-Харитон!

Не сразу мне разрешили держать тритона. Мама все боялась за золотых рыбок и грозила его выбросить. Но я знал, что сама она побрезгует до тритона дотронуться, и не очень беспокоился.

Тритон остался у меня. Имя я дал ему — Харитон. Стал думать, как и чем кормить. Было бы лето — принес бы ему земляных червей.

Я сделал набег на кухню и утащил у мамы немного мясного фарша. Только что пропущенное через мясорубку мясо было похоже на розовых червей.

Сперва Харитон испугался, а потом, когда я поднес к его носу мясную трубочку, раскрыл широкий рот, будто улыбнулся, и цап! Съел!

И с этого дня стал Харитон быстро поправляться. Ел он не только мясо, но и рыбий корм — муравьиные яйца и дафний.

Как только в школе узнали, что у меня есть оживший тритон — не стало отбоя от посетителей. Весь шестой «а» и шестой «б» перебивал у меня. Наш учитель зоологии Василий Илларионович спросил меня на перемене:

— Это верно, что ты... э-э... нашел тритона?

— Верно.

— И был он... э-э... совсем замерзший?

— Совсем! В ледышку!

— И... э-э... ожил?

— Ожил, да еще как ожил! Он живет живого стал!

Я видел, что Василий Илларионович не верит мне и это было очень обидно. Я еще никого не обманывал.

— Если это на самом деле так, — заскрипел Василий Илларионович, — то ты поступил неверно.

— Как неверно?

— Если это в самом деле так, — нажимая на «в самом деле» повторил учитель, — то следовало тебе принести его ко мне, в крайнем случае, в наш живой уголок. А то факт научной ценности остался непроверен-

ным, не закрепленным документально. Наука... э-э... словам не верит. Ей нужны факты!

Очень меня расстроил этот разговор. Откуда же мне знать, что наука не верит простому рассказу! Ребята же верят мне!

Так прошло недели три. Харитон сильно изменился. Спинка стала яркой, оливково-зеленой, пятна на ней черно-коричневыми, а брюшко бледно-оранжевым. И вот что еще случилось! У него стали отрастать потерянные лапки и конец хвоста. Сперва бугорки показались, потом как бы палочки выросли, а там и пальцы растопырились. И стал мой Харитон опять с двумя лапками и двумя ногами. А вдоль спины поднялся гребень. Красавцем стал — хоть куда!

Ребята приходили смотреть и завидовали.

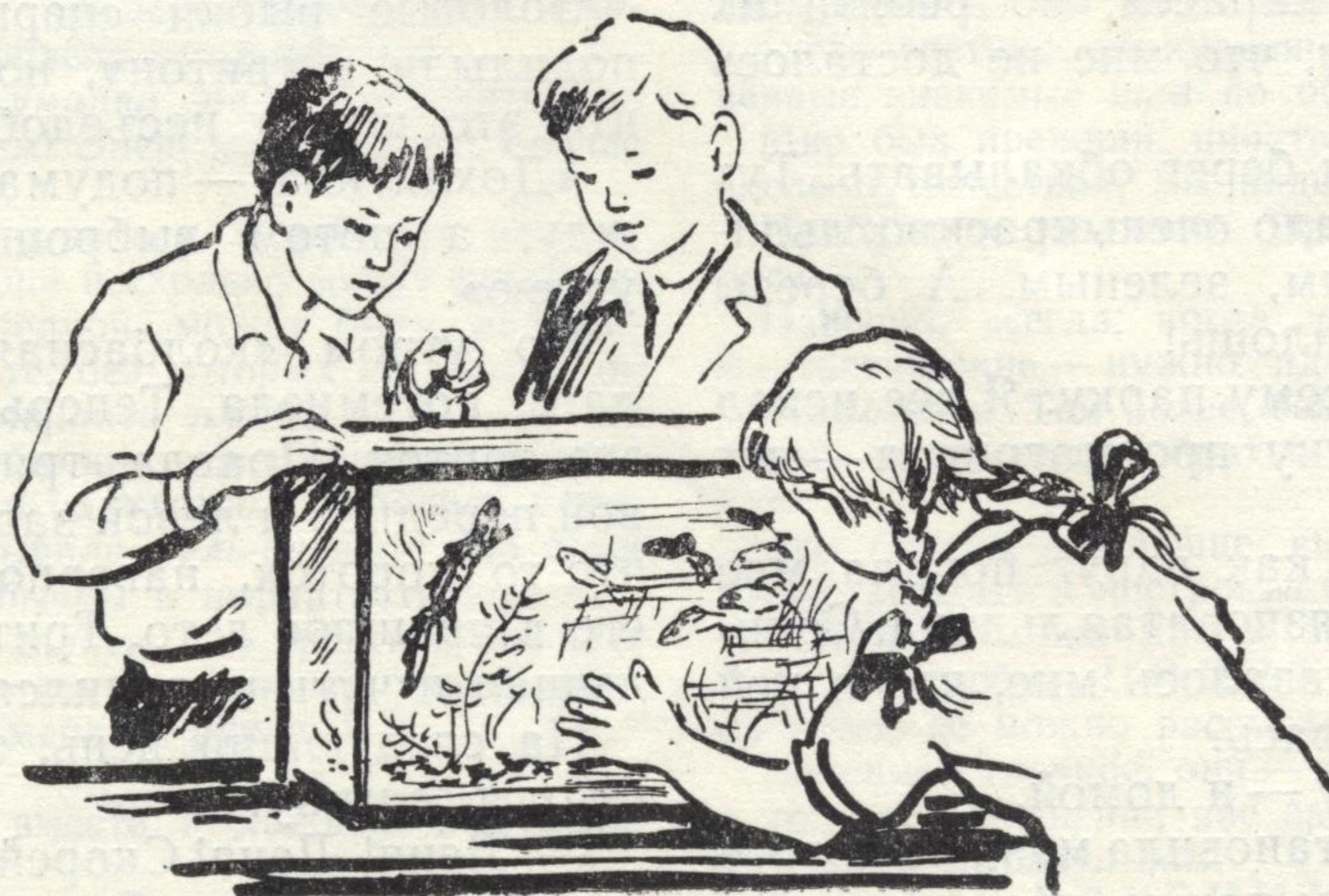
Узнавал ли он меня?.. Вот уж и не знаю. Мне-то кажется, что узнавал. Как подойдешь — на задние лапки становится, как кошка. И рот разевает, есть просит. Ужасно был ненасытный.

А как весна подошла, стал мой Харитон такой беспокойный, такой шаловливый, что пришлось его отсадить в другой аквариум: совсем рыбок загонял, все хвостом норовил их шлепнуть.

Потом настало лето. Мне надо было в пионерский лагерь уезжать. Оставить Харитона или не оставить? Будет ли мама за ним смотреть? С собой взять — дело сложное. Это не щенок. Ему вода нужна, особый корм. Не хотелось мне отдавать его в наш живой уголок, да пришлось. Восьмиклассник Дима обещал следить за ним. Не очень я доверял Димке, но что будешь делать!..

Вернулся в августе — пришел в школу. Нет Харитона! А Димка говорит, что тритон, мол, заболел и подох. Он его и выбросил на помойку. Чуть я с ним не подрался тогда.

А знаете, я все-таки думаю, что тритон мой живой. Уж если он зиму пережил без лапок и хвоста, если его мороз не убил, то уж будьте спокойны! Мой Харитон просто притворился, что болен. А из помойки он, наверно, уполз в канаву и живет себе, поживает.

Уполн.

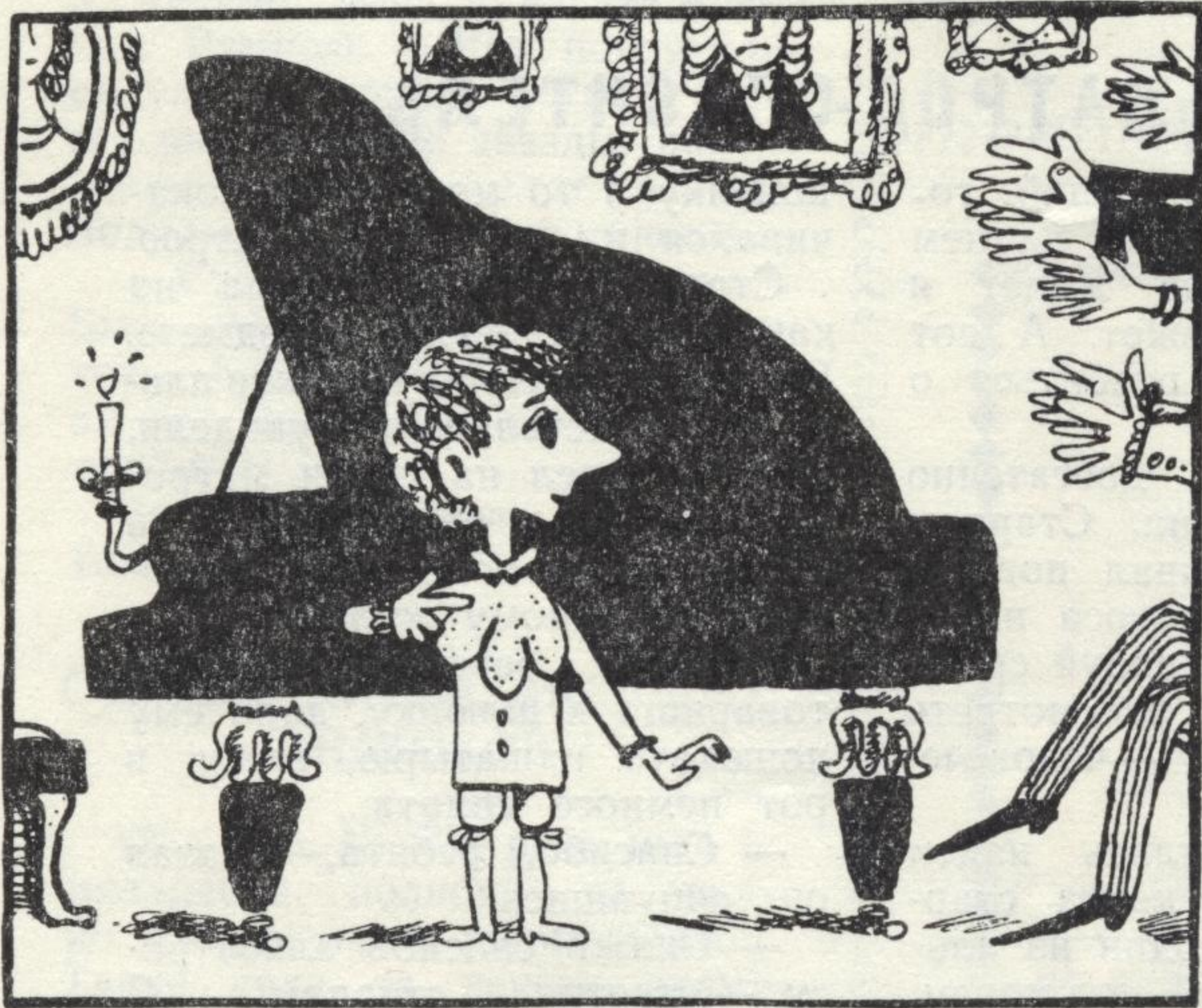
Бесилово архивариуса

ЛИШНЕГО ВСПОМНИЛ

Видно, не зря образ воспоминателя-вряля барона Мюнхгаузена родился в Пруссии. На старости лет, попивая пиво в своих замках, прусские офицеры сочиняли мемуары-воспоминания. Какого только вранья не городили они в своих писаниях: поражения превращались в победы, кража уток и поросят у бедных крестьян — в благородные подвиги... А со знаменитыми людьми, которых воспоминатели подчас и в глаза не видывали, в своих мемуарах они запросто беседовали о том о сем на каждой странице. Вся Пруссия, вся Германия, вся Европа хохотала над одним незадачливым мемуаристом, который выдал себя с головой такой фразой в мемуарах: «Как-то гулял я возле дворца Сан-Суси, подошел ко мне, его величество король Фридрих, хлопнул меня по плечу и сказал: «Ну, брат, теперь ты мне послужишь — начинается Семилетняя война!»

ЗАБЛУЖДЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО ФРЕДЕРИКА

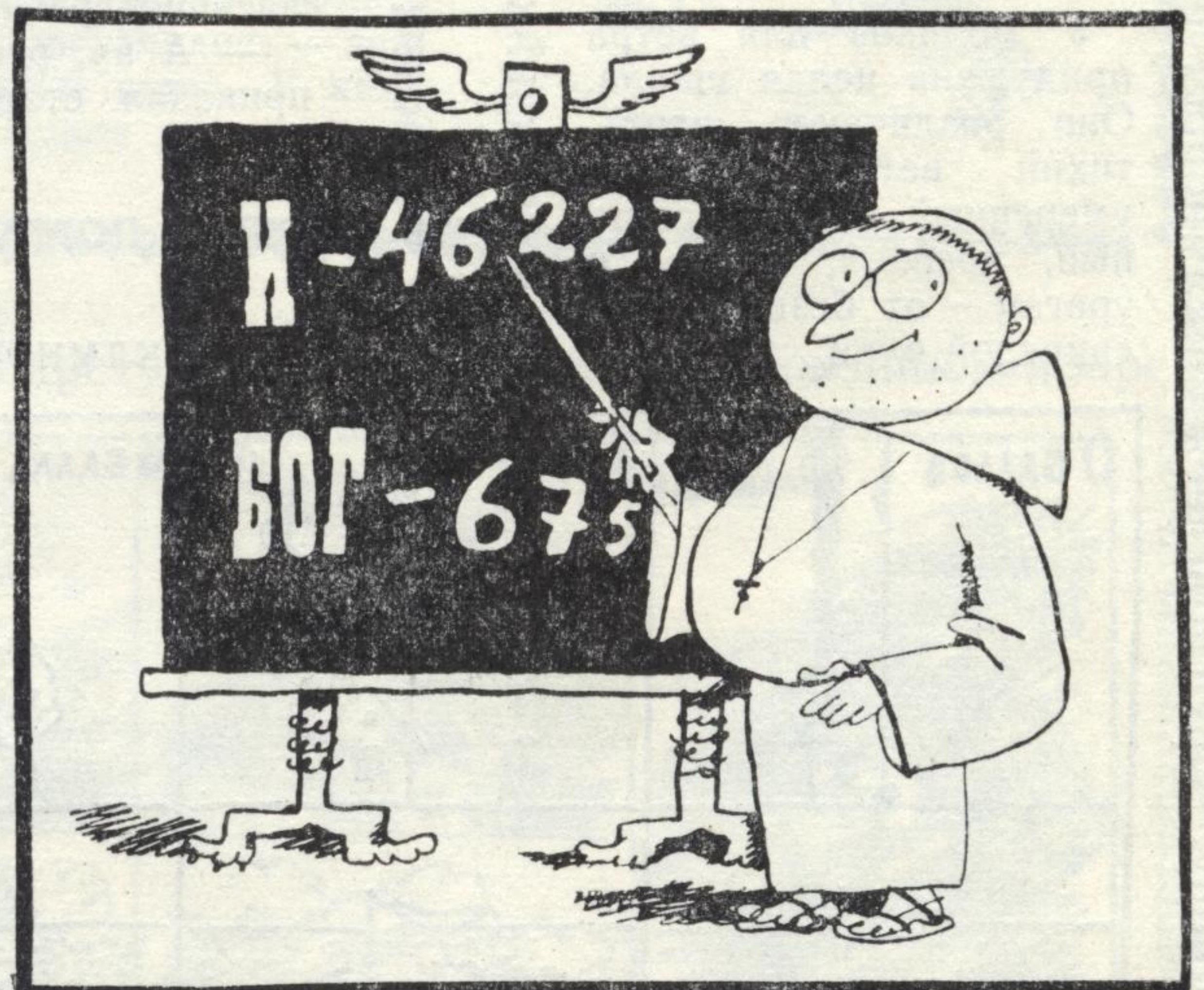
Подобно гениальному Моцарту, польский композитор Шопен очень рано обнаружил выдающееся музыкальное дарование. Еще в «дошкольном», как говорится, возрасте он с большим мастерством и вдохновением играл на фортепьяно. Слава удивительного ребенка быстро распространилась, и родители вынуждены были время от времени устраивать публичные выступления маленького Фредерика. Впрочем, малыш не зазнался. Меньше всего он был склонен приписывать восторг и рукоплескания слушателей своему таланту. Однажды после концерта, оглушенный бурей оваций, он сказал матери:

— Подумай, мама, как им понравился мой кружевной воротничок!

ЕМУ БЫ АРИФМОМЕТР!

Среди массы бездельников и тунеядцев, пристроившихся под крылышком церкви, были и есть ученые-богословы. Поскольку и этим дармоедам время от времени все же приходилось отчитываться перед церковным начальством в своей работе, они придумывали себе «научные» занятия.

Пожалуй, проще всех своих коллег поступил швейцарский богослов 18 столетия Изелин. Несколько лет корпел Изелин над своим «научным трудом» и, наконец, доложил епископам результат исследований: «В Священном Писании 773662 слова или 3566486 букв. Наиболее часто встречается слово БОГ — 6755 раз, и буква И — 46227».

**КЛУБ
МОРСКИХ
ЗНАТОКОВ**

— Так вот, опускался я и в Черном море, — начал боцман Румпель. — Раз погрузился там на триста метров. Вижу дно: морские звезды, раковины, крабы шевелят усами. Подплывает ко мне осьминог и...

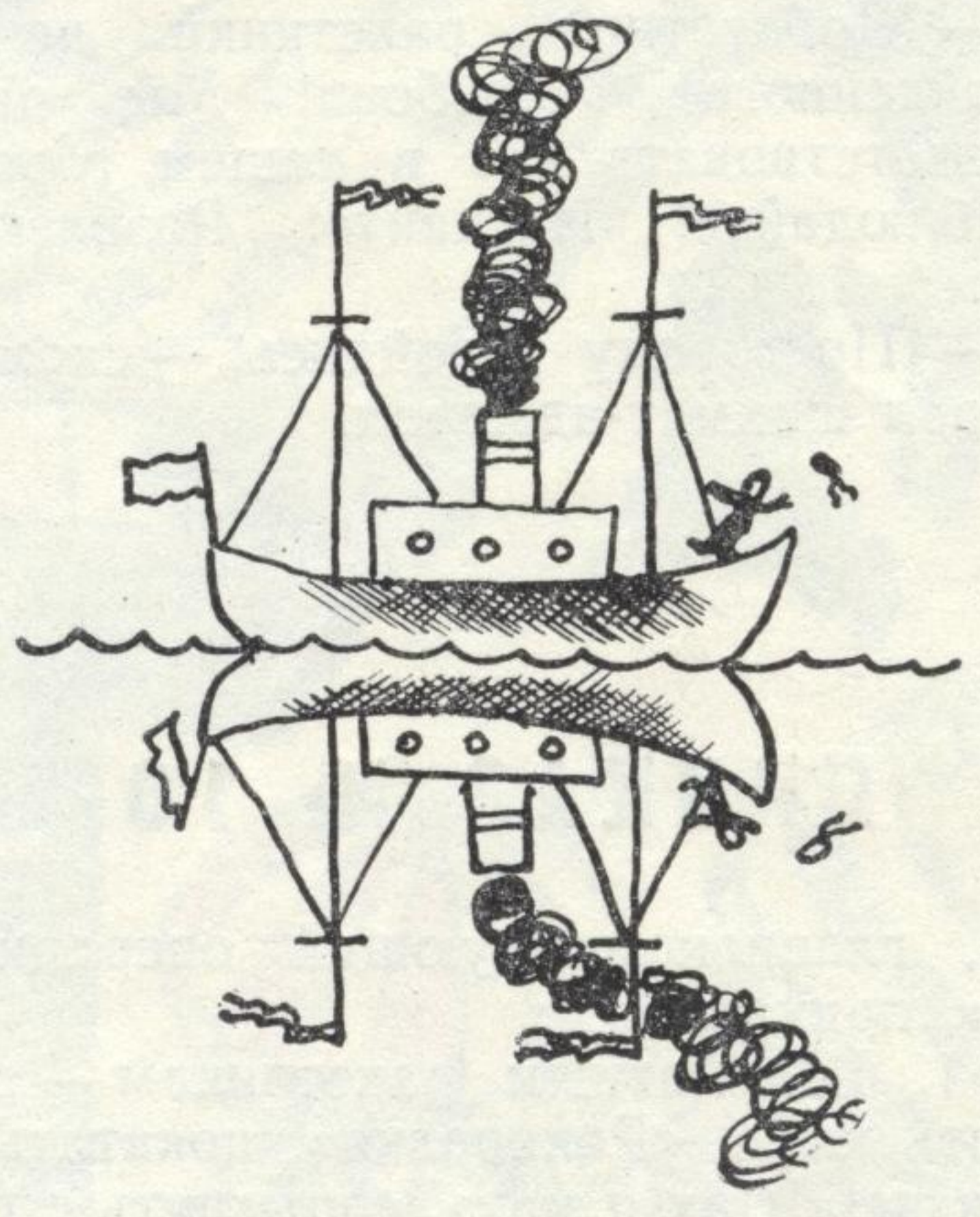
— Стоп! — сказал капитан Быстроходов. — Три ошибки в трех фразах. В Черном море вы не были. Водолаз ли вы вообще?

Что насторожило капитана Быстрохода?

**ОТВЕТЫ КЛУБА МОРСКИХ
ЗНАТОКОВ**

«Костер» № 4 — речь шла о нападении полиции на судно современных радиопиратов. Такие суда за деньги ведут незаконные радиопередачи с моря.

«Костер» № 5 — якоря принадлежат (слева направо) — подводной лодке, теплоходу, паруснику.

— Сильный сегодня ветер!
— Э, нет. Видишь, человек по палубе идти не может. Это уже шторм.
— А вчера-то был штиль!
— Тоже не верно. Флаги еле-еле, а шевелились — значит, был тихий ветер. У каждого ветра — своя примета.

кзийклмнопрстуфхцщъьэюя абвгдеёжзийклмнопрстуфхцщъьэюя абвгдеёжзийклмнопрст

<p>6 БАЛЛОВ</p>	<p>7 БАЛЛОВ</p>	<p>8 БАЛЛОВ</p>	<p>10 БАЛЛОВ</p>	<p>12 БАЛЛОВ</p>
<p>СИЛЬНЫЙ ВЕТЕР</p>	<p>КРЕПКИЙ ВЕТЕР</p>	<p>ШТОРМ</p>	<p>КРЕПКИЙ ШТОРМ</p>	<p>УРАГАННЫЙ ШТОРМ</p>

уфхцщъьэюяабвгдеёжзийклмнопрстуфхцщъьэюя абвгдеёжзийклмнопрстуфхцщъьэюя ий

— Мы тут пробудем один день, — пояснял перед выходом из ракет шахмат-адмирал. — Не забудьте: денег здесь ни за что не платят...

— А мороженое у них есть? — перебил Гена Сурков.

— На Уртонии все есть! Но все расчеты только шахматные: хочешь поесть — реши задачу, попить — другую, в цирк — третью... Надеюсь, вас этим не запугаешь. Так?

У ворот столицы нас встретил ее мэр.

— Доблестные ракетчики непревзойденного Ферзьбери! Мы рады приветствовать вас в нашем городе. Наблюдайте! Изучайте! Развлекайтесь!

— По городу разойдись! — скомандовал шахмат-адмирал.

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий операцией «64», приказываю:

§ 1. Шахматным ракетчикам — посетить кафе «Рокировка», покататься на яхте «Шах и мат», спрыгнуть с парашютной вышки, показать семиходовый мат уртонца.

§ 2. Юнгам — раскрыть тайну фигур на городской стене Уртонии: поставить их на доску и объявить белыми мат в один ход.

§ 3. Шашечным ракетчикам посетить лимонадную, побывать на представлении в цирке «Гамбит».

§ 4. О всех расчетах за развлечения доложить мне.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ОПЕРАЦИЯ „64“!!!

НА УРТОНИИ ВСЕ ЕСТЬ

Итак, ракетчики, перед вами удивительная столица Уртонии. Пройдитесь по ней!

Зайдите в кафе «Рокировка». Какие там пирожные! А шоколад — в три пальца толщиной. Мороженое — двадцати сортов!

Не хотите ли запить все это лимонадом? Лимонадная рядом...

— Яхта отходит через пять минут! — оповещают громкоговорители. — Любители прогулок по воде, поторопитесь!

Если кто-нибудь пожелает прыгнуть с вышки — прыгайте. Парашют раскроется, как только вы назовете первый ход решения двухходовки.

В цирке лучшие мировые аттракционы! Расставьте шашки, проведите комбинацию и — вас пропустят.

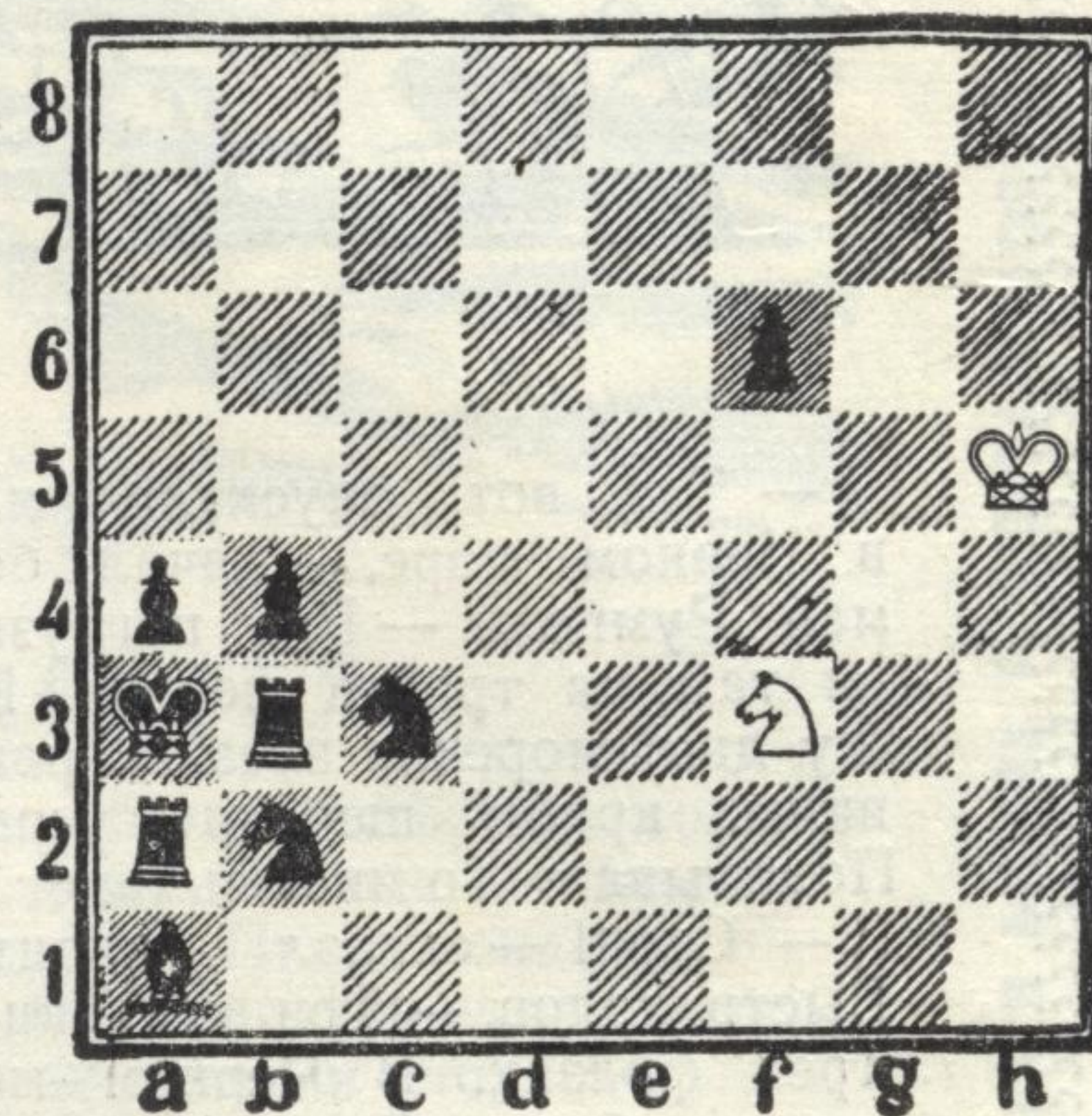
А кто там кричит о помощи? Почему этого уртонца вталкивают в клетку к сурсу — огромному хищному зверю.

— За что вы его? — спросил Ферзьбери.

— Из-за него Уртония проигрывает матч Полерии! Растяпа прозевал почти все свои фигуры, и теперь судья присуждает ему проигрыш.

— Я не виноват!.. У меня дома случилась беда!.. Я не мог играть внимательно! — выкрикивает несчастный.

— Покажите его позицию, — попросил шахмат-адмирал.

Белые — уртонца, и его ход.

— Нет, нет и нет! — вдруг воскликнул Ферзьбери. — Он не проигрывает! Он сам дает в семь ходов мат! Сурс остался голодным.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Решения к восьмому приказу Ферзьбери („Костер“ № 7)

Позиция из партии жителей Разменной получилась после ходов: 1. Kf3 Kf6 2.Kd4 Kd5 3.Kb5 Kc3 4.Kb5—a3 K:b1 5.K:b1. Эту же позицию можно получить и по-другому.

Мат в 3 хода. 1.Lg8! C:g8 (Кра2 2.Lb8) 2.a8 — Ф +.

Ничья. 1.Cd7! h2. 2.Cc6 + Kpg1 3.Ch1 Kр:h1 4.Kpf2, и белый король не выпустит черного из угла.

Шашечные комбинации. Первая — 1.c3—b4! a5:e1 2.h4—g5 f4:h6 3.g3—h4X. Вторая — 1.e5—d6! e7:c5 2.d4:b6 a5:c7 3.c3—b4 a3:c5 4.e3—d4X

В следующем номере полетом на планету Трумба завершится операция «64»!!!

Рисунок на третьей странице обложки Ю. Лобачева

Главный редактор В. В. Торпыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская

Корректор *В. А. Маевская*

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон А4-57-76

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

М-16402. Подписано к печати 3/VIII 1967 г. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 8+1. 6,36 усл. л., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз. Заказ № 782. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Измайловский проспект, 29. Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати,

Лимонадная

**ПИРОЖКИЕ!
ШОКОЛАД!
МОРОЖЕНОЕ!
НОВ!**

КАФЕ

МАТ В 3 ХОДА

БЕЛЫЕ:
Кр с1, Ка2, п.с7

ЧЕРНЫЕ:
Кр а1, п.с3

РОЖОК

**БЕЛЫЕ
ВЫГРЫВАЮТ**

**ШАХ
МАТ**

**ПОСЛАНЦАМ
ЗЕМЛИ-УРА!**

БЕЛЫЕ:
Кр g1, пп. a7, b6, c5, d4, e3, f2

ЧЕРНЫЕ:
Кр a8, пп. b7, c6, d5, e4

ВЫГРЫШ

**ЦИРК
ГАМБЕК**

БЕЛЫЕ ПРОВОДАТ КОМБИНАЦИИ

МАТ В 2 ХОДА

БЕЛЫЕ:
Кр f4, Ф e4, Л g8

ЧЕРНЫЕ:
Кр d7, п.с7

- g1
- f4
- e3
- e1
- d2
- c3
- c1

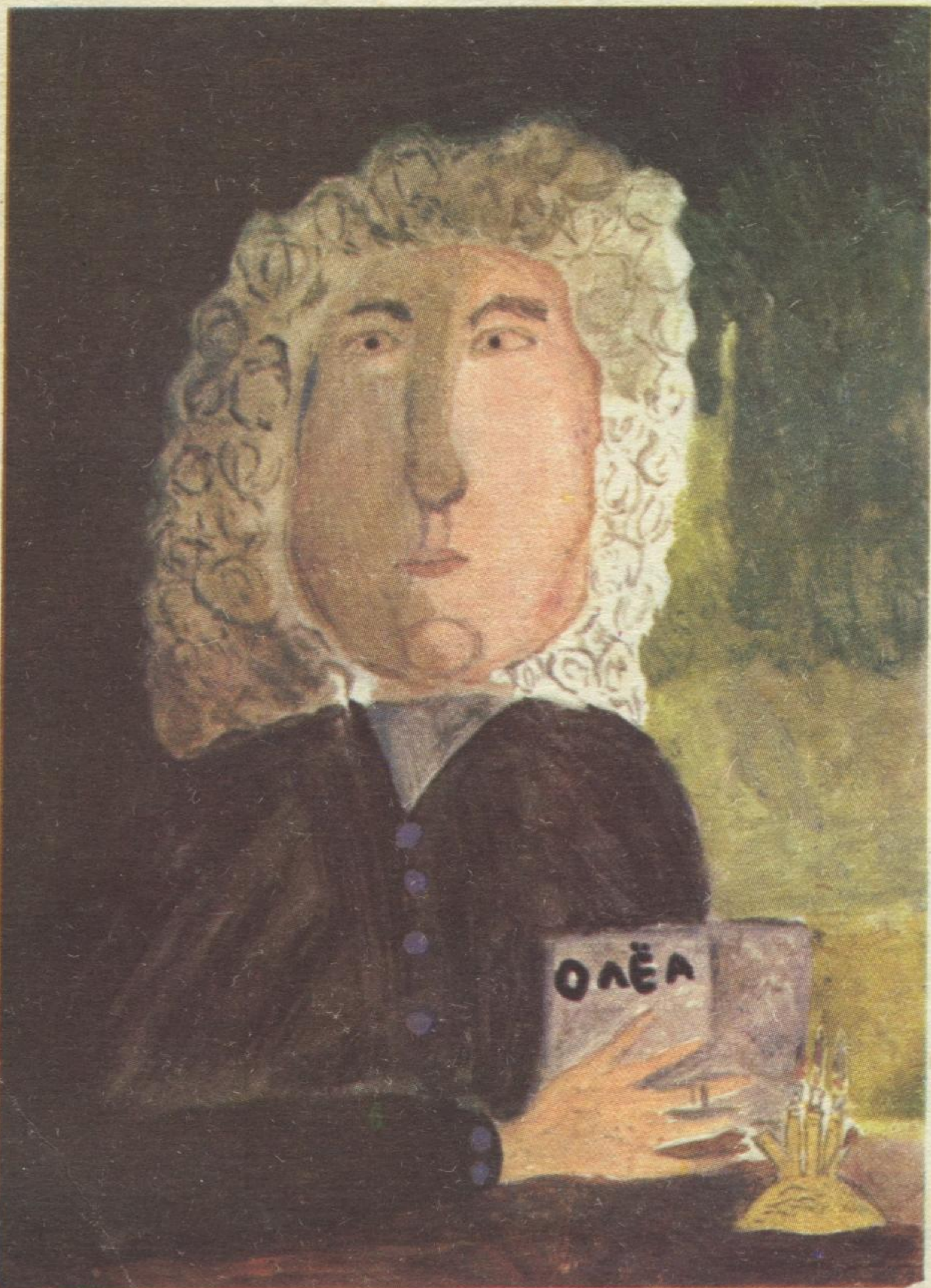
- h6
- g7
- g5
- e7
- d6
- c7
- c5

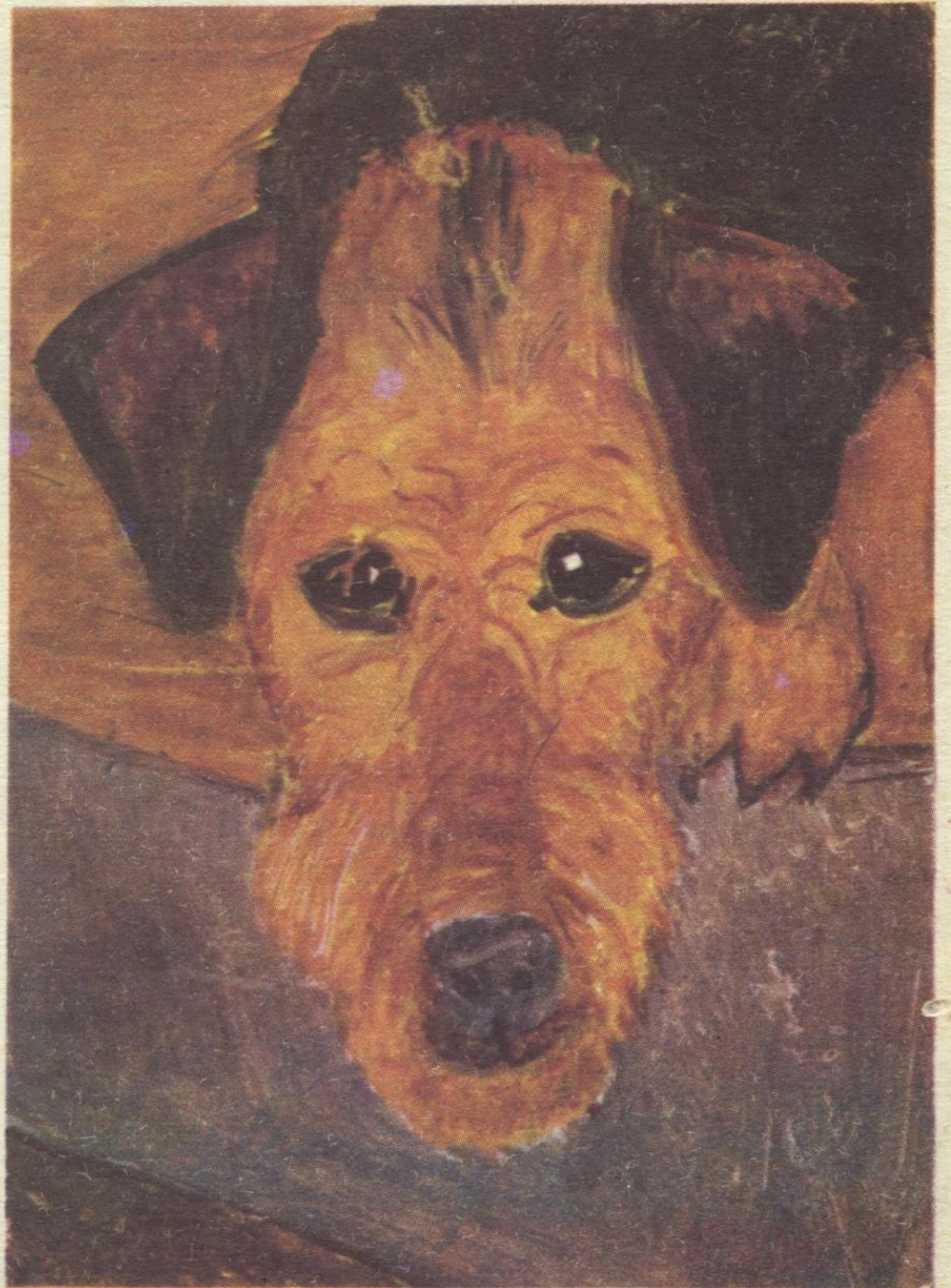

БЕРЕЗКА

Галя Грибенюк, Дом пионеров Смольнинского района

АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Алеша Богничев, 6 лет

МОЯ ИНКА

Нина Осорина, Дворец пионеров